

КАМЕНЬ СОКРУШАЮЩИЙ

Том I

Г. М. ЯШВИЛЬ

После падения Барьера на некогда цветущий Хоринис шквалом обрушились беды, восстали полчища орков, из проклятой долины рудников выплодились порождения зла, а из-за моря прибыли тёмные люди с таинственным артефактом. На остров надвигается потоп! Сможем-ли мы его остановить?

Погрузись в новые, захватывающие дух приключения во вселенной «Готики», раскрой древние тайны и загляни в неизвестную досель историю в романе «Камень Сокрушающий»!

Камень Сокрушающий

Глава Первая — Незнакомец

С раннего утра старине Сиду не было покоя. Портовый город Хоринис, что некогда располагался на южных склонах одноименного острова, в тот день жужжал и колотился как растревоженный пчелиный улей: рыбаки и портовые грузчики без устали сновали по набережной, дородные ополченцы бойко собирали мзду, попрошайки клянчили ялмужку, а с неопрятных, поеденных дождем и солью прилавков рядился разнецкий товар, одинаковой, впрочем, негодности. Торговцы бранились, солнце пекло, счёт шел все больше на медь и железо вместо золота. И, скажу я вам, посреди этой бурной городской кипучести Сиду, прозванному «трактирщиком», надобно было хоть как-то да выживать.

Хотелось бы рассказать вам о нашем заезде «трактиршике» побольше, но, впрочем, ни словом более, чем следует. Сид (по-батюшке Сиддред, но кто это помнил?) появился на Хоринисе недавно, прибыв чуть более года назад. В ту пору новоприбывший Сид мог похвастаться свежим, даже несколько франтовитым, по-Миртанийскому ухоженным и приглаженным видом. Одет он был, впрочем, не как магнат — то бишь без кружев, бантов, и шелковых рюшей, но расшитый серебряной нитью дублет, аккуратные замшевые штаны (с выдающимся по-залихватски гольфиком), и темно-синий, завязанный на макушке шаперон — все это свидетельствовало о скромном достатке. Пахло от Сида Варантийским благовонием, а на поясе у него красовался короткий кинжал — работы не слишком уж ценной, но тем не менее редкостной, Нордмарской, с гербовой печаткой на ручке. Герб-же, как о том тотчас зашептали городские сплетники, являлся фамильным знаком Сильденских Сидов — рода весьма старого и знатного, пусть и измельчавшего со времен первых завоеваний Робара Святого — почившего батюшки нашего нынешнего короля. При себе Сид держал нескольких слуг (не перенесших, к сожалению, Хоринисского климата и скончавшихся на шестой месяц после прибытия) и рассчитывался он не легковесным железом и медяками, а строго чеканным королевским золотом, коего (как нам тогда казалось) у Сида должен был быть бездонный кошель.

Но золото без умножения, как известно, имеет свойство течь и утекать. А умножать золото в ту пору было непросто. Иные нынче и не вспомнят лихолетья тех времен, бо волею Богов оно более не чувствуется среди наших земель, по крайней мере с той болезненной тяжестью как прежде. Но об этом потом. К оглушительной горести Сида, аккурат чрез три месяца после его прибытия на остров, лопнула и развалилась некогда могущественная гильдия купцов — гильдия Араксос. События, приведшие к столь масштабному крушению некогда могущественной общины мне доподлинно не известны, но говорят, что корнем беды послужил магнат с острова Архолос, некий злочинный лихварь по имени Волкер, казненный годами ранее за учиненную им на Архолосе смуту, от которой гильдия купцов премного пострадала. Впрочем, наша повесть не об этом.

Хоринис, будучи городом портовым, своим благосостоянием обязан был купцам Араксосу. Широкие портовые пошлины изымаемые бурмистром из купцов, были, можно сказать, хребтом и хлебом всего Хоринисского благолепия. Лопнула гильдия, усохли пошлины, так наш город и захирел. Правда, тут надо отдать должное старине Сиду: вовремя опомнившись и мигом забыв про купецкий барыш, он мигом продал покои в Верхнем Квартале, и, на разницу, приобрел по тогдашним временам весьма прибыльное заведение: таверну «Мертвая Гарпия», что располагалась в самом сердце острова, на узкой равнине

посреди четырех дорог. С тех-то пор Сид и прозвали «трактирщиком», хотя в подлинном смысле слова трактиром ему поуправлять так и не довелось. Буквально через полгода, на многотерпящий остров наш лавиною сошла новая напасть: рухнул волшебный Барьер над Долиной рудников, пробудились драконы, изо тьмы восстали полчища орков, с материка грянули полки королевских рыцарей-паладинов, а бывшие каторжане, выплодившись из проклятой Долины словно саранча, хлынули на хлебные пажити землевладельца Онара и там плотно обосновались. Эти события, разворачивающиеся со скоростью звонкой оплеухи, полностью сковали и отравили жизнь нашего некогда беспечного острова.

Беды эти, разумеется, сказались и на Сидовых доходах. Приносившая поначалу стабильный барыш таверна из-за нехватки посетителя стала буквально тонуть в долгах. В итоге, по истечении довольно краткого времени, старина Сид был вынужден таверну заложить. Таким образом, некогда любимое всем Хоринисом заведение оказалось в кармане у наисквернейшего из всех скверных скаредов Хориниса — у стяжателя и лихваря Гамзы, некогда торговца с Южных Островов. Получив от Гамзы ссудой лишь одну восьмую от цены, и передав заведение целиком под его, Гамзы, полную управу, старина Сид окончательно сбился с ног в поисках заработка.

Думаю, многие из вас уже решили, что Сид наверняка происходил из тех кисельных Миртанских аристократов, что лишившись дармовщины тотчас впадали в уныние, а затем и в сопливое ничтожество, побираясь пьяными по помойкам и грязным портовым кабакам. Нет, заверю я вас, Сид был не таков. Доподлинно известно, что к хандлажу купецкому Сид примкнул после прибытия на Хоринис, а чем он промышлял до этого... впрочем, всему свое время. Да и внешность у Сиды была, прямо скажем, не кисельной: длинноносый и скуластый с едва-заметным шрамом на левой щеке, Сид больше походил на Варантийского искателя приключений нежели на бледного, изнеженного вельможу. Роста он был высокого, сложения костлявого и долговязого, ходить имел привычку широко и сутуля при этом плечи — словно телом памятая некий длинный переход с ношей на плечах. Манеры у Сиды были простые, почти солдатские, и меж тем не грубые вовсе, а наоборот по-отечески обычливые и добрые, каковые иной раз можно наблюдать у отставных армейских полковников и монастырских проповедцев. Что-же до торгового ремесла, то не смотря на попытки, в торговле Сид не смыслил и бельмеса (по крайней мере такая молва ходила среди Хоринисских жох-купцов) и вечно на ней прогорал.

Теперь, вернемся-же в настоящее. К середине дня старина Сид успел основательно засалить свой единственный приличный кафтан и, вдогонку, прохулить последнюю пару башмаков. Но изо всей этой суетной беготни да мытарств ничего путного, увы, не выходило. Хоринис на заработок был пуст, а видимая кипучесть оказалась, на поверку, лишь бойким переливанием из пустого в порожнее. Город словно бился в нервном ожидании новых небеспеченств. Множились скверные слухи. Как Сиду поведал трактирщик Кардиф из портового квартала, сказывалось что королевство за морем пало под натиском орков: сломив гарнизоны Фаринга, полчища орковьев продрались к рубежам самой столицы и, осадив её со всех сторон окромя морскрй, отрезали короля Робара Второго от армий Кап-Дуна и лагеря паладинов в Реддоке. — «Столичному гарнизону и месяца не протянуть» — шипели иные, — «ну а со столицею и королем хана всему человеческому! Грядет время орков, грядет время зверя». Злословил и городской «прорицатель» Абуджин — известный прохвостень и плут с торговой площади, днесь возвещавший о конце времен и страшных карах господних.

Солнце почти стояло в зените, давила духота и тяжесть. Распаренный от беготни Сид

окончательно пригорюнился и, чертыхнувшись усы, присел отдохнуть на стоящую в тени Восточных Ворот скамью. — Вот тебе и клюква, — бормотал он под нос, — Только обувку обшаркал, безо всякого смыслу. Злых слухов разве что цельной короб собрал, свинье их под хвост, чтоб их леший подрал!

Делать в городе было решительно нечего. Оттоль, отдохнув с четвертинку часа да поплевав-покряхтев с недовольства, старина Сид поднялся и, минуя Восточные Ворота, пешим ходом двинулся к «Мертвой Гарпии». Тракт до таверны нынче пустовал и был, в целом, безопасен — сказывался недавний марш рыцарей-паладинов к Миненталю и вылазка городской стражи смертельно огорчившая дорожных бандитов. По обочинам тракта зеленели кусты, зрела и наливалась соком дикая голубика, опушки звенели разлихою птичьей песней и всплесками крыльев.

Неспешным да размеренным шагом старина Сид добрался до таверны немногим за полдень. Знаменитая таверна посреди четырех дорог в это время пустовала, хотя годами ранее никто и представить не мог чтобы в «Мертвую Гарпию» не заживал полдничать люд. А ведь хаживали крестьяне с окрестных пашен за пивом и похлебкой, хаживали странствующие коробейники вином подкрепится и хлебом голод утолить, хаживали паломники — люди святые путь до Монастыря держащие, хаживали вольные охотники со шкурами в торбах — словом, от посетителя к полднику не было вовсе и отбоя. Нынче-же... йех!

Поглядев на порядком обветшавшую вывеску, старина Сид цокнул языком и было переступил порог, как вдруг аккурат рядом с ним рухнуло, будто бездыханное, чье-то тулово. Тулово принадлежало молодому незнакомцу. Отойдя от оторопи, старина Сид приподнял незнакомца и, облокотив его о стену, тотчас зарядил ему пару звонких, по-хозяйски отрезвляющих пощечин. Судя по красновато-сиреневому колеру незнакомской физии, он очевидно не расставался с бутылкой всю ночь и, что в равной степени являлось очевидным, справил себе богатый празднеством и возлиянием полдник. Легонько встряхнув незнакомца за плечи, Сид задал первый вопрос:

— Откуда ты такой тут взялся, сударь?

Глава Вторая — Гости Таверны

— Дядька, а дядька, — незнакомец прошелестел немymi от хмеля губами, — Сообрази-ка мне стаканчик винца, да так чтобы с верхом, а я... а я тебе песенку спою!

С этими словами он громко икнул и, закатив глаза, вновь впал в мертвецкое беспомыслие. На этот раз старина Сид пощечин выдавать не стал а, оставив незнакомца подле стены, сам поднялся на ноги и внимательно его осмотрел. Перед ним был совсем молодой человек, лет до двадцати, безбородый, с впалым будто от долгого голода животом и худощавым, скуластым лицом. Платьем молодой незнакомец тоже не отличался: ношенная суконная куртка, стоптанные сапоги солдатского пошива и матерчатый матросский кушачок — все это «убранство» красноречиво говорило о нужде. Единственное что, пожалуй, незнакомца и выделяло была валяющаяся подле него широкополая синяя шляпа, с франтовскою лентой, шелковой тесьмой, и весьма потрепанным перышком какой-то экзотической южной птицы.

Поглядев на молодого кутилу и осуждающе поцокав языком, старина Сид было пошел за водой, но тут в залу таверны ввалился, по-утиному раскачиваясь и кряхтя, Сидов душеправитель Гамза. Гамза, как уже было замечено, промышлял лихварским делом и, заполучив в свои загребущие лапы Сидову трагторию, в ней-же и поселился. Тучный, отдышливый, и оттого крайне малоподвижный, Гамза свил себе гнездышко на первом этаже, в обширных комнатах подле кладовки. Там, среди шкапов и полок с расписками да купчими, лихварь ощущал себя благопокойно и по-домашнему вальяжно. Заслышав-же шум в по обыкновению тихий час, Гамза суетливо выкатился из своих комнат и, вздыхая всею необъятной утробой, проследовал в залу.

— Гамза! — окликнул его Сид, — Сделай милость, подай-ка сюдова водицы кувшин, а то гляди — молодой человек погибает.

— А... Этот? — засопел успокоившись лихварь и, пренебрегая Сидовой просьбой, приковылял к буфету и опустился в стоящее подле кресло.

— Нешто этот пёсьи сын еще жив? Телепень кабацкий, бахвал, брынчало, и балагур — харр-тьфу! Леший притащил его в мою корчму, на Белиаровом копыте занесло, как есть.

— Нечистым может быть и занесло, — рассудил Сид строго, — Но и нечистым будет его так бросать. Допомоги хотя бы до лавки дотащить бедолагу, а то негоже ему так, на сырых досках пропадать — еще спину застудит аль простудой прошибет.

Гамза лишь только хмыкнул и сморщился в жёлчном презрении, так что волочить незнакомца Сиду пришлось одному. Уложив молодого на лавку и подложив ему под голову собственную-же мятую шляпу, старина Сид воротился к буфету и, выудив из-под прилавка бутылку монастырского вина, со смаком промочил глотку четвертиночкой штофа.

— Чьих-же все-таки будет этот молодец? — утерев усы спросил Сид, — Бо, не видывал я таковых ни на фермах Акила, ни на Бенгаровых пастбищах, да и в городе тоже не встречал. Нешто от Онартовых наемников занесло?

— Вовсе нет, — ответил Гамза, искоса поглядывая на Сиду, — Незнакомая дрань, прощельга залётный. Вчера-с изволил пожаловать, к вечерне, покамест вы, батенька, в городе промышляли. Да и не один привалился, а в компании с Варантйскими псами! Заявили они с порога что-де «путники мы из Варанта», прибыли на частной посудине торгового промысла ради. Могли, конечно, и не представляться вовсе — уж я то их, шакалов

пятнистых, безо всякого представления опознать могу. Варант — чернокнижники, колдуны, торгашня, скот Белиаров! Сколько крови они нам и житья, Южанам остронным, отравили — харр-тьфу!

— Торговцы с Варанта? — изумился Сид.

— Угу, — проворчал Гамза, — Торговцы, да. Небось рабов наловить приехали — знают бесы что Хоринис наш в беде, так и пожаловали на трапезу постервятничать. Но с деньгой, между прочим, у них все чинно да ладно, — заметил Гамза немного переменившись, — наперед уплатили за самые дорогие покои, пятьдесят полновесных королевских гульденов — наперед! Ну а потом принялись за кутёж: вино, мёд, и вишню лакали, кутили вольно почти до рассвета, и этот вот молодой балда вместе с ними. На лютне брынчал, песни мычал, юродствовал и шутовал по-разному — ни совести, ни чести. Наплел этим пустынным шелудивцам баек с три короба про Хоринис, словно он тут живал, к добрым людям хаживал, и через это чуть-ли не со всем Хоринисом на короткой ноге. Лодыри и лжецы, Белиар им в кости — харр-тьфу!

— Что принесли-то с собою, торговцы эти, чем хандельствовать собрались? — спросил Сид, задумчиво почесывая подбородок.

— А кто их, свиней собачьих, знает? — насупился Гамза, — Мне они ничего не казали, да и поклажи при них не было вовсе. Нелепо, конечно, да мне-то какое дело? Знай платят за жрачку и кров, а дела их — свинье под хвост, баш на баш. Молодой, потом, что-то говорил да сочинял...

Гамза зевнул, разговор начинал ему надоедать.

— Что сочинял? — переспросил Сид.

— Да околесию разную, с пьяных губ да ослам в уши. Врал, что в реках нашего острова водится ценная красная рыба, и что на севере лежат огромные медоварни, где cedят золотой эль, ну и так далее, кундель брехливый... И что с этого добра будет им, торгашам, толстый барыш если дадут ему пятерку-другую гульденов наперед, ну а он-де добро для них добудет и мигом состряпает.

— Интересные, однако, в нашей корчме дела творятся — сказал Сид. — Хандели с востока, на посудине приплыли, портмистру пошлину внесли, через город прошли, да и сюда привалились, в нашу таверну запущенную, без единого тюка или короба, и не ранее чем вчерашнего полудня. Так или не так?

Гамза лишь только вздохнул и, лениво отмахнувшись от Сида, поплыл обратно к своим комнатам.

— Дивно, — подумал Сид, — А ведь я за весь вчерашний день, от рассвета до полуночи, вокруг гавани сто кругов сделал, всю обувь стоптал — ну, почти как сегодня, и вместе с тем никаких торговцев с Варанта не видывал, с посудиною или без. Да видать не только я, а вообще никто не видывал и не слышал, ибо и за сегодняшней день в городе о гостях — ни слова. Что-то тут явно не так, — нахмурился Сид, — Надо-бы этого молодого как следует поспрошать.

Глава Третья — Подозрительная Находка

Вечерело. Солнце клонилось к закату, со стороны Рудниковой Долины подул холодный, жёсткий ветер и, зашелестев по чащобам да завыв оврагами, погнал тяжелые, мокрые тучи. Старина Сид, подперев входную дверь таверны засовом, с ковшиком в руках направился к растянувшемуся на лавке молодому незнакомцу. Незнакомец лежал тихо посапывая, а над ним грозовую тучей висел хмельной дух перегара.

Как диктует обычай трактирных управителей, мертвецки-пьяных клиентов неблагородного толка безо всяких церемоний будят и, надавав по шеем, выталкивают за порог. Ежели обстоятельство требует клиента разбудить (чаще всего — для взыскания оплаты за пропитое) то согласно той-же управительской традиции, его, клиента: полощут в помоях, хлещут кухонным ершом по щекам, валяют в саже, или-же (но только в наиболее благородных тратториях) подкладывают ему под хмельной нос нестиранные исподние портовых прелестниц. К счастью для дремлющего на лавке незнакомца, ничего из вышеперечисленно старина Сид с ним вытворять не стал. Промочив в ковшике льняную салфетку, Сид аккуратно отер лицо незнакомца и, легонько отжав материю, соорудил из салфетки холодный компресс. Следом из кармана была выужена табакерка, в которой, на всякий неотложный случай, старина Сид держал чайную ложку нюхательной соли. Аккуратно поднеся табакерку к носу незнакомца, Сид обождал сокровенного вдоха и, отпрянув, мигом получил результат: незнакомец приоткрыл рот, громко чихнул, а затем в смятении отпер глаза.

— Честен-ли дух ночных возлияний? — усмехнулся Сид, глядя на отходящего от хмельного ступора незнакомца, — Истина, как говорят мудрецы, в вине и в нем-же наша вина!

— Ох, отче, — простонал незнакомец, — Ты бы... ты-бы вместо мудрости попить чего соорудил, да покрепче!

С ухмылкой на губах старина Сид протянул незнакомцу полчарки душистого вина. Незнакомец, словно губка, мигом впитал жидкость и, утерев губы, облегченно вздохнул.

— Отче, отче, — пробормотал он малость зарумянившись, — Сам небось не знаешь какую службу мне сослужил!

— Отчего не знаю, когда очень даже знаю, — ответил Сид, — Служба простая, ровно на три медяка. Но твоему-то сударь лицевому счёту три медяка — небольшая нагрузка.

— Моему счету? — переспросил незнакомец, от изумления так и привскочив на лавке, — Это как?

— А так, — лукаво молвил Сид, — А так что у нас тут не городская богадельня, напитков бесплатно не разливаем. А ведь мне о твоих, сударь, ночных подвигах, трактирщик доложил с самой что ни на есть безукоризненной деталью.

— О подвигах? Доложил? Но как-же... — засуетился незнакомец, но Сид его перебил.

— А вот так, сударь мой: пропитого и проеденного за один только вечер — на пять полновесных гульденов, семнадцать серебряников, и три медяка. С друзьями-купцами кутить изволили, что тоже известно, а тем часом друзей твоих я тут не сыскал. Есть только ты, значит тебе счет и закрывать.

Разумеется, старина Сид откровенно лукавил, ибо со слов Гамзы было известно, что за все ночные предприятия торговцами было сполна уплачено. Лукавил-же Сид не от корысти,

а наоборот — желая незнакомца разговорить и, сначала смутив страхом долга и сразу ему этот «долг» простив, заставить его выложить всю правду о загадочных спутниках.

— Кстати звать-то тебя как, должничок? — добавил Сид, хитро прищурившись.

— Звать меня Курц, Кристоф-Панкрациус Курц из... — тут незнакомец поперхнулся.

— Впрочем, неважно откуда. Но как-же так, эти мои... мои, кхе, спутники, при мне-же вчера погасили текущий счет целиком. Трактирщик! Трактирщик может — вернее должен подтвердить.

— Трактирщик, — тихо сказал Сид, — клятвенно подтвердил обратное. Возможно, твои спутники и правда что-то оплатили, а — что более вероятно, тихонечко слиняли поутру и оставили тебя висеть.

— Но отче! — возроптал незнакомец, переходя на высокопарный, придворный слог, — Я право, я не разумею какой на такую страшную конфузию делать ответ. Прошу прощения за эту, так сказать, неприятную для нас обоих констернацию, но ничем помочь не могу. Засим, извольте милостиво вызвать трактирщика дабы он при мне объяснился и, глядя мне в лицо объявил, что дескать, не видывал он никаких денег. Право, я бы очень желал с этой персоной немедля побеседовать! — горячо вскрикнув, незнакомец сорвался на фальцет и, сконфузившись, тотчас умолк.

— Но-но, Курц, не кипятитесь, — успокоил незнакомца Сид, — меня, кстати, Сиддред зовут, Сиддред из Сильдена, можешь звать просто Сид. А то это твое «отче» — уж больно оно меня старит, да и звучит как-то высокопарно, по-монастырски. Так вот, братец Курц, будь покоен. Сердцем верю я твоей правде. Трактирмейстер Гамза — подлая курица, очевидно решил меня провести и, как это у ихней породы принято, надурить мою голову на круглый барыш. Вот как воротится он с рынка — я ему башку-то куриную и отверчу!

Незнакомец видимым образом расслабился и подобрел. Старина Сид, меж тем, пригласил его к столу и, поставив чарку подле бутылки, испросил о желании чего-либо откусать.

— Да мне-бы, спадар Сид, откусать не помешало, хотя-бы и простой пищи. Я к банкетам не очень чтобы и привычливый, — сорвалось у незнакомца с языка, от чего он опять сконфузился и быстро добавил, — от нынешних, разумеется, худых да военных времен. Кому нынче до пиров-то? А то ведь раньше...

— Раньше было раньше, — сказал Сид, — А нонче — уж как получится. Кашей угостишься? С бараниной. Ну и винца, знамо, по чарочке раздавим.

Незнакомец охотно кивнул и, без лишних слов, стал подкрепляться. Наблюдая за тем, с какой охотой молодой человек угощался, за бледными его губами, и за нескрываемым его удовольствием от, казалось бы, простой, мужицкой еды, старина Сид в уме составил что молодой очевидно натерпелся голода и, скорее всего, на вчерашнем бурном банкете его особо не кормили а больше опаивали.

— Ты угощайся, — сказал Сид, — а меж тем и думку думай: этот ведь курица, трактирщик наш, он ведь шельма склизкая — лисий потрох. Как я его к стенке припру — начнет вилять и увиливать и, если не прижать как следует, то и от нашего с тобой опроса уйдет. Будет клясться, божиться, и на тебя лживым перстом указывать — мол де, вот он должник, с него старинушка Сид голову и сворачивай. Засим, чтобы эту тать на чистую воду вывести, сочини-ка в уме да поведай от сердца — как оно было все вчера: с кем пришел, куда путь держал, и кто, суть, твои спутники?

Вопрос этот застал незнакомца настолько врасплох, что тот подавился куском

баранины и, судорожно хватая воздух, мигом бросился к чарке с вином. Размашисто отпив и зримо успокоившись, незнакомец начал свой рассказ, то и дело скатываясь в натуженную помпезность.

— Коль скоро вы, Сид, столь благородно отведши от моей чести всяческие подозрения, изволите слушать — то с моей стороны будет справедливым, и даже я бы сказал праведным, потешить ваше любопытство. Зовут меня, как уже заметил, Кристоф-Панкрациус Курц, ну а по роду деятельности, по учёности и по (не сочтите за нескромность) божественному призванию да провидению я — Бард. Благосклонной волею Богов довелось мне посещать священные залы Венгардской Коллегии и, чрез ученые посещения эти, всецело овладел я благородным Бардовическим искусством.

— Так значит ты бард-лицензиат? — изумленно молвил Сид.

— Да, почти, — уклончиво ответил Курц, не роняя, впрочем, достоинства. — Судьба распорядилась таким образом что последние курсы лицензии мне досидеть не довелось. Но это не важно, тем более что лицензия в искусстве не главное, а даже, как то мыслится мне, наоборот — мелкая и докучливая формальность, претящая цветению и царствованию творческого духа. Так вот, духовного роста ради и дабы поймать-таки наконец строптивую музу за змейчатый локон, я пустился в peregrinaciu по землям близким и дальним...

— Во что пустился? — переспросил Сид.

— В peregrinaciu, сиречь — путешествия.

— Да уж, — подумал Сид, — в разгар войны с орками — только peregrinaciami баловаться, — но вслух ничего не сказал.

— Ну и, будучи в Варанте, — меж тем продолжил Бард, — в одном неприметном, но по-восточному прекрасном местечке, название которого я боюсь, что запомнил, довелось мне войти в благородное общество тамошних купцов. С этими-же радушными и рачительными людьми я поплыл на Хоринис, к берегам дальним, манящим, и загадочным. Тут, право, столько вдохновения, на острове этом!

— Но ведь ты тугова и прежде бывавший, — заметил Сид с мягкой каверзой, — по крайней мере так доложил мне трактирщик, что ты про медоварни наши знаменитые рассказывал, про рыбу красную, и тому подобное.

Бард было замялся, но пошевелив губами и жадно отпив из чарки, продолжил свой рассказ.

— Ведь да, то правда — знавал я и прежде Хориниса гостеприимного береги, правда через чур уж мимолетно. За долгою лет многое из головы выветрилось, так что рассказы мои о Хоринисе могут пестрить неточностями.

— За долгою лет? — молвил Сид, с некоторым ехидством поглядывая на Барда, которому, скорее всего, и восемнадцати еще не исполнилось. — Да, за долгою лет такое бывает, старость — не радость. Но некоторые вещи, я уверен, ты бы не упустил: проходя через город тотчас указал-бы спутникам на музыкальный фонтан — то ведь первая жемчужина и украшение Хоринисских верфей. Да и плохая примета — пройти через Хоринис а фонтана не повидать, водицы из него не отпить. И кстати, пока суть да дело, терзает меня еще вон какой вопрос: от чего-же твои купцы в городе не остановились? Таверна-то моя от города вроде и не далеко лежит, но после дальнего морского перехода мало кому в охотку по трактам шляться, вот и останавливаются гости морские в городских тратториях. А вы с корабля — прямо сюда, удивительно выходит!

Бард задумчиво почесал темя и, будто бы стараясь выиграть время для поиска

подходящих слов, опять припал к чарке. Глаза его, меж тем, застелило слезой от смятения, или — как вывел про себя старина Сид, от внутреннего страха.

— Разумеется, фонтан, — ответил Бард, опустошив содержимое чарки, — Фонтан певучий, первым делом к нему и рванули. Достопочтимый Барадар даже изволил в фонтане серебряную монету утопить, сообразно... сообразно удаче и традиции в дань, да и расхожий городской манер чтобы уважить, а то ведь если не уважишь — злые языки вмиг затрещат о «грубости и невежестве иноземцев», в век от их молвы не отмоешься.

— Барадар? — переспросил Сид.

— Мастер купец, по чьей милости и в... в чьем честном кумпанстве я на Хоринис и прибыл. Господин аль Барадар из Баккареша, мастер торговых дел, личность весьма уважаемая и состоятельная, — выпалил Бард скороговоркой, словно кто-то его специально обучил. — По его-же прямому наказу мы в городе не остановились а, испросивши направления в порту, отправились напрямиком в вашу гостеприимную трактирию, дабы...

— А товар? — спросил Сид, перебивая заученную речь Барда.

— Товар? — переспросил Бард, хлопая глазами.

— Ну товар, — сказал Сид с наигранной наивностью, — Купцы-же небось, да и этот твой мастер Борода или как там его, с товаром приплыли через море-то, за тридевять земель. Да и какой ханделяж может быть без товара. Вот я про него и спрашиваю — про товар, потому что может быть и безделицу-другую выцепил бы себе из ваших восточных диковинок, а то ведь так мое дело крайнее. Почем знать — может нынче купцы и правда без товара плавают, мне-ль кого судить?

— Милсдарь владыка Барадар, — простонал Бард утирая со лба холодный пот, — Не велел... по причине свойственного ему скудословия... не имел возможность посвятить меня во все детали дел. Отче, пойми-же, я вовсе не желаю от тебя что-то утаивать или скрывать, я бы вовсе и не стал объясняться будь на то моя воля. Я-бы, я-бы... — губы Барда мертвецки побледнели и он, словно зашедшись от внезапно приступа лихорадки, стал терять сознание.

Увидевши это, старина Сид тотчас подхватил Барда под локоть и, приподняв его с со стула, стал медленно увлекать в сторону покоев.

— Ну-ну, угодно-ли, братец Бард, так душу себе беречь? Полно, полно. Да и мы во всем разобрались, никаких вопросов нет. Трактирщик этот собачий Гамза за поклеп в твой адрес у меня еще попляшет под хворостиной, уж я-то его ребрышки мигом угощу! А ты, братец, лучше полежи и выпишься на хорошем ложе. А то негоже тебе — Барду из Коллегии, на лавках аки подлецу хуторскому валяться. Пошли, милочка, пошли.

Бард учтиво кивал головой и с немалым трудом перебирал ватными ногами. Таким образом доплелись они до второго этажа таверны. Второй этаж был целиком спальным и делился на десять номеров, разнящихся по внутреннему убранству и комфорту. В просторных почивальнях (для посетителей с толстою мошной) стелились богатые ковры, располагались просторные ложа с балдахинами, столики из резного дерева, фарфоровые умывальники, зеркала, и прочая атрибуция роскоши. Комнаты-же для постояльцев поскромнее лежали в самом конце коридора и обставлялись закономерно простым фурнитуром. Но, кроме всего прочего, из этих экономских комнат было решительно невозможно по темному слинять. Дверь предусматривалась только одна прямо в коридор, выйти из которого можно было только на первый этаж, аккуратно в «радушные» объятия управляющего. Желаящих-же не уплатив за побудку утечь через окно ждала неприятность: узкие окна номера, больше напоминающие бойницы, были заборонены добротной железной

решеткой. Поговаривали, что прежний владелец таверны (вроде как звали его Орлан и был он тоже, вроде, из южан) использовал данные комнаты то-ли как схрон для оружия, то-ли укрывал в них слётников какого-то тайного общества, в котором и сам состоял. Как-бы то ни было, именно в одну из подобных комнат с «секретом» Сид и спровадил нашего Барда.

— Отдохни тут покамест, и пусть вид этой комнаты тебя не смутит — чай не в остроге. Они мне такими достались, комнаты эти, а на перелицовку денег нема. Но ты отдыхай, а я тебе через четвертину часа чего-нибудь попотчевать принесу — баранины там, ну и винишка крючок, как же без этого. Так что не волнуйся, никто тебя тут не обидит.

— Благодарю, — сказал Бард слабым голосом и рухнул на кушетку. — Испрошу лишь только об одном одолжении, любезный хозяин: где-то там внизу, в питейной зале, пропадает моя лютня... Доставь её сюда, Бога ради, а то кроме этой лютни у меня ничего нет.

Старина Сид ничего не сказал, лишь только раскланялся учтиво и, шаркнув каблуком, затворил за собою дверь. — Какой ладный молодой человек, — задумался Сид шагая вдоль коридора, — но очевидно связался с неладной компанией. А как врал-то, как словесничал витиевато! Врал, и сам своего вранья боялся — явно кто-то заставил. Знать бы, что это за душегубы такие эти его «купцы», которые за торговым промыслом без товара плавают и на Хоринис мимо гавани попадают.

На ум старине Сиду пришла плутовская мысль: осмотреть комнаты дорогих постояльцев и, пользуясь их отсутствием, как следует в вещичках пощуровать. — Не совсем благородно выходит, — подумал Сид, отпирая замок постояльских комнат, — Но иногда и от самой малой кривды может выйти пребольшая правда.

К Сидовой досаде, осмотр комнат ровным счетом ничего не дал: постояльцы в кроватях не спали, полки и шкапы не трогали, скарб дорожный не раскладывали, да и в целом, очевидно, покоями не вовсе пользовались. Лишь только на этажерке подле тахты лежала пара пыльных замшевых перчаток а рядом с ними — перламутровый веер с рукоятью в форме змеи.

— Да уж, — задумался Сид, — А может они и вправду добро свое в Хоринисе оставили? Нет, вздор! В городе их точно не было. Новых людей не то, что один я — весь город-бы заприметил и тотчас на них кинулся, с нынешней-то безработицей и нуждой во все края. Раз не торговцы — значит контрабандисты, и товаришко свой, вестимо, где-нибудь в пещере запрятали, подальше от городской стражи и сыскарей. Но нет, и это не подходит — все вздор!

Сид беспокойно заходил по комнате, — Ведь если даже и контрабандисты — то один-то тючок, одну-то коробчонку с товаром они бы с собой приволокли, хотя бы и с тем, чтобы местным хлебобобам и вольным охотникам по-тихому сбывать... А может быть и принесли и по утру с собой забрали, да и пошли сбывать куда-то? Нет, тоже вздор! Гамза ведь сказал, что вчера прибыли порожними, без поклажи... Ох! — Голова начинала болеть и кружиться, — Ох, нечистое дело, грязное, мутное, быть беде! А может и не контрабандисты вовсе, а какие-нибудь вельможи королевские с тайной миссией? Но от чего-же Бард этот горемычный врал мне в лицо и трясся при этом как осина? Ох и впутался-же я в бесовское дело, впутался как есть!

Сплюнув от злости на пол, старина Сид было повернулся дабы выйти из комнаты и потолковать с Гамзой на первом этаже, но тут его взор упал на непримеченный досель предмет. На табурете подле платяного шкафа лежал маленький, окованный серебром ларчик. Сощурился от любопытства, Сид подошел к табурету и, подобрав ларчик,

аккуратно поставил его на этажерку подле окна для подробного досмотра.

Расписанная серебром и разноцветными камнями, крышка ларца сверкала и искрилась на лучах заходящего солнца. Приглядевшись, Сид заметил, что камнями и серебряной вязью на крышке были выложены то-ли руны, то-ли какие-то сцены из давно минувших дней. — Ох, надеюсь оно не магией запечатано, раздери его леший! — с тревогой подумал старина Сид и, набравшись храбрости, аккуратно отворил крышку.

Внутри, на мягкой подушечке из алого шёлка, лежал чёрный камень.

Выцепив камень из ларца, Сид поднес его к окну дабы получше разглядеть. Но даже на прямых лучах солнца камень сохранял иссиня-чёрный, непроникновенный колер, словно это был и не камень вовсе а отколотый кусок ночного неба. Кроме того, камень оказался на удивление тяжелым для своих размеров: будучи не больше крупной картошины, весил он (на Сидову прикидку) не менее двух полновесных фунтов. Но было в нем что-то еще — что-то влекущее и манящее, какая-то странная, довлеющая над разумом привлекательность, что Сид, словно по команде, одним движением руки затолкал камень в кошель, и, как следует кошель зашнуровав, заспешил вон из комнаты. Но, не успел Сид запереть двери покоев, как снизу, с первого этажа таверны, раздался громовой стук.

Глава Четвертая — Побег

Устало свесив ноги с кушетки и натянув на нос шляпу, молодой Бард попытался уснуть. Комната баюкала уютом и прохладой. За окном, на легком вечернем ветерке перешептывались ели, из леса лениво покрикивали сойки и сонные птицы-падальщики. Бард ворочался, налитая свинцом голова после вчерашних ночных возлияний гудела, а сон все никак не приходил. Поворочавшись с пяток минут, Бард поднялся с ложа и, сбросив с головы шляпу, начал расхаживать по комнате. — Надо выходиться, — думал он, — Выхожусь, а там и дрёма придет.

Но каждая минута бодрствования тянулась мучительной, тягостной вечностью. Стало жарко. Разгорячившись, Бард со злостью стянул с себя суконную куртку и, чуть не разомкнув её по швам, швырнул на пол вместе с нательной рубахой. — Получше, — подумалось ему, — Попрохладнее, — но буквально через мгновение он бросился на пол, спешно подобрал рубаху и, нырнув в неё, зашнуровал ворот под самое горло. Бард боялся наготы. Подойдя к двери, он заглянул в замочную скважину — не подглядывали-ли кто снаружи? Никого не было.

Боялся он, впрочем, не зря, да и ворот зашнуровывал не без причины: ведь на голой груди Барда грубым, мясисто-розовым шрамом багровело клеймо — уродливая тамга Варантийских работорговцев. Да и присмотришься кто к запястьям Барда, то мигом бы разглядел следы рубцов и мозолей — следы, которые на человеческом тулове может оставить лишь только один страшный предмет — цепи и кандалы. Страшной складывалось судьбина молодого Барда, и тяжелая горечь давила его сердце.

Присев на кушетку, Бард закрыл руками лицо и задумался. Сон все никак не шел, душу же бередило совестливой тревогой: зачем он лгал? Ведь вместо вранья мог-бы открыться этому добродушному пожилому жихарю, как его... Сид? Он явно хороший — накормил, напоил, даже с ночлегом подсуетился. А мог бы и на улицу выкинуть, за долги. — Неужто хозяева не заплатили? — подумал Бард и мысль эта показалась ему странной: у хозяев всегда водились деньги, ему их никогда не давали, и платить никогда не велели. Но вчерашний день Бард памятовал плохо, поэтому и не мог подлинно рассудить.

Так что-же было вчера? Таверна «Мертвая Гарпия» — по крайней мере такую надпись он разглядел на ветхой вывеске. Хозяева привезли его на остров для какого-то важного дела, но вчера о делах вовсе не разговаривали, вчера хозяева желали отдыхать. Ему, после долгих месяцев разлуки, вернули наконец лютню, а чтобы не грустил и играл веселее — дали покурить хашиш. Хашиш! — Вот почему я не могу уснуть, — хлопнул себя по щеке Бард, — Хозяева перед сном всегда давали хашиш! Как же он уснет сегодня?

С глухим стоном Бард вновь оторвался от кушетки. Он подошел к двери. Ему показалось что откуда-то снизу послышался, вперемешку с криком, громкий и назойливый стук. Внезапно, дверь в комнату отворилась (да так, что Бард со страха отскочил обратно к кушетке) и на пороге показался встревоженный Сид.

— Ты, барин горемычный, мигом со мной! Пришли твои приятели. — прошипел Сид, ухватив Барда за рукав. — Пошли, и делай строго как я говорю, авось оба целыми будем.

— Да? — пробормотал растерявшийся Бард, — но...

— Никаких но, — отрезал Сид, — Ка-бы от беды уберечься.

Оба заспешили вдоль коридора. Снизу-же раскатистым громом неся тарарам и

вторящие ему, словно эхо, трескучие крики: — отвори, отвори добрый хозяин! — кричали одни, — Усталые путники ждут тебя у порога!

— Трясцы твою матери, трактирщик! — гремел второй голос, куда более грубый и зычный, — Какая шолудивая бестия велела запереть дверь?! Отвори, кому говорят, пить охота!

Второй голос Сид, впрочем, быстро узнал: то был Рухар, старый пахарь и пьянчуга с Акиловых ферм, пожаловавший по обыкновению к вечеру с приятелями-хлеборобами, шнапсом глаза застелить. А первый голос — вот он, он всенепременно принадлежал восточным гостям. Бард и старина Сид, меж тем, спустились на первый этаж. Сид поспешил отпирать таверну, ну а Бард, все еще растерянный и порядком напуганный, тихо проследовал в трапезную залу и занялся поиском лютни.

Двери таверны открылись. Первым влетел старый Рухар и, побранившись в нечёсаную бороду, спешно залез на свое привычное сидение подле пивных бочат. За Рухаром ввалились его сотоварищи: пахари, хлеборобы, чабаны, и свинопасы с окрестных умётов — бронзовые от солнца и страшно до выпивки охочие. И только после них, обождав с пол минуты дабы не вдохнуть крестьянского смрада, в таверну проследовали гости с востока.

Сиду хватило одного мимолетного взгляда дабы понять, что чужеземцы эти к торговле не имели ни малейшего отношения. Главный среди них — тот кого Бард называл Барадаром, был смуглым и статным мужчиной лет около сорока, с густыми, кустистыми, и чёрными как смоль бровями, крючковатым тонким носом и опрятной, уложенной клинышком бородой. Стоя поодаль от спутников, он с неприкрытой брезгливостью обзирал набившихся в таверну мужиков. На левой руке у важного чужеземца красовались золотые перстни с самоцветами, правая-же рука была сокрыта, облачённая в перчатку из алого бархата. Длинные, воздушные, богато расшитые золотом одежды незнакомца ни коим образом не походили на типичные для купцов суконные фартуки и пропитанные лампадным маслом сюртуки.

— Так-так, — разливая водку крестьянам подумал Сид, — Усохни моя бородушка, ежели не видывал я таких в Мора Сул подле чародейских палат. Чернокнижник как есть, гром его поразит! Но это ладно — а остальные? — Свита восточного гостя состояла из двух широкоплечих и коренастых парняг в пыльных дорожных плащах. Оба были существенно моложе своего покровителя и оба состояли при оружии: с пояса каждого свисал здоровенный и острый как бритва ятаган. Двигались они бодро и по-молодецки, особо не скрывая воинской выправки.

— Телохранители, — подумал Сид, — Тут только кто кого охраняет: эти громилы своего колдуна, или колдун — своих цепных балбесов.

Дорогие гости тем часом без слов проследовали в отдельную трапезную залу для богатых постояльцев, где с лютнею в руках их дожидался Бард, то и дело метая тревожные взгляды в сторону Сида. Все еще разбираясь с крестьянами, Сид краем уха успел расслышать адресованные Барду слова важного чужеземца: — где Гамза? Отвечай, раб! У него ключ от моей комнаты.

— Либо сейчас, либо никогда, — подумал Сид и, оставив на растерзание крестьянам огромный ящик со шнапсом, вихрем залетел в трапезную.

— Дорогие гости, ваши высокоблагородия! — гаркнул Сид, — Извиняюсь, но прежде не имел чести быть с вами знакомым! Я — Сиддред из Сильдена, владелец и управитель этой таверны.

— Ты? — удивленно молвил важный чужестранец, уставившись на постороннего, — А как же Гамза?

— Гамза — это, можно сказать, мой денщик и эконом. Довольно полезный и расторопный малый для выходца с Южных Островов, — с лукавой улыбкой молвил Сид, памятуя давнишнюю вражду между «Южняками» и Варантийцами.

Важный чужестранец громко рассмеялся, оголив белые как жемчуга зубы.

— Ах, *сайед*! — сказал он, — Так и ты извини меня за позднюю учтивость. Увидев столь достойного мужа в летах, мне самому следовало догадаться что сей седовласый муж и есть хозяин этого дома, а не тот никчемный Южняцкий тюфяк что принимал нас вчера. Позволь-же мне представиться, добрый хозяин: меня зовут Эюб Юзуф аль Барадар, странствующий торговец и собиратель диковин родом из Бак'креш — города-жемчужины посреди золотых песков.

— Добро пожаловать, *ас-сайед* аль Барадар, — учтиво ответил Сид, — Да обернется скромный мой дом роскошным дворцом для тебя, вода из колодцев моих — пусть обернется вином для уст твоих услады, очаг мой — райским теплом ночлега, а Светило Востока — безжалостный пламень Пустыни, да не опалит моего гостеприимства и твоего соседства жаром зависти и злодеяний! Добро пожаловать дорогой гость, *ас-сайед аль-мухтарам*! — С этими словами Сид глубоко поклонился и, согласно Варантийскому обычаю, поднес правую ладонь ко лбу, протянув её затем в сторону гостя. Лицо чужеземца вытянулось в изумлении, но не смея презреть древнее правило гостеприимства, он тоже глубоко поклонился, а затем прильнул головой к вытянутой ладони Сида, тем самым принимая хозяйское благословение.

— Так значит *сайед* знаком с нашим обычаем? — сказал Барадар окончивши любезности.

— Я бывал на Востоке, — ответил Сид, — Жил в златоглавом Баккареше, видывал и древний Ишгар — столицу под тенью утёсов, но больше всего поразили меня величавые храмы Мора Сул и чертоги мудрецов что живут там днесь. И если бы почтенный аль Барадар не представился торговцем, я бы право решил, взирая на него, что он — один из достойнейших мудрецов Мора Сул, ибо чело его сияет знанием книг, а стан преисполнен мудрочтивым благородством.

Выслушав Сида, Барадар расплылся в заучено-благосклонной улыбке, но темные его глаза сощурились и полыхнули искрами недоверия. Впрочем, тут-же смягчившись и раздавив внутреннее смятение, восточный гость пригласил Сида отужинать.

— И все же я скромный торговец, собиратель диковин, — сказал Барадар усаживаясь за стол, — Хоть и слышал я многое про аалимов и хаакимов из мраморных палат древнего Мора Сул, о которых ты, мудрый *сайед*, отзываешься с достойным Варантийского мужа почтением. Но нет, я — странник которому чужда суша, ибо от гавани до гавани, от порта до порта хожу я по морям со скромной надеждой сбыть товар тем, кому он всамделиче нужен. Впрочем, над миром теперь хозяйствует тревога, поэтому чужеземцы только и рады отдавать брешенное золото за амулеты, снадобья, и обереги — мой товар, что нужен многим. Ведь сама твердь земная содрогается от таинств и ворожбы, а люди, богов убоявшись, ищут спасение даже в самых малых приметах и знаках. Только найдут-ли? Спасут-ли знаки, спасут-ли молитвы? Не знаю, *сайед*, — молвил он с некой двусмысленностью в голосе, которую иной человек мог-бы истрактовать как угрозу. — Но впрочем, — продолжил Барадар смягчившись, — Лучшим оберегом от мутного времени является вино, так говорят мудрецы. Побольше сладких напитков и музыки непременно сокроют нас от божьего гнева, *сайед*. Ты

знаком с моим ученым менестрелем? — Сид молча кивнул, Барадар-же поманил Барда перстом.

— Он очень хорош! — осклабившись молвил Барадар, — Но сегодня, вместе с усладою слуха, менестрель послужит виночерпием, тем самым усладив и наши уста. Разлей вино по кубкам, а затем играй! — скомандовал он.

— Возьми побольше бутылок «Монастырского» из буфета, самое лучшее вино на Хоринисе! — мягко подсказал Барду Сид. Подсказал он, впрочем, не без причины: «Монастырское» отличалось как ароматом, так и поразительной для вина крепостью а Сиду очень хотелось чтобы дорогие гости побыстрее захмелели. Бард, тем часом, прилежно исполнил приказание и, подхватив лютню, заиграл. Музыка, словно по волшебству явившись из ниоткуда, стала разносится по зале: то возбужденно вздымаясь словно конь перед битвой, то рассыпаясь грустью и вередя сердце меланхолией, да так что даже старые, покрытые сажей и мхом стены трапезной, задрожали и запели от пробудившихся в них чувств. Старина Сид, прикрыв глаза, размышлял: молодые годы часто заносили его в Венгард, в столицу королевства где располагалась известная Коллегия, в те времена ломившаяся от наплыва студентов. Молодежь стекалась со всех уголков Миртаны дабы обучатся владению лирой и лютней, стихосложению, риторике и грамматике, ремеслу лицедея, росписи и картинописи, статульному мастерству и прочим дорогим искусствам, спрос на которые при богатом дворе Короля рос с каждым днем. Выдающиеся люди Миртанийского королевства — дворяне, рыцари, и магнаты, соревновались меж собою за престиж патронажа: высоко ценилось и слыло почетным меценатское звание — щедрое опекунство заклинателей муз. Нынче-то, с нескончаемой войной да орчьим нашествием, от высоких искусств не осталось и следа. Люди даже некогда-благородных кровей теперь сидят по лесам и в пещерах спасаются, из музыки зная лишь лязг железа и орчьих барабанов утробное ворчанье. Но старина Сид, в свои то годы, знавал роскошества старого королевства и великой Коллегии. Сидя-же теперь в уютной трапезной, думалось ему что с тех благословенных, стародавних времен, не доводилось ему слыживать такой божественной музыки как та, что нынче сочинял на лютне Бард.

Тем не менее, вспоминая былое Сид не упускал из вида и сиюминутного: не забыл он страха на лице молодого Барда, ни сбивчивых слов его и обморока, не запомнил и зловещей странности самозванных торговцев, и лощеной учтивости Барадара, и уж точно не позабыл старина Сид о таинственном чёрном камне, что покоился двумя фунтами тяжелого груза на дне его кошелья.

Тем временем Бард, доиграв очередное сочинение, отложил лютню и, по команде Барадара, принялся разливать вино. Одна за другой пустели бутылки крепкого «Монастырского», над дорогими гостями за клубилось облако хмельного чада. Опустошив по кубку, телохранители Барадара, окончательно осоловев, разлеглись на коврах подле камина и тотчас-же забылись глухим сном. Да и сам достопочтенный Барадар, порядком разомлев от вина и музыки, только лишь упражнением железной воли отводил от себя довлеющую дрёму. Разлечься на коврах подле своих караульных и захрапеть он, разумеется, не мог.

— *Сайед, ас-Сайед,* — зашелестел Барадар немеющим языком, — Долгим был этот день, сладким выдался вечер, устал старый торговец, утомились очи его. Сайед, ас-Сайед, добрый корчмарь, проводи меня, старого и усталого, до покоев, а про цену угощений не пекись — Юзуф аль Барадар никогда не обманет и золота у него страх как много! — Он стукнул кулаком себя в грудь и попытался приподняться.

— Безусловно, — ответил Сид, — Разумеется провожу, да и о каком золоте речь, когда ты за все уплатил? Так что провожу, но не прямо сейчас. Обожди минуту, я добуду ключи от твоих комнат: они у Гамзы, а он, старый боров, настоек нализавшись, дал храпака еще до захода солнца, и одному только лешему ведомо куда он эти самые ключики запропастил. Тебе-ли не знать, друг мой Юзуф, каково это, с Южняками дело иметь.

— Южняки — дети кобылы, псы, стервояды, — буркнул Барадар, подпирая рукой подбородок. — Проклятье Белиара им в кости.

— Ну вот, все понимаешь с первого раза, — услужливо поддакнул Сид. — Так что я пойду, — сказал он и, было, ступил в сторону, но тотчас повернувшись, вновь обратился к забывающемуся Барадару. — Друг мой, я-бы с твоего позволения менестреля взял в подмогу. А то ведь, в одну глотку до Гамзы этого проклятого никак не докричусь, у него от безделья уши салом заплыли, у пса шелудивого.

Не сказав ни слова Барадар одобрительно кивнул и, также безмолвно, небрежным жестом наказал Барду следовать за Сидом. Бард повиновался, но на его лице все также читалась тревога. Оба молча покинули трапезную залу, и аккуратно переступая через тела мертвецки пьяных селян — друзей старого Рухара, свернули в коридор что вел напрямую к покоям Гамзы. Старина Сид отпер дверь, пропустил Барда внутрь, вошел сам, и сразу-же заборонил дверь за своей спиной, подперев её для верности мощным деревянным засовом.

— Теперь мигом за мной, и поживее, но без лишнего шороху — Гамзу бы, проклятого, не разбудить, — прошептал Сид, ступая дальше. Но Бард, побледнев, встал как вкопанный и, ухватив Сида за рукав кафтана, испуганно прошелестел: — Что... куда... что мы делаем?

— Бежим к чертовой бабушке из этого трактира, — прошипел Сид, — Шкуру свою смердячую спасаем! Или она тебе не дорога? Тут вот, через Гамзовы покои, есть потайная дверь в конюшни, а там...

— Но... — сказал Бард, оцепенев от нерешительности.

— Но — стревоядово говно! — передразнил Сид, — Шевелись, старинушка! Ужели по свободе не соскучился?

Свобода! Все еще не веря собственным ушам, Бард собрал волю в кулак и осторожно засеменял за Сидом. Свобода! Гамза, растекшись обильными телесами по тюфякам и подушкам, гортанно храпел в забытии. Свобода! Секретная дверь за шкапом отворилась без единого скрипа, и беглецы мигом юркнули через нее. Свобода! Запахло конскими шкурами, овсом, и навозом, прелая солома зачавкала под ногами, скрипнула калитка конюшни, и беглецы вышли на тракт. Свобода! Первый глубокий поток прохладного, ночного воздуха. Рогатый месяц, освещая путь беглецов, серебряной лантерною повис над облаками.

— Теперь припустили! — молвил Сид погромче, как только оба отошли от таверны на приличную дистанцию, — Четверть-другая часа у нас, может быть, в запасе и есть, покуда эти ящеры Варантйские не учуют обман. Вино хмельное, но хмелем колдуна не проймешь. Засим трактом пойдем, а потом уже свернем до лесных троп. Эти ведь точно ночи не убоятся и, сообразив что к чему, мигом бросятся в погоню. Работорговцы, колдуны, Белиаровы прихвостни — чтоб их леший! — сплюнул Сид, и увлекая Барда за собой, заспешил по тракту.

Свобода!

Глава Пятая — Часовня Отца Исгарота

Ночь выдалась безоблачной, серебристый месяц скудными лучами освещал дорогу, вдоль которой торопилось двое скороспешных путников. Заприметить их, правда, было некому — разве что ясноглядеющей ночной зверь или птица могли-бы подивиться столь поздним прохожим. Удивительная тишь опустилась на округу. Хоть то была пора предосенняя, жаркая и тучная, когда по ночам в лесах шумит полнующий зверь и стрекочут от зноя инсекты, в этот раз надо всем краем царствовала тревожная тишина. Торопящимся путникам собственное дыхание, бывало, слышалось раскатами бури, поступь-же кожаных подошв иной раз тяжелым эхом отдавалось от лесных опушек словно молот от наковальни. Сид то и дело вертел головой и вслушивался в уходящую даль — не слышно-ли было погони? Но погоня молчала. Тем временем тракт стал медленно съезживаться и вскоре превратился в заросшую бурьяном и ползучими корнями колею, на которой даже ясным, погожим днем можно было ноги сломать.

— Тут-то мы с дороги и свернем, братец Бард, — сказал Сид, указывая в сторону опушки.

— Тут? — удивленно спросил Бард, досель не проронивши ни слова.

— Да, пожалуй, что и тут. Дорога это, через полверсты, становится только хуже — что, впрочем, в некоторой мере нам только на руку. Авось преследователи дальше пойдут, да и шеи свои собачьи переломают. А мы, братец, лучше спасёмся охотничьей тропой — она-то, конечно, скуднее чем даже этот разбитый тракт, да все нам на пользу. Хуже — да лучше!

— От чего так? — спросил Бард, изумившись.

— А от того, что тропу эту я как ладонь свою знаю! И лучше нам, братец, пошевеливаться, а то... чу!

Приложив указательный палец к губам, Сид кивнул в сторону тракта. Позади них едва-едва завиднелись и запрыгали тусклые огоньки, очевидно находясь вдалеке. Бард встрепенулся.

— То-то и оно! — прошептал Сид, — Может, конечно, вовсе и не то а совсем другое, но проверять мы это не будем.

Оба свернули с дороги и, по-лисы проскользнув под обрамляющим лесную опушку кустарником (старина Сид знал нужный лаз) вышли на охотничью тропинку. Довольно скоро тропа взяла круто вверх и, виляя по краю крутого и стремнистого яра, вывела путников на небольшое, пологое плато, с трех сторон обрамленное высокими скалами. С этого плато открывался тщательный вид на округу: внизу, белея серебристой лентой, лежал разбитый тракт, вдали-же, посреди чернеющих макушек деревьев и крутых утесов, торчало каменное острие часовни.

— Видишь? — сказал Сид, указывая Барду на острие, но тотчас-же отвлекся: внизу, на тракте, замельтешили тени и высветились дрожащие точки огней. Оба путника миглом укрылись за скалы и, боязливо выглядывая за кустистое порожище плато, попытались разглядеть сумрачный тракт. Но свет застилаемого облаками полумесяца слабнул, да и подозрительные огни с тенями довольно быстро пропали, растворившись в ночи словно небыль, так что толком разглядеть ничего и не вышло.

— Во-от, — протянул тихонечко Сид, — Искуши Белиар мои косточки, но не зря мы с дороги ушли! Может вовсе и не наши враги, может кто из Монастыря припозднился, но по

дорогам ночью все больше лихие люди шастают и на глаза им попадаться не стоит. Пошли теперь, Бардушка, без спешки, тут нас уж точно никто не увидит.

— Но все-же, — прошептал Бард, следуя за Сидом, — Куда мы идем?

— В Часовню, — ответил Сид, — В часовню премудрого отца Исгарота. Мы ведём Монастырским трактом шли... Хотя откуда тебе знать, ты-же на Хоринисе впервой!

— Да, виноват, — пробормотал стыдливо Бард, вспоминая давнишние свои рассказы. — Ты прости, отче, я...

— Кто старое помянет — тому и глаз вон! — отрезал Сид. — Как говаривали Хоринисские старожильцы, в былые времена на Монастырском тракте даже посреди темнейшей ночи всяк мог повстречать группы паломников. Хаживали эти святые люди днём и ночью, монастырской благодатью спасаться. Торговцы, опять-таки, ослов своих монастырским добром выучили, и тоже хаживали трактом безо всякого страха. В общем, народа на дороге было невпроворот, только и следи! Поэтому и отстроили Часовню, дабы паломнику припозднившемуся, люду святому, да и торгошишке-скареду, было где ночку темную скоротать да на голодное брюхо попотчевать. Только и надобно было что в ворота кротенько постучать, а там послушники во всем заботу проявляли: на тебе и похлебки тарелку, на тебе и винца крючок, на тебе и постель с подушкой под голову. Думали, говорят, уже и гостевой дом сооружать для благородных особ, коим с паломниками под одною крышей ночевать было дюже конфюзно, но война все планы порушила. Одно только не поменялось: как хозяйствовал в часовне отец Исгарот, так нынче и хозяйствует, святая душа. Вот к нему-то мы и бежим, спасаемся. Только он пожалуй что и ответит от нас увязавшуюся беду, бо мудрости преподобному отцу не занимать, и щедрости сердца пожалуй что тоже.»

Бард молча кивнул. По правде говоря, в слова Сида он не сильно-то и старался вникать: столь внезапно пришедшее освобождение поминутно будоражило его разум. Впервые за последние три года он — Бард, был свободен, волен жить и промышлять сообразно собственному разумению без чьего-либо вышестоящего помыкательства. И вместе с тем новообретенная эта свобода терзала Барда своей неопределенностью: терзал страх — страх перед гневом хозяйским и его вооруженной свитой, страх перед незнакомой тропой, страх перед тем, что может стрястись дальше. Уж в чем Бард и был уверен, уж что он умел с поразительной точностью предсказать, так это страшную бурю Варантийского хозяина и чудовищные пытки, которые хозяин, буде беглецы изловит, для него лично всенепременно изготовит.

Терзался молодой Бард, как было сказано, и неопределенностью. Молчаливо следуя за Сидом (что оставался для него пусть и доброжелательным, но незнакомцем), молодой Кристоф-Панкрациус Курц (Бард имел привычку часто повторять в уме свое имя, дабы за годы неволи его не забыть) не был уверен что им было действительно по пути. Куда Сид увлекал Барда? К какому-то Исгароту, Магу Огня из часовни, что со слов Сида мог-бы им неким образом оказать помощь. Прежний душеправитель, ужасный аль Барадар — чародей, служитель культа Белиара, ну а по сути — тоже маг, только что не Огня как Исгарот, а Тьмы, в свое время завлек Барда как раз таки обещанием бескорыстной помощи. Обретя свободу, Барду не очень-то и хотелось попасть в услужение новому чародею, хоть он и знал, что Маги Огня рабов не держали и, вроде как, исправно помогали страждущим и беззащитным. Возможно так и было раньше, а сейчас? Три с лишним года Бард провел в рабстве — как ему казалось целую жизнь. За годы порядки могли поменяться, особенно в теперешнюю лихую, скоротекущую пору с рушащимися ежегодно устоями и попранием казалось-бы вековых,

незыблемых прав. Так что Барда к Часовне не тянуло. Тихо следуя за Сидом, он было подумал немножко отстать, а потом с охотничьей тропки незаметно свернуть и, покамест старый Сид будет мешкать, сокрыться глубоко в лесной чащобе, подальше от чужих, враждебных глаз. Лишь только доносящееся из леса ворчание дикого зверя и хищное уханье птиц заставили Барда передумать.

Было сильно за полночь, когда путники, свернув наконец с тропы и с трудом продравшись сквозь колючий кустарник, оказались подле дверей одинокой Часовни. Поросшее лесными мхами и плющом некогда величавое здание нынче угрюмо возвышалось над путниками, словно то была и не часовня вовсе, а каменный исполин, поглядывающий из-под тяжелых век на копошащихся у ног чудноватых людишек. Подойдя к дверям, старина Сид громко застучал медным молотком:

— Отвори, отче, путников поздних дорога привела! Пыльны наши одежи, но чисто наше сердце, черно за околицей, да светло на душе! Тьма Белиарова и ночь его страшная пред Инноса всеблагим могуществом отворись! — молвил Сид, повторяя приветственную молитву паломников из былых времен.

Часовня ответила молчанием, но минуто погодя из её глубин послышался шум чьей-то тяжелой поступи, захохал на деревянных опорах старый засов и, с протяжным стоном петель, дверь отворилась. На пороге, облаченный в серое монашеское платье, стоял старый отец Исгарот и, очевидно спросонья, изумленно уставился на путников.

— Иннос помилуй! — воскликнул он, захопотава, — А я-то думал, что на монастырском тракте паломников совсем не стало. Теперешний ночной прохожий часовни крадучеся сторонится, как грабитель среди ночи, и мимо проходит. Но заходите, дети, заходите, добрые люди! Сей-же час я растоплю камин и согрею вам эля, заходите, мир вам.

Пропустив путников, Исгарот затворил двери и, подперев их надежным засовом, проследовал внутрь Часовни. Остывший за ночь камин по молчаливому наказу мага огня тотчас-же воспылал, а из котелка над очагом завеало пряным ароматом монастырского эля. Расположив гостей в удобных креслах подле камина, отец Исгарот подал жестянки и, собственноручно разлив напиток, велел гостям вволю угощаться и отдыхать. Впервые за весь прошедший день старина Сид почувствовал, насколько на самом деле устал: кости ломило от крутого марша по тропе, голова-же налилась тягучей дремотостью. Бард, устроившись по удобнее на кресле, угощался теплым элем и, скинув обувь, стал готовиться ко сну. Телесной усталости он не ощущал, а мысли онасушных тревогах решил отложить — ото всех этих беспокойных помышлений ощущал он себя смертельно уставшим.

— Благословенный отец, — сказал Сид, желая до сна оповестить Мага о причинах столь позднего визита, — Поклон тебе за то, что принял нас, гостей незваных, в столь поздний и недобрый час. Ночь на дворе — только вора и скверну по округе носит. Но пришли мы вовсе не доброй вестью поделиться, а... — но тут Исгарот его перебил.

— Полноте Сид, старина» — мягко молвил Маг, — Я, право, в некотором смысле и ждал что ко мне постучатся. Бо, времена нонче складываются такие, что рано или поздно кто-то точно постучался бы — на все воля Божья, но всему свое время. Так что повремени и ты с рассказом. Утром поведаешь как есть, когда солнце взойдет и под его благословенными лучами вся правда откроется. А пока спи.

— Но отче! — было запротестовал Сид, но Маг Огня не стал его слушать.

— Спи старина, отдыхай, не тревожься. Те тёмные люди что преследовали вас по ночи не посмеют преступить порога Часовни. По правде говоря, они уже тут пробегали, но

порыскав по округе и понаушничав, сунуться в мою обитель не все-же решились, да и пока тут живу я — никогда не решатся, — строго отрезал Маг. — Так что спите, беглецы, зло тут вас не достанет, ибо не имеет силы и руки его коротки.

Вытянув гудящие ноги подле каминной решётки и уперев подбородок в грудь, старина Сид забылся каменным сном. Бард, опустошив жестянку с элем, аккуратно сполз с кресла и, по-кошачьи свернувшись на мягком ковре, тоже крепко уснул. Старый Маг Огня, удостоверившись что гости отдыхают в полном спокойствии, тихонечко удалился в свою одинокую келию и, возжегши лампаду подле статуи Инноса, стал шепотом читать долгие, баюкающие молитвы.

Глава Шестая — Камень Сокрушающий

Тем временем над часовней совсем развиднелось. Утреннее солнце бодро выкатилось из-за гор осветив округу по-летнему ярким сиянием, но сорвавшийся с моря ветер вскоре заставил его померкнуть, с грозой нагнав огромный вал свинцовых туч. Природа замолчала, застыв в ожидании ливня. Резко стряхнув с глаз остатки сна, старина Сид очнулся и, маленько поворочавшись и побряхтев, поднялся с кресла. В часовне все еще царили сумерки, но глядя на остывший камин и серые от холода угли Сид догадался о наступившем утре. Умыв лицо водой из жестянки и как следует протерев глаза, Сид решил осмотреться: отца Исгарота в часовне не было, молодой-же Бард, забывшись утренней дремой, лежал на коврах и по-младенчески сладко посапывал. Приглядевшись, Сиду показалось что лицо Барда омрачилось некой заботой, словно тот и не спал вовсе, а прикрыв глаза, предавался глубоким раздумьям. — Вот же бедолага. Натерпелся, видать, всякого. Ух, живорезы! — насупился Сид, вспомнив вчерашних «дорогих гостей», которые теперь безо всякого уже сомнения являлись бывшими порабитителями молодого Барда. Посидев немного в Часовне и откушав четвертинку хлеба с водой, старина Сид отпер ведущую во внутренний двор калитку и, насколько возможно тихо дабы не потревожить спящего, просочился наружу. Калитку он решил не затворять и, на случай скорого пробуждения Барда, оставил её приоткрытой, дабы тот без лишних тревог смог догадаться что ночной его спутник не исчез, а отлучился во двор подышать свежим воздухом.

Двор часовни порадовал Сида аккуратностью и бурным разнотравьем — стало быть отец Исгарот травнического дела не бросил, а напротив уделял ему всяческую заботу и рачительное внимание. Рассажанные по деревянным кадкам лечебные травы сочились благоуханием, на маленькой полке подле колодца покоились различных форм склянки и лейки, сочиненные Исгаротом для аккуратного полива и удобрения самых капризных растений. Подле ограды, у южной стены часовни, был разбит палисадник с огромными кустами наливной, садовой голубики. К ним старина Сид и направился, рассудив, что сладкой ягодой не мешало бы маленько подкрепиться, да и Барду раздобыть лукошко. Сорвав парочку ягод, Сид их как следует распробовал и тотчас расплылся в блаженной улыбке, до того деликатными они оказались на вкус.

— Доброго утра, милсдарь Сид! Голубикой угощаешься на тощий желудок? — окликнул Сида отец Исгарот, выглянув из-за угла часовни.

— И тебе доброго, отче! — ответил Сид, — Уж больно хороша у тебя голубичка — как не угоститься? Но я не шибко для своего живота: старое брюхо к пригожему глухо, а вот молодому-бы лукошку подсобрал. А то чахнет он без опеки, горести всякой хлебнувши.

— Так собери, а я покамест воды наберу, — ответил Исгарот заковыляв к колодцу.

— Скажи, справедливый отец, много-ли на этот цветник у тебя волшебства ушло? Вестимо, такому густоцветию без волшбы не вызреть, — сказал Сид, начав собирать ягоды.

— Волшба! — добродушно проворчал старый маг, — Всюду им волшба мерещится, некумекам! На цветник этот перегнаю ушло три мешка и чернозема телега — попробуй-ка землю волшбой унавозить. Перегнай, тук, и сыпец — и Инносу, владыке нашему, скромная молитва, вот тебе и секрет — на все воля Божья! А волшба... Слишком уж она людей тревожить стала, норовы да аппетиты людские распалять. Не к добру это, милсдарь Сид, не к добру.

— Так оно и так, — ответил Сид, — Но что тут поделаешь, да и разве люд обвинять можно? Долго-же мы жили безо всяких забот, всецело уповая на могущество королевских рыцарей-паладинов и бесконечную мудрость Магов Огня. Но грянул гром, и пошла вся мудрота прахом. Слыхивал, праведный отче, о вестях с материка?

— Может и слыхивал, — сказал Исгарот, выуживая ведро из колодца, — Но ты расскажи, авось чего нового узнаю.

— Да чего уж мне рассказывать, — махнул рукой Сид, понимая, что престарелый Маг Огня даром что живет среди глуши — а о мирских делах меж тем получше всяких будет ведать. — Пришла беда ко двору, вот лихая молва с языков человеческих как парша и сыпется. Поговаривают, что королевство пало, а король Робар сидит в родной столице под замком и конину солит, дабы с голоду ног не протянуть. По крайней мере так шепчут моряки в Хоринисских кабаках, и что-то мне подсказывает, что соли в их толках все же больше, чем в королевской конине.

Старый Маг Огня усмехнулся. — Не буду спорить, милсдарь Сид. Одно только мне известно: во всех прежних разговорах о непреложности нашего королевства славословий было всегда больше, чем, собственно, настоящих, подлинных сил. Позабыли вельможи что на все — воля Божия, и веру в Инноса с молитвою тоже решили позабыть. Позабыли что войну выигрывают решимость и ответственность, дисциплина командирская и военное умение генералов, а не лихая ворожба. Волшебной рудой Миненталя хотели спасти королевство, и что-же? Сами от этой руды и погибли. А как суетились, сколько мудрствовали, какую толчею базарную развели с волшебным Барьером над рудниками — ну и где теперь этот Барьер? Вышел-ли из него толк, согласно разумению почтеннейших магов? Нет, не вышел. Одни лишь беды вышли и горькие испытания. Да и сильно-ли пригодилась нарытая каторжанами руда, в обмен на которую за Барьер бывало что и безвинных женщин ссылали — непорочные души в неволю для утех Рудным Баронам! Сколько вражьих когорт смогли сдержать рыцари-паладины оружием из этой волшебной руды? Говорят, что не мало, но очевидно и не так уж и много — ибо войну этим оружием не выиграли. А вот нынче руды не стало — и что теперь? Должно быть, теперь будем пропадать всем королевством, а все потому, что королевские вельможи вместо мужества, вместо ответственности, вместо дисциплины, предпочли понадеяться на ворожбу, на магию, на руны, на «артефакты древней силы», на руду из Миненталя и, конечно-же, на безудержное свое хвастовство. Впрочем, это как раз таки всем давно известно, я-же между прочим хотел тебя, милсдарюшка Сид, новостями подлинно удивить!

— Какими-же такими новостями, справедливый отче? — насторожился Сид.

— А такими, от которой весь Монастырь уже вторую неделю ходуном ходит: магия рун пропала!

— Как, пропала? — ахнул Сид.

— А вот так: была — и сплыла! — сказал Исгарот, аккуратно наполняя лейки колодезной водой. — Нет ее больше, и все. Отныне волшебными рунами можно щели в коровниках и овинах затыкать, под ножки кривой мебели подкладывать, и рыбу в водоемах глушить — до того бесполезными они стали в одночасье. И это, между прочим, не только рун церкви Огня касается, а вообще всех рун без исключения, даже тех, что у рыцарей-паладинов на вооружении стоят. Ох наплачутся они без привычной магии супротив орков! А ведь лорд Хаген с паладинами нынче в Минентале, ушел туда месяц назад дабы осаду с замка снять и выволить гарнизон сотоварищей. Но на все воля Божия. Говаривал я и прежде

— не на руны надо уповать, не на золотые скипетры с зачарованными камнями, а на волю и мудрость Божию днесь осанну ему воспевая! Только от Бога настоящая сила берется, сила подлинная а не ворожба кликушеская, неподдельная магия. Но кто-же меня слушал? Никто, только отмахивались. А теперь поздно.

С этими словами Исгарот выудил из глубин своей садовничьей сумки старую пеньковую трубку и, набив её табаком, деловито раскурил. В этот-же момент раздался скрип садовой калитки и во дворе Часовни появился Бард.

— Эй, Бард, старина, — окликнул его Сид, — Вовремя ты пробудился. Я для тебя лукошко ягод подсобрал, подходи, угощайся!

— Доброго утра, милсдарь Бард, — поприветствовал его Маг, — Присядем-же тут, на свежем воздухе, и угостимся.

Некоторое время трое молча угощались и, поглядывая на темнеющее небо, прикидывали когда-же наконец разразится гроза. Первым тишину нарушил пожилой Маг прочтя краткую молитву положенную после любого приема пищи, а потом, сизнова раскурив трубку, обратился к Сиду с вопросом:

— Что-же, милсдарь, аппетит развязавши да пищи постной отведавши, развяжи теперь и свою душу. С чем пришел, что с собою принес, от чего тебя со столь молодым и пригожим спутником преследуют иноземные тати, от которых за версту разит тьмой и Белиаровым смрадом?»

— Эх была... — подумал старина Сид, но ничего не сказав стал нащупывать в кошеле таинственный чёрный камень. Словно почувствовав это, артефакт мигом сковал Сидову волю, противясь извлечению на свет Божий и, тем паче, не желая попадать под острый и пытливый взор Мага Огня. С трудом скинув с себя внезапные эти оковы (и столь-же внезапно зажегшуюся в сердце враждебность к престарелому Магу Огня), Сид выудил из кошеля артефакт и с легким трепетом положил его на траву подле ног отца Исгарота.

— Отче! Ведомо-же тебе, достопочтенному Магу Огня, праведнику Инносому, многое из того, что в мире нашем сокрыто от разумения простого люда, — начал говорить Сид, указывая на камень, — Тем паче надеюсь и уповаю, что известно тебе и об этом — о вещи иноземной и лихой от которой точно беда стряется, да не знамо какая. Поведай-же, отче, и милостью Божьей благослови!

Но прежде, чем отец Исгарот успел подобрать камень и что-то ответить, в разговор вступил Бард.

— Откуда у тебя это? — спросил он, изумленно поглядывая на Сиду.

— У твоих прежних хозяев упёр, когда их в покоях не было. Оно в ларчике хранилось, я отомкнул и — и будто бы вещица собственной волей себя подобрать заставила. Да и нынче вот порядком пришлось попотеть и с собою пободаться чтобы из кошеля его достать и перед отцом Исгаротом на свет божий выказать.

Тем временем, отец Исгарот подобрал черный камень и, покрутив его в руках, аккуратно положил на ладонь.

— Хозяин эту штуку очень берег, — пробормотал Бард, — Да и слыхивал я разговоры с другими хозяевами — с другими колдунами то есть, что вещь эта довольно ценна и должна особым образом пригодится на грядущей войне. Но что оно и как оно — я не знаю, хозяин мне вещи этой никогда не доверял.

— А как её именовали колдуны, вещицу эту, не помнишь? — тихо спросил Исгарот, не отводя взгляда от камня.

— Вроде никак, — сказал Бард, но тотчас добавил: — А! Нет, один раз назвали, старый колдун — наставник моего хозяина, он назвал: сказал, что это есть камень сокрушающий, и велика мощь его. Правда, что надлежит сокрушать этим вот маленьким камушком вслух никто не рассказывал, по крайней мере мне.

— Мм, хорошо, — ответил Исгарот. — Теперь оба умолкните и отойдите-ка лучше в сторону, туда — за колодец. Я хочу с этим камушком как следует потолковать.

Оба мигом вскочили и спрятались за колодец, понимая, что престарелый Маг решил затеять с камнем колдовское состязание, которое для посторонних может вылиться непредсказуемой бедой. Но все-же, поддавшись любопытству, Сид и Бард аккуратно высунули головы из-за края колодца — уж больно интересно было посмотреть на настоящую ворожбу.

Поначалу ничего не происходило. Отец Исгарот как сидел, так и продолжал сидеть на лавке, балансируя камень на раскрытой ладони. Глаза его были прикрыты, а губы тихо шевелились, словно во сне. Сид в душе огорчился, что ворожбы-то, может быть, и не будет вовсе, но тут Исгарот перекинул камень из левой руки в правую, а камень — вместо того чтобы приземлиться, над ладонью мага воспарил! Голос Исгарота тем часом усилился: слышались слова заклинаний на древних, неизвестных ни Сиду, ни Барду языках. Воспаривший над ладонью Мага камень заискрился и засиял, переливаясь всеми цветами радуги и источая ощутимый жар. Воздух вокруг камня загудел словно закипая. Сид зажал уши от страха и спрятался, Бард-же не шелохнувшись продолжал смотреть как заколдованный. Солнце, было пробившееся сквозь тучи минуту назад, окончательно померкло.

Около четверти часа Маг Огня состязался с таинственным артефактом. Парящий над ладонью Мага камень сыпал искрами и распался будто кто-то ввергал его в жерло вулкана, но поддаваться воле Мага и открывать своих секретов, очевидно, не желал. Под конец, то-ли от бессилия, а то-ли от гнева, старый Исгарот сорвался со скамьи и, силою воли удержав камень перед собой, поразил его оглушительно громким и яростным заклинанием Огня. Показалось что Маг наконец-то одержал верх: парящий в воздухе камень померк и стал медленно опускаться вниз, но вдруг — диво из див! Будто оживши, загадочный камень волчком завертелся вокруг своей оси и, страшно зашипев, поразил Мага ярчайшим разрядом молнии. Всплеснув руками в воздухе и пронзительно вскрикнув, старый Исгарот потерял равновесие и без сил повалился наземь. Рядом с ним, ухнув словно сорвавшийся с горы валун, рухнул загадочный камень.

— Вот дела, — немymi губами пробормотал отец Исгарот, усаженный Сидом и Бардом обратно на лавку.

— Я уж думал, святой отче, что ты... — молвил Сид, утирая со лба холодный пот.

— Хо! Я было сам подумал что Богу душу отдам, но нет — пожалуй еще задержусь, поживу! — усмехнулся пожилой Маг.

— Может Вас, батюшка, обратно в часовню проводить? — поинтересовался Бард.

— Отдышусь и вместе пойдем, — ответил Исгарот. — Покамест подумаю, что делать-то будем с этим паскудством.

— Ой беда! — брякнул Сид со страхом покосившись на валяющийся посреди травы чёрный камень. Померкнув и словно пригорюнившись, загадочный артефакт выглядел совершенно безвольным, почти-что обыкновенным куском черной скалы, будто бы минуту назад он вовсе не вертелся волчком, поджигая воздух и рассыпая горячие искры в разные

стороны.

— Беда-то она и есть, — кивнул Исгарот, — Знать бы что с этой бедой поделать. Ох и потрепал он меня, ох и потратил! Чем-бы этот артефакт ни был, магию он чует великолепно и умеет её у владельца прямо-таки из самого существа вырывать, из жил и сосудов выкачивать. Вдобавок, артефакт этот очень голоден.

— Голоден? — переспросил Сид боязливо.

— Да, голоден, по магической силе истосковался и голодает. Иначе мне не понять почему он так в меня вцепился — уже думал, что и не отцепится вовсе.

— Потому-то вы его, отче, огнем и припекли? — спросил Бард.

— Да, — кивнул Исгарот, — А то он всю энергию из меня бы высосал и плоть мою до смерти иссушил. Вот я и ужалил — чтобы он, озлившись, ужалил в ответ, и этим самым связь между нами порушил. Ох! Отдохнуть охота, усохни мои косточки, — старый Маг вздохнул, и приподнявшись со скамьи, тяжело заковылял в сторону часовни.

Весь вечер старый Маг прохворал, ворочаясь в келии и стеною на жестком монашеском ложе, а к ночи проняло его лихорадкой — да такой, что старина Сид, утирая с глаз накатившиеся слезы, было уверовал в неизбежность наихудшего. Вместе с Бардом ухаживали они за пожилым магом как за родным отцом, отпаивая его элексирами и охлаждая пылающее его чело травяным компрессом. Всю ночь маг пролежал в бреду скрежеща от озноба зубами, но к утру хворь немного попятилась и бледный как полотно отец Исгарот наконец-то смог прикрыть почерневшие от недуга веки. Старина Сид без устали менял компрессы, а Бард воскуривал в келии целебные благовония, пел молитвы и настаивал травы. За окнами между тем развиднелось, жар окончательно отступил, старый отец Исгарот забылся каменным сном.

— Авось выкрутится, родимый, — сказал Сид, поглядывая на спящего Мага.

— Выкрутится, — твердо сказал Бард, хотя, по правде говоря, особо в это не верил. — А тебе лучше и самому поспать, я покамест покараулю.

— Это ты спи, — буркнул Сид, — Нам, старикам, сон не впрок — чай всю жизнь прохрапели. Но Бард все-же настоял на своем и, выпроводив Сиду из келии, разложил для него подушки подле камина. Не смотря на горящий очаг в часовне было сыро и зябко, за окнами хлестал начавшийся еще вчера ливень. Дороги в округе покрылись по щиколотку водой и, превратившись в непроходимые трясины, стали полностью непроходимы, поэтому оставшийся на страже Бард не сильно опасался незваных гостей. То и дело заглядывал он к отцу Исгароту, проверяя здоровье старого мага. Тот спал в полном забытьи и с каждым часом ему делалось лучше.

За лекарскими заботами и попеременной дремой прошел весь тот тоскливый день, на следующее-же утро старый Маг пришел в себя, хоть и был по-прежнему чрезвычайно слаб. Подозвав обоих благодетели и благословив Божьим знамением, Маг велел нащипать в саду пучок целебных травок из которых, под его строгую диктовку, было состряпано живительное зелье придавшее силы не только самому Исгароту, но и Сиду с Бардом, коих старый Маг тоже заботливо отпоил. Передохнув с четвертинку часа и помолившись, Исгарот велел принести к нему в келию фолианты из часовенской библиотеки, получив-же их замкнул за собою двери и уединился, таким образом проведя ночь в молитвах и размышлениях.

Вновь развиднелось, дождь престал лить и, впервые за последние два дня, яркое солнце выкатилось из-под отступающего фронта туч. Бард и Сид по обыкновению завтракали хлебом с голубичным вареньем, когда из келии показался отец Исгарот и, пожелав обоим доброго утра, велел не мешкая собираться на совет. Мигом отложив пищу, оба проследовали за магом в библиотеку.

— Дети мои, — заговорил старый Маг, — Вестимо, само провидение принесло вас к дверям моей часовни, дабы стараниями вашими и кроткой заботой, я — было попавший в мир мертвых, был вновь возвращен к миру живых. Провидение свело нас не зря — многое открылось мне за ночь молитв и чтений: боюсь, что из-за моего недуга и телесной слабости потеряли мы немало ценного времени. Но, как мне видится, потерянное все еще возможно наверстать. Артефакт, который прибыл с вами в часовню, более не может тут находиться. Помните, в ту памятную ночь, когда вы впервые появились на моем пороге, я ручался что зло вас не достигнет покуда крепко стоят стены Часовни и жив старый маг Исгарот. Так оно

есть и нынче, но с каждым уходящим днем стены Часовни дряхлеют, а старому магу Исгароту становится все труднее и труднее противиться наступающему злу, тем паче если это зло решит обрушиться на меня всем своим могуществом. Не устоять Часовне, не устоять и мне! А сердце тем временем подсказывает что рокового часа осталось ждать совсем недолго: близок день, когда зло заявится лично и властно потребует выдать то, что по праву считает своим. Сможем-ли мы перечить этой власти? Может быть поначалу и сможем, но испытывать судьбу безвольным ожиданием я не хочу. Поэтому крепитесь, дети мои, ибо впереди нас ждет дальняя дорога.

Сид и Бард переглянулись. Сказать, что они не ожидали от Мага подобных слов было бы неверным, ибо догадывались о невозможности вечно укрываться в часовне: рано или поздно враг все равно подоспеет к воротам во всеоружии, и тогда поминай как звали! Оба предполагали, что как только Исгарот окончательно оправится и окрепнет, то все трое тотчас выступят к Монастырю Огня и там, под охраной чертогов древней обители, передадут таинственный чёрный камень на попечение мудрецам. Но Монастырь от часовни лежал довольно близко, поэтому слова Мага о дальнем пути обоих изрядно изумили.

— Идти нам надлежит к Магам Воды, — продолжил тем временем отец Исгарот, — Ибо если есть и кто на этом острове способный разомкнуть тайну чёрного артефакта, так это они — мудрые дети Аданоса и кроткие жрецы его. Насколько мне известно их нынешняя обитель находится далеко на Юге, посреди нежилых земель куда наведываются разве что охотники за шкурами троллей и лихие искатели приключений. Маги воды отправились в эти опасные края несколько лет тому назад, дабы изучить сокрытые там руины некоего древнего народа что населял Хоринис за много веков до владычества Робара и Миртанского королевства. До этих руин добраться будет непросто, более-менее надежные ориентиры отмечены только на старых картах острова, которые меж тем вам обоим надлежит как следует изучить, не теряя ни минуты времени. Увы, дети мои, другого пути у нас нет — так что крепитесь в вере и собирайтесь, на все воля Божия!

— Я думал мы пойдем к Магам Огня, в Монастырь, — молвил Бард, — Ужели они не смогут нам с этим чертовым камнем помочь?»

— Явись вы ко мне в другую годину, я бы пожалуй что сам вас до Монастыря и спровадил, — ответил Исгарот с горькой улыбкой, — Но увы, иные нынче порядки. Страхи теперешних времен даже такую твердыню как Монастырь пошатнули, досточтенные Маги Огня порядком изменились как во нраве, так и в добродетелях своих. Церковь Инноса теперь больше карает, чем милует. Заявись вы в Монастырь с этой загадочной штукой, вас тотчас схватят и бросят за решетку, низвергнут в глубокие, темные узилища, из которых своими ногами еще никто не выходил. Впервые за долгие века Маги Огня — пусть и благородные, мудрые, да набожные в целом люди, почувствовали себя уязвимыми лишившись магии рун, перед накатившейся бедой ощутили беспомощность граничащую с наготой, засим и замкнулись, взирая на любого чужака с крайним подозрением и страхом. Узрев-же чёрный артефакт, теперешние обитатели Монастыря мигом решат, что несущие его — вражки клеветы, коварные прихвостни самого Белиара, и дабы допытаться до признания вины, замучают вас до смерти. Даже Верховный Маг Пирокар, наимудрейший предводитель всей монастырской общины, пожалуй что и не выручил-бы вас, ибо даром что сильнее прочих верой и пуще любого любовью к ближнему богаче, предводитель сделался совсем уже старым, ушедшим всецело в себя, позволяя другим — куда менее достойным членам братства, судить и рядить за себя. В Монастыре теперь не столько его преподобие Пирокар

верховодит, сколько магистр Серпентес и лиха от его верховенства выходит все-ж больше, чем добра, да не осудит меня Иннос за слова хулящие!

— Дела-дела, — почесал голову Сид, — Вот уж не думал, что и в Монастыре все наперекосяк пошло. Не врут видать кликуши про судный час, да и значит от этой чёртового бремени нам просто так не отвертеться. Ну что-же, лиха беда начало! Собираемся, значит, в путь. Когда выступим, отче?

Отец Исгарот было начал отвечать, но тут в разговор вмешался Бард.

— Ужели нет другого выхода? — возразил он неожиданно громко и, мгновенно смутившись, продолжил говорить почти-что шепотом. — Я конечно осознаю всю теперешнюю необходимость, пусть и не полностью ибо в магии ничегошеньки не смыслю, но камень этот проклятый мне хорошо знаком. Точнее говоря, мне знакомы страшные люди — бывшие хозяева мои, которые к этому артефакту имеют почти-что рабскую привязанность, да и если что ведомо мне о мучителях и истязателях этих, под чьим игом я мучался последние четыре с лишним года не такой уж длинной моей жизни, так это то, что ни от нас, ни от своего вожделенного камня они во век не отстанут и будут нас преследовать до последнего издыхания. Выйдем вот мы на большак — они тотчас выйдут за нами, дьявольскую эту шгуку в воздухе почуяв, и непременно нас догонят. Устоим-ли мы против них? Я вот драться не умею совсем, но скорее погибнуть готов с оружием в руках чем попасть обратно к ним в лапы. Так что если обрушатся они на нас — а точнее не «если», а когда обрушатся, то я буду сражаться, сражаться хоть и без умения, да и на верную гибель, но жизнь свою в чужие руки волей не отдам. Но ужели угодно нам всем погибать? Рассудите, друзья! Ведь успеем еще в могилу прыгнуть, такое уж нынче время что всенепременно успеем и плакать по нам никто не будет. Но раньше назначенного срока прыгать зачем? Зачем силой стремиться к неизбежности? А ведь могут-то и не убить вовсе, а оглушив — в рабство взять, клеймо на груди выжечь, из вольного человека в вещь бессловесную обратить, а это, братцы, много раз хуже смерти! — вскрикнул Бард, и вновь устыдившись высокого голоса, раскраснелся лицом и умолк.

— Что-же ты предлагаешь, сын мой? — доброжелательно спросил Исгарот.

— Кабы я знал, — ответил Бард понуро, но мигом воспрянув продолжил, — Но подумаем, рассудим, хотя-бы на минуточку! Корень зла — в камне, из-за него эти страшные люди гонятся за нами, любая встреча с ними обещает сквернейшую каверзу и скорую расправу. И тут я вас спрашиваю: не будет ли нам угодно корень этот злонравный где-нибудь по-тихому схоронить, да и самим схорониться, уйти с глаз долой! Ну или не схоронить, а в реку вышвырнуть или в море утопить, да и самим-же морем с острова уйти. Ну, как вам? Я с хозяевами, мучителями распроклятыми, на Хоринис через море попал. Высадились мы подле какой-то дикой бухты пиратами кишашей и там-же, у пиратских шатров, заночевали. Так вот, покамест хозяева дрыхнули, я с пиратами разобщался и потолковал. Оказались эти ребята не такими уж и скверными малыми, какая о них ходит молва: сказали, что за угодливый кошг за море переправить могут, а на картах у них начерчены не то, что острова — а цельные архипелаги, докудова ни война не добралась, ни разбой, ни лихая наша година. Так от чего-же нам с пиратами не сторговаться и не сплавиться до какой-нибудь мирной и пригожей земли, зачем будем голову в пекло совать? Королевство вестимо пало, да его нам втроем от гибели не выручить. Камень-же этот проклятый в морскую пучину уроним, авось этим самым планы какие спутаем врагам и козни подлые порушим, ну а остальное... Остальное авось как-нибудь без нас, само растрясется, а ежели нет — то что-же поделать?

Не прыгать же в реку вслед за утопленником! Когда драка проиграна всяко лучше кулаки в карманы запрятать, а голову в шапку схоронить чем зазря к смерти в двери ломится или, что сверх того гаже, врагу в лапы угодить и кандалами до скончания веков побрякивать.

Бард окончил свое слово и над библиотекой повисла гробовая тишина. Старый Маг задумчиво раскуривал трубку, Сид-же, потупив глаза, словно утоп в каких-то далеких и глубоких думах. Бард сперва поглядел на обоих с видимой нетерпеливостью, но потом и сам уплыл в мысли, поддавшись всеобщему молчанию. Так они просидели около пяти минут. Первым тишину нарушил отец Исгарот:

— Что-же, дети мои, надобно решать. Сид, что скажешь на счет Бардовского соображения? Разумно-ли?

— Разумно-ли, отче? — переспросил Сид, очнувшись от забвения, — Вроде как и разумно, но... Но мудрость твоя как это видит? — обратился он к Исгароту.

— Никак, покуда не услышит твоего разумения, — ответил Исгарот и, пустив замысловатое колечко дыма под потолок, снова умолк. Сид почесал подбородок, поглядел сперва на Барда, потом на старого Мага и, очевидно набравшись храбрости, заговорил:

— Я старый солдат и разумения во мне как каши в армейском котле — скудно, горько, и водою по краям размазано. Уж не обессудьте друзья, не серчай и ты — Отец преподобный, но не могу ничего по делу сказать, прежде не излив души горемычной и не поведав об одном событии из давней моей молодости, что и теперь тяжестью лежит на сердце. Рассказ то, правда, выйдет не короткий, так что коль не время выслушивать — скажите, и я все собственные соображения отрину и просто да по-солдатски к вашему мнению притулюсь.

— Право лучше рассказывать, — молвил Бард, — Ибо без личной воли любое подчинение — рабство.

— Ну вот, на том и порешили, — сказал Исгарот, — Так что рассказывай.

— Коли на то есть ваша благорасположенность, — начал свой длинный рассказ Сид, — То откроюсь как на духу. Было то тридцать лет назад, в годину моей молодости, когда меня — Сильденского «лесного барина» из измельчавшего нашего рода Сиддрада отправили в город Трелис, служить под королевскими знамёнами. Трелисом в те времена управлял прославленный воевода Буркхард — муж телом громадный и духом добронравный, отличившийся в походах супротив Варанта еще во времена Робара Святого. Путевым был воеводой этот Буркхард, только когда я заступил на службу в Трелисе и за удаль вскоре был произведен в оруженосцы, воевода наш успел как-то состариться, согнуться и, не то, чтобы былую могучесть утратить, обернуться тем не менее каким-то рыхлым, затрапезным пригудником — лишь бы вино в рот цедить да на брюхо поплевывать. В гарнизоне нашем дисциплина от этого зашаталась, и если бы не молодой полковник Венцель из Венгардских знаменосцев, то разомкнулась бы и вовсе по швам. Ведь солдат без порядка и муштры одно только дело знает: водку пить, по кабакам обжорствовать, и девок по сеновалам драть.

Так вот, служба шла не шатко, не валко, как вдруг из столицы прибыл вельможный гонец с донесением: в Варанте, оказывается, мятеж вспыхнул и хашишины поганые, налетевшие словно вихрь из пустыни, выбили наши гарнизоны из Браго и Бен Эрай — двух городов к Трелису самых близких. С донесением шел королевский приказ: немедля войско собрать и выступить на Браго, покамест соберутся хоругви королевские и, обогнув с другой стороны, подойдут к Бен Эрай. Распалился тогда старый воевода Буркхард, закипела в жилах кровь ратная, памятуя былые Варантские побивки велел он трубить о скором походе. Но правду говоря, соображение всего мероприятия по обыкновению легла на широкие плечи

полковника Венцеля, который и обозом занялся, и панцири наши велел в порядок привести, да и в целом выступал подлинным воеводой и пастырем чутким над солдатами. Буркхард-же на радостях заперся у себя в залах и три ночи пировал не вставая, бочата с мёдом один за другим пустоша, в назначенный-же день еле взгромоздился на своего аргамака — до того от возлияний обильных огрузнел.

Итак, выступили мы на третий день после получения королевского приказа. Путь до Браго недалек, город Трелис на самой границе с Варантом лежит. Я лишь только недоумевал как мы первыми о Варантском бунте не узнали и решил, вестимо, что аспиды эти пустынные действовали скрытно и, скорее всего, город Браго захватили какой-нибудь хитровывернутой подлостью. К концу дня добрались мы до застав пограничных и тут меня ожидало первое, но увы не последнее потрясение: заставы практически пустовали, а те солдаты, которых удалось разыскать, на солдат внешним видом своим вовсе и не походили. Без проверок и строгого надзора из Трелиса, жалонёры эти горемычные о долге своем и присяге успели позабыть и, обратившись полудиким мужичьем, разбрелись бандитствовать по окрестностям. От того мы в Трелисе и не услышали о Варантских волнениях! Воевода Буркхард, всю дорогу мучимый жарою, вертелся от злости в седле и наказал парочку одичалых солдат вздернуть, но в скорости приказ поворотил и, объявив стоянку, ушел ночевать в свою квартиру. Там-то и состоялись первые громкие препирания с полковником Венцелем и там-же я впервые услышал ставшие в последствии роковыми Буркхардовы слова: «да не тревожься ты так, не пекись дитино! Порою лучше будет ничего не делать, а беда — она сама по себе, как-нибудь да и рассосется!»

Наутро выступили, и минуя вконец опустевшие заставы (убоявшись гнева воеводы, остаток одичавшей солдатни дождался ночи и дал дёру), к полудню добрались до подступов к Браго. С высоты песчаных холмов город виднелся как на ладони, и всем смыслящим в военном деле стало ясно что с текущими нашими силами эту твердыню не взять. Хашишины, не будь дураками, времени даром не теряли и набросали вокруг городских стен довольно крутой вал, укрепив его для верности внушительным частоколом. С подвижных башенок подле частокола в нас мигом посыпались стрелы, а из-за городских стен машины стали метать горшки с ядовитым пустынным огнем.

Что-же тут делать? Отступить ото стен и осадить Браго в долгую было-бы затеей не только бестолковой, но и пуще смерти опасной: долго-ли войско удержит осаду без воды, посреди пустыни, под палящим солнцем и ветром горячим как из кузнечного горна! Ведь единственные на многие версты колодцы скрывались за воротами Браго, врата-же эти глумящийся над нами враг вовсе не спешил открывать.

Тут, пожалуй, никакого военного разума не надобно чтобы насущно в голове вещи сочленишь и напрямую скумекать всю безнадежность такого положения. Скумекали оба наших начальника — и воевода Буркхард, и полковник Венцель, но скумекали-то по-разному! Венцель предложил отойти от Браго и на время к пограничным заставам вернуться, где хотя-бы свободно добывалась вода и прокормка для лошадей и волов. От застав, по разумению полковника, надобно было гонцов к наместнику в Трелис и к бурмистру Гельдерна направить, дабы оба вельможных мужа знамена подняли к нам на подмогу, также и осадными машинами снабдив. Заняло-бы подобное по меньшей мере недели две, а то и полные три, но полковник рассчитал, что оно так даже лучше выходит: к этому времени хоругви королевские успели бы выступить на Бен Эрай, засим и удар по мятежникам состоялся бы единовременно с обеих сторон, горячими щипцами негодяев за горло

прихватив!

У воеводы Буркхарда, меж тем, выплодилась в голове совершенно иная мыслища: по разумению Его Светлости, войскам надлежало «плюнуть на Браго» и, обогнув город, немедленно выступить на Бен Эрай, не дожидаясь ни королевских хоругвей, ни каких-либо подможных знамен из Трелиса или Гельдерна. Услышав план воеводы, полковник Венцель от ужаса за голову схватился и, презрев офицерские приличия, страшно на воеводу возопил: «ты чего это, милость ваша, войско сгубить удумали?! Или голову на солнышке напекло, что рожаете на свет такое сумасбродие! Не взявши Браго, как на Бен Эрай выступать? Ломится, значит, очертя голову вперед, а меж тем врага у себя в тылу оставлять! И если чудом дойдем до Бен Эрая и с тылов не ударит враг по нашим обозам, то как прикажете осаждать новый город, буде там такие-же укрепления, как и при Браго? От чего там не быть схожей обороне: коли мятежники Браго так обложили, кто бы им помешал укрепить и Бен Эрай? Околеем мы пустыне без славы и доблести, побьют нас хашишины, а кого не побьют — того в кандалы обуют и пустят пешим гоном до самого Ишгара!».

В общем, завязался жаркий спор. Буркхард кричал что от Браго до Бен Эрая путь — не дольше полудня, и ежели и вправду Бен Эрай окажется не по зубам, то тогда и его обойдем, проследовав в лежащую за Бен Эраем рыбацкую деревушку Лаго, а там на челнах обратно до Трелиса, через залив воротимся. На это возражение полковник наш распалился хуже прежнего и напрямую стал Буркхарда в измене обвинять — мол-де, а как-же подавление мятежа, на которое прямой королевский приказ? Возвращение в Миртану безо всякого военного успеха, не расквитавшись с мятежом — это-ль не измена, не предательство, не попрание присяги? Буркхард от полковничьих возражений и в этот раз отмахнулся громко, заявив что тревожиться не о чем, что «мы уж тут постараемся!» а восстание это, мятеж хашишинов, «он может и без нас, как-нибудь сам рассосется». Продлились прения до самого утра не вылившись, впрочем, за пределы Буркхардовской квартиры — и я только за это Господа горячо благодарствовал, ибо проведая о диспуте войско то, как пить дать, вышел бы бунт. К счастью обошлось, но победителем в споре вышел воевода Буркхард: раздавил он полковника Венцеля и старшинством, и силой богатырской, и умением убеждать.

Словом, с Браго не разобравшись выступили мы на Бен Эрай, но вместо обещанный полудня протаскались по пустыне полные две сутки. Что это был за поход — рассказывать не буду, только много крепких, отважных молодых парубков полегло, обоза-же было растрачено просто без счета. День — жаркий как печь, ночи — холодные до боли в суставах, а изо тьмы — копы и стрелы докучливого врага, который малым отрядом выступил из Браго и всю дорогу покоя нам не давал. Голодными и битыми оборванцами доплелись мы до стен Бен Эрай на третий день злосчастливого похода, и разглядев эти стены сквозь утреннюю хмарь чуть там-же не отдали Богу души: город был укреплен во многом лучше Браго и охраняли его, судя по количеству знамен, лучшие из сборных хашишинских войск.

Тут даже воевода наш горемычный за голову взялся и, спешно приказав соорудить табор, лично бросился полковника Венцеля искать. Полковник был найден в крайне скверном состоянии — то-ли от тягот, то-ли от отравленной вражьей стрелы скрутило его лихорадкой и, отмучавшись сутки, почил он на руках нашего полевого лекаря. Ну а тем часом хашишины, высыпавши всей гурьбой из города, собрали чёрные свои порядки и, как следует раздухарившись, обрушились всей нечистой силой на наш измучанный табор.

Битву ту я тоже пересказывать не буду, бо язык мой не знает слов достаточно глубоких дабы всю ту скорбь, весь тот страх многострадальный правдиво передать. Когда солнце

наконец закатилось и для боя стало слишком темно, воевода Буркхард с грехом пополам собрал выживших (коих набралось меньше одного знамени) и приказал отступать к Лаго. Вышло правда вовсе не отступление а беспорядочное, трусливое бегство: под покровом ночи на нас охотились легкие отряды хашишинов и били тех, кто днем каким-то чудом уцелел.

В общем, чтобы не томить, скажу я вам так: из Трелиса вышло четыре полных знамени, обратно на рыбацких челнах вернулось, дай Боже, если пять неполных копий. Старый воевода Буркхард, осознавая какую беду сотворил и сколько горя людям наделал, решил королевского суда не дожидаться и, распрощавшись с домочадцами в Трелисе, подался отшельником в горы. Там, среди холодных скал и лютого зверя гнездовищ, он долго бродяжничал в скорбном одиночестве так и не сумев уговорить совести глас вопиющий, брань с собственным позором покончить, и лишил себя жизни мечом заколовшись, один, непрощенный, забытый.

Словом, такая со мной приключилась беда, и не смотря на сонм последующих дел и отделяющих от тех событий лет, досель приходится сердцем бремя скорби носить, хоть и вины моей в том, что произошло нет. Откуда-же, коль нет вины, взялась скорбь? Оттоль, что вместо подвига и ратной славы сыскал я в том походе лишь страшную боль от потери товарищей, позор несмываемый от бесславной их гибели. Позорно что вместе с ними не сгинул, что Бог погубил их — а меня, недостойного, жалкого, вывел живым и выручил от могилы, хоть и не заслуживал я спасения ни толикой больше чем они, добрые молодцы!

Голос Сиды оборвался, в горле его застрял горький комок. Было опять повисла тишина, но старый рассказчик перевел дух и, проглотив комок, хлопнул себя по лбу:

— Друзья, простите! Я ведь главного не сказал вам, о главном забыл! А главное ведь вопрос: от чего так вышло, от чего беда случилась которая моих товарищей, братьев моих безвременно пожрала? Вышла она от разгильдяйства, от попустительства, от тщетной надежды на удачу, и — что, пожалуй, главнее, вышло от веры в благоглупость согласно которой против беды ничего делать не надо: что-де, беда сама как-нибудь отступит и разомкнется безо всякого напряжения сухожилий, без того чтобы человек поперек этой беды восстал и пошевелился! Словно беда вовсе и не от мира сего, а наоборот — небыль, призрак, воздух химерический. Да чего уж там: «оно как-нибудь само рассосется» — вот слова, которыми мощена дорога позора, тракт ведущий в скорбное небытие. Так что братцы, единожды я трактом этим хаживал иххватило с меня на десяток жизней вперед. Второй раз итти отказываюсь, и согласен следовать только тем путем, который поперек беды, на котором волею своей и рукой смогу беду сокрушить. Сокрушить, или погибнуть — но в бою, а не в бегстве от ответственности, примеряя раз за разом платье трусливого самозванца. Так что, братцы, мы либо этот проклятый камень вместе волочить будем, либо пойду я с ним сам — а там уж судьба рассудит. Только бегать, топить его в море, надеясь что он сам, в пучине морской, «как-нибудь рассосется» и что враги наши тоже как-нибудь сами себя огорчат — это я не собираюсь. Набегался, натерпелся, так что увольте — либо вместе, либо одного отпускайте: я этот камень у колдуна похитил, я кашу заварил, мне-же её и расхлебывать, не выискивая легкого пути.

Окончив тираду, старина Сид утер разгорячившийся лоб носовым платком и стал ждать, что-же скажут его спутники. Боялся он что упорство за мудрость не сочтут а, как оно водилось и прежде, поругают старым солдатским ослом и поступят согласно своему разумению. Что-же выйдет в итоге? Маг Огня раскуривал трубку и задумчиво молчал, словно его ничего не касалось, да и над самой Часовней свинцовым облаком повисла удушливая,

тяжелая тишь. Первым молчание нарушил Бард:

— Что-ж, вот и потолковали, — начал он привычно тихо, но с необыкновенной бодростью в голосе, — А в поход-то когда? Ведь даже мне, молодому брынчале, становится очевидным что дело наше отлагательств не потерпит, ибо «с каждым днем уплывает надежда, а ветры из-за гор возвещают мирскую печаль!» — слова из песни великого барда-лицензиата Бартоса Ларанского, будто про нас писаны. До Магов Воды путь неблизкий, так что посушим сухари — и айда!

Глава Восьмая — Потоп

Оставим-же ненадолго собирающихся в непростой путь друзей и, обернув склянку времени вспять на трое суток, перенесемся в город Хоринис. Лежа под одеялом из серых туч, раскисший и взопревший от ливня и болезнетворной сырости, город залихорадило новой тревогой: вернувшиеся поздним вечером рыбаки клялись, что довелось им заприметить чёрные паруса орочьей галеры в трех морских милях от Хоринисской гавани. «Разведчик!» — божились рыбаки, «покружил немного перед нашим носом, понахальничал нагло, и ушел в туман. За разведчиком как пить дать армада идет и видно скоро прибудет. Быть беде, ох — спасайся братцы!»

Слух этот молнией разлетелся по городу и уже на следующий день можно было лицезреть распалившуюся сумятицу. Судорожно зашевелились сонмы людские: кто побогаче — грузил дорожную поклажу, распихивал по кошелькам нажитое золото, гнал взащей трусливую прислугу и, наспех уплативши пошлины, срывался с первым дуновением ветра купеческими кораблями. Люд победнее плелся вглубь острова за обозами, надеясь укрыться от беды на пажитях Онара, где квартировалось мятежное войско наемников. Чернь из портового квартала меж тем затаилась в своих норах, ожидая от орков дикой вольницы и возможности всласть пограбить да пожечь. Лишь только один человек возвысился над этой сумятицей: над спасающимися бегством купцами, скорбными ремесленниками и охочей до крови и грабежа чернью, лишь один человек. Звали его Андре и был он молодым рыцарем-паладином, которого отбывший в Миненталь лорд-командор Хаген назначил своим полноправным наместником в городе. Лорд Андре, не смотря на юные годы (было ему не более двадцати-пяти), отличался нравом суровым, слыл любителем строгой дисциплины, но вместе с тем не отставал и в рассудительности, засим пользуясь среди городской стражников и рыцарских хоругвей неоспоримым почетом, позавидовать которому мог любой опытный воевода. Надо сказать, вести об орочьей армаде молодого рыцаря-паладина врасплох не застали, начавшийся-же в городе переполох он тотчас приказал угомонить: уходящих морскими путями купцов и богачей обложил соразмерным налогом, люду победнее что отступал вглубь острова препонов не чинил а наоборот, оказав посильную помощь, наказал сопровождать вооруженной охраной до Онаровых пажитей, ну а сеющих панику воров и рыскачих поджигателей велел по возможности брать живьем и вешать, в строгое назидание остальным. Единственное, с чем лорд Андре справиться не мог, так это с произволом городских вельмож и докучливого сейма, чиновничье своеволие которых вкупе с наглым казнокрадством лишь только подзуживали и пуще прежнего возбуждали итак порядком взбудораженный народ.

Все еще разбираясь с вестями об армаде, лорд Андре всецело погрузился в военные заботы и первым делом велел выступить разведчикам, чтобы те на легких челнах обшарили морскую округу и детально доложили о присутствии орочьих галер, о точном их числе и относительных сроках прибытия. Отправленная ранним утром разведка воротилась той-же ночью с дурными, в целом, вестями: не смотря на непроглядный туман что в ту пору ватным одеялом окутывал морские просторы, разведчикам удалось разыскать орочью флотилию, которая как выяснилось встала на якорь в двух милях к северу от Хориниса, подле дикой бухты, и из-за плохой погоды особенно не сторожилась. Таким образом, лазутчики лорда Андре смогли беспрепятственно сосчитать двадцать три орочьих галеры — это значило что

на город вскорости обрушится двадцать полных когорт свирепого орчьего воинства.

— Скверные новости, — сквозь зубы процедил лорд Андре, оглядывая дремлющий город со стен цитадели, — А у нас что? Пять знамен — чуть меньше одного полка. Впрочем, причин для отчаяния я не вижу. Ничего другого мы в принципе и не ожидали, так ведь? — обратился он к начальнику городской стражи, старому солдату и опытному рубака Вульфгару, стараниями которого ряды новонабранных ополченцев, вчерашних еще сельских мужиков безо всякого опыта, нынче укрепляла воистину образцовая воинская дисциплина.

— Так точно, ваше сиятельство, — ответил Вульфгар, — Мы их еще приложим как следует, да и дадим отведать из какого такого теста наш Хоринис слеппен!

— Очень хорошо, — кивнул лорд Андре, — Приказываю усилить наряды на морских стенах и проверить готовность орудий. Главное не дать орку легкой высадки и подольше на воде удержаться. А что там с портовым кварталом?

— Чернь проклятая, — ответил Вульфгар, — Бунтовать удумала, чтоб их свиньи слопали! Кто-то распустил слухок что-де орки в захваченных городах из людей наёмников набирают, так эти сразу рады стараться: ножи точат и оружие мастерят в самопальных кузнях, чтобы как только орк высадится — сразу к нему, и нашим солдатам на морских стенах в спину ударить.

— Угломонить их надо, — скомандовал лорд Андре, — Угломонить как следует, пропащее ведь дурачье! Они не столько под орками наёмничать, сколько город разграбить хотят. Поэтому возьми отряд да побольше и наведи в порту толковый шорох. Самодельные кузни — разобрать, склады с оружием — конфисковать, ну а смутьянов — по возможности брать живыми и лупить розгами, самых-же отъявленных и записных — прилюдно вешать. Но право, не на пустом-же месте они взбунтовались? Один только слух про наёмничью службу бунт-бы не распалил, благо многим в городе ведомо что орки не столько наёмников, сколько невольников-гребцов собирают для своего флота.

— Верно, ваше превосходительство, — склонив голову ответил Вульфгар, — Да и я тоже подозреваю что с бунтом этим что-то нечисто, будто нарочно кто-то чернь на злодейства подбивает и головы им кружит. Приструнить бы вельмож городских и сейм этот проклятый, а то ведь голотьбу пуще прежнего налогом стали гнуть, немудрено что и бунт!

— Увы, над сеймом у меня власти нет, — мягко посетовал лорд Андре. — Тут только лорд Хаген и управился бы — булава у него. Ну, а я-же — наместник, а городские вельможи, очевидно, это очень хорошо понимают... Уж не ждал, право дело, что и на Хоринисе встречу столь типичное для бедной Миртаны своевластие... Но полно, с провизией в городе как?

— Более-менее, ваше превосходительство, — молвил Вульфгар с некоторой неуверенностью в голосе, — Гражданских едоков поубавилось: поразъехались кто куда, спасаясь, а на солдат покамест хватает, правда если осадят вкрутую и надолго — то, пожалуй, что туговато придется... Торговцы, из тех кто остались, цену на жито взвинтили почти что вдвойне и по-тихому склады набивают, мимо лицензии. Запасы у них значит, чтобы в случае нужды как следует на оставшихся горожанах нажать. Мои ребята уже два таких незаявленных склада разоблачить успели, двадцать восемь ящиков с провизией нашлось, в том числе и те, что под королевской печатью полгода назад морем прибыли — для знамен наших то бишь, а затем с военных складов загадочно пропали.

— Вешать, — отрезал лорд Андре, — Вешать ворье, вешать наживщиков, вешать смутьянов, пороть и вешать каждого кому вздумается на беде руки погреть и, этим самым, врагу подыграть. Содержимое незаконных складов — реквизировать, владельцев коли

сыщутся — под розги и в петлю. Вешать! Никаких больше милостей, итак куда не глянь — размазня, произвол! Ополченцам тоже накажи чтобы за порядком следили тверже прежнего и всяческое непослушание пресекали со строгостью военного порядка. Иначе, любезный мой солдат, нас непременно сомнут и раздавят, а времени мало.

— Так точно! Еще будут распоряжения, ваше превосходительство? — спросил Вульфгар

— Нет. А впрочем, как там с беженцами, укрылись?

— Еще вчера, ваше превосходительство, последние обозы стража до пажитей Онара сопровождала. Наемники тамошние вроде как не злодейничают по-старому а наоборот, беглецов принимают радушно, и сами тоже ведут оборонную подготовку — копают рвы, валы наворачивают, частоколец там всякий. Эх, кабы нам этих молодцев вместе с генералом Ли в город... — вздохнул Вульфгар.

— Да, наемники не помешали бы, — задумчиво молвил Андре, — Только Ли их не отпустит да и сам не явится, упрямый генерал. Окопаться решили значит, молодцы... Наше дело город удержать, а там посмотрим — может с людьми Ли повстречаемся в итоге коли сами на подмогу придут, правда надежды возлагать на это не стоит, нет-нет. Впрочем, отправь им два обоза с провизией от нашей, так сказать, доброй воли: и беженцам будет толк, и Ли с его людьми от нас эдакий комплемент. Пора-бы ведь старое несогласие благоразумно забыть — но какое, впрочем, дорогой капитан на войне может быть благоразумие? В общем, мои распоряжения тебе известны, ступай, Иннос с нами!»

Начальник стражи молча салютовал и откланялся, лорд Андре остался один в своих покоях. Дождь беспокойно стучал по крыше, шелестел колючий ветер, через несколько часов должно было светать. Покончив с бумажной работой и откушав тарелку холодной похлебки, лорд Андре отправился досматривать работы над снаряжением. Кузня в ту пору трудилась круглые сутки: закалялись мечи, клепались панцири, точились страшные острия и клинки для алебард-оркобоев, мастера-кузнецы с присущей им ловкостью сочиняли сложные шестерни и ролики для метательных машин. В лекарских залах тоже кипела работа: травники толкли порошки и разливали зелья по склянкам, женщины нарезали белое полотно на повязки, а в отдельном помещении, подальше от чужих глаз, несколько ученых алхимиков корпели над горшками с Варантийским огнем — ими надлежало заряжать катапульты и жечь подступающих орков.

Осмотрев оборонные работы и осведомившись о нуждах ремесленников, лорд Андре решил проведать солдат на морских стенах и, направившись в сторону порта с отрядом верных оруженосцев, покинул цитадель. Время вплотную приблизилось к утру, начало светать, из-под клубов тумана вырезались, словно ощерившись, грубые очертания портового квартала: чёрные от смолы верфи, длинные стрелы погрузочных кранов, скособоченная от ветхости будка портмистра, глухие склады, и поеденные морской солью рыбацкие лачуги — нагромождение огромных пропорций, свалка старья которую порой и взором было не охватить, располагалась за морскими стенами Хориниса.

Впрочем, что это были за стены? Возвели их во времена Робара Святого, в первое десятилетие правления этого достойнейшего из монархов, когда Хоринис перешел из-под власти разгромленного графства Тиморис в руки Миртаны и, стараниями короны, приобрел звание торговой жемчужины морей, по значимости уступая разве что Архолосу. Времена те были сытые да спокойные, поэтому стенам особого внимания не доставалось — как возвели их в первое десятилетие нужды, так и бросили морю на растерзание по её пропаже, будто стены и вовсе являлись чьим-то глупым капризом, нелепой прихотью, пережитком старых

времен с огрызками которых нынче квиталась стихия. Поэтому, в теперешнюю ненастную годину, когда в крепких морских стенах все разом ощутили острую необходимость, от былой твердыни оставались лишь побитые морем куски: кое где все еще в подобии стен, но больше размытые прогалины и насыпи, перекинуться через которые могло бы любое мало-мальски пригожее войско. Прибывшие на остров рыцари-паладины строго наказали привести стены в порядок, но порядком-же припозднились: даже посреди утреннего тумана, скрывающего самые позорные огрехи данной конструкции, лорд Андре без труда осознавал всю их плачевную, пагубную безнадежность. Да и людей на стенах отчаянно не хватало: полную милю протухлых этих фортификаций стерегло не более ста человек.

Похлопотав вокруг стен и справившись о новостях с моря, лорд Андре воротился обратно в ратушу. Почти рассвело, но из-за непроглядной хмари и стелящего глухими потоками дождя солнце на небосводе видно не было, лишь редкие отблески и мимолетные всполохи света между прогалинами в тучах указывали на взошедшее светило. По заведенному в последний год обыкновению, лорд Андре засыпал к рассвету и, подремавши около двух с половиной часов, был на ногах к утреннему построению войск. Отдыхал он в целом крайне мало, тревожными урывками на протяжении дня, но по молодости лет усталости не чувствовал, а к лишениям относился спокойно, принимая их за естественную часть военной службы. Воротившись в свои покои, он приказал страже немедленно будить его в случае любого, пусть и самого незначительного донесения, и скинув с плеч порядком отсыревший за ночь плащ устроился поудобнее возле камина.

— Ваше превосходительство, лорд Андре... — спустя всего лишь час в покои осторожно постучался оруженосец.

— Заходи, я не сплю, — ответил тотчас пробудившийся рыцарь.

— Извините, Ваше превосходительство, но тут капитан Вульфгар прибыл с рапортом, говорит — неотложно, изволит требовать Вашего внимание.

— Пропускай ко мне, — сказал лорд Андре, поднимаясь с кушетки и усаживаясь за письменный стол. Буквально через несколько секунд в покои вступил капитан Вульфгарг, вышагивая по привычке чеканно и бодро салютуя, но лицо старого солдата расстраивала очевидная тревога.

— Неужели орки подоспели? — спросил лорд Андре с мягким удивлением, — За окном дождь, море тревожится — нешто решились на высадку посередине шторма?

— Никак нет, ваше превосходительство, — ответил Вульфгар, — У стен все спокойно, врага нет. Погода дюже ненастная, на якоре выжидать будут, тати. Я за другим делом, господин, но право не знаю даже как начинать... — замялся старый солдат.

— Начинай сначала, — ответил лорд Андре с еле заметной улыбкой, — Уж если не орки к нам постучались в окошка, с остальным как-нибудь стерпимся, переживем.

— И то правда! — заметил Вульфгарг несколько расслабившись, — Так вот, ваше превосходительство, ребята мои на рассвете по портовому кварталу пошарить отправились, смутьянов искали чтобы их — ну, в качель, и вдруг заприметили небольшой отрядик: люди какие-то идут крадучися да по-воровски, совсем без света, и телегу за собой тянут здоровую. Решили ребята значит проследить куда эти шельмы намылились, заодно и сосчитали их — оказалось восемь человек, не больше. А эти знай толкают телегу, ребят моих не видят, да и почти-что к докам выкатились уже, где купеческий ког стоит за неуплату портовой пошлины арестованный. Глядят ребята — на коге тоже люди шебаршат, явно моряки к отплытию готовят корабль, поэтому решили больше не временить и на смутьянов этих из засады

прыгнули. Прыгнули значит, сходу двоих порубали, завязалась драка! Голосят негодяи от страха — а тут с телеги мужичок небольшой слез и как закричит: «отставить валку, именем закона заклинаю, я — губернатор Лариус!» Все так и опешили, мечи опустили, уставились на того мужичка — и ведь правда, его милость Лариус собственной персоной! Ну мои парни не растерялись, быстро покликнули меня, а этих покамест взяли в кольцо и глаз не спускают. Я было сначала не поверил, думаю: нечистый что ли им глаза застелил, только оно правдой оказалось — его милость Лариус во плоти, двое сыновей его и слуги, а на телеге — казна! Губернатор стал объяснять, что он-де по Вашему наказанию казну с острова вывозит, что делается это специально в секрете, но приказа в письменном виде с печатью предоставить не смог, а я его без приказа пропускать не решился — мало-ли там какие секреты! Да и ведь губернатор он бывший, ибо по букве закона сложил полномочия перед лордом Хагеном и булаву ему передал, засим распоряжаться казной прав не имеет. В общем, Ваше превосходительство, господин Лариус временно задержаны, но коли велите — мигом будет свободен. Ох, надеюсь не оплошал я, а если да — то раскаиваюсь искренне! Но ведь приказа о вывозе казны не слышал поэтому и счел нужным, согласно закону, особу эту милостивую задержать, а Вам господин теперь виднее будет, что делать — меня ли казнить за глупость, или с господина Лариуса разъяснений испрашивать, — окончил Вульфгарг свой рассказ и, потупив взгляд, виновато уставился под ноги.

— О моем приказе вывести с острова казну ты не знал, — молвил Лорд Андре, поднимая побледневшее от гнева лицо, — Потому что такого приказа в природе не существует!

Старый Вульфгарг хлопнул себя по лбу и ахнул от ужаса.

— Так значит, его милость...

— Его милость, как самый распроклятый вор, решил умыкнуть королевскую казну и утечь с острова посреди ночи. Такие, видать, у его милости нынче забавы. Теперь понятно кто подстрекает смуту в портовом квартале, кто чернь терзает чтобы она бунтовала. Ведь это так разумно, так гибко, так хитро — тропу воровскую шумихой застелить и сутолокой прикрывшись уйти среди ночи! Немедленно доставить предателя ко мне, и сыновей его тоже веди. Может им — молодым рыцарям под присягой, будет чего заявить в свою пользу. И ребят своих не забудь, вместе с тобой они всему этому скверному делу свидетели.

Молча откланявшись, старый Вульфгарг ушел. Лорд Андре, приподнявшись из-за стола, несколько раз беспокойно пересек комнату и, выйдя на балкон, уставился в даль. Местами поредевший туман падал на город мелкой моросью, усилился ветер и волны с раскатистым грохотом опускались на морские стены. В портовом квартале шипели пожары, мелькали еле заметные силуэты бунтовщиков, то и дело затевавших с городской стражей все новые и новые стычки. «Иннос всемилостивый» — тихо молвил молодой паладин, «дай мне сил выручить этот несчастный городишко! Сами не ведают чего творят, помилуй их души. И что же с провинившемся вельможей делать? Если миловать, то город вконец задавит мятежом: может и войско восстать, взбунтуется стража — кому охота гибнуть за открытых клятвопреступников, воров, и казнокрадов? А если не миловать, а казнить то пакостить начнет уже сейм — ведь он, изменник этот, шкура продажная, из тамошнего смрадного клубка выкатился! И вся эта дрязга затеялась именно к подходу врага — ох уж и везет поганым оркам: думают небось, что на штурм неприступной твердыни идут, на труд тяжелый и бранный, на деле-же их встретит утопший в раздоре, разделенный надвое дом который только ударь по трухлявой опоре, так он и рассыпется в пыль! Нет, право, надо

брать дело в руки, пока не ударил последний колокол и не забили в набат»

Постояв с четвертинку часа и порассуждав как бы лучше повернуть этот случай, лорд Андре еще раз оглядел утопающий в хмари город и, тяжело вздохнув, воротился назад. За порогом, меж тем, загремели шаги, скрипнули дверные петли, и в покои к рыцарю-паладину проследовали пойманные с поличным господа: бывшей губернатор Лариус и двое его детей.

— Утро доброе Ваша милость, присаживайтесь, — сухо молвил лорд Андре, — Хотелось бы с Вами немного потолковать — так сказать, беседа на пороге неизбежности.

— Достопочтенный лорд Андре, я могу всё объяснить! Вышло форменное недоразумение...

— Ваши объяснения меня нисколечко не интересуют, — отрезал лорд Андре, — Да и оправдания тоже. Оправдания, они как волосы в ноздрях — есть у каждого. В целом-же ваша вина не требует никаких доказательств. Приказа вывозить казну я не отдавал и отдать не мог, стало быть, вы её выкрали и с нею бежать изволили, изменяя тем самым присяге, да и собственному сану с королевским доверием вместе. Так что, сударь мой, о формальной сути вашей вины не может быть и речи — тут все открыто и ясно. Удерживаю-же я Вас лишь по одной только причине, по причине можно сказать личного, внутреннего любопытства: мне любопытно знать, почему?

— Почему? — пробормотал озадаченный Лариус.

— Да, почему. Почему Ваша милость изволила поступить именно таким образом. Почему Ваша милость изволила опорочить собственную честь? Ведь ежели вы желали покинуть остров вместе с семейством и домочадцами — почему не объявили об этом на сейме? Да и мне бы тоже могли объявить: как наместник достопочтенного лорда Хагена и представитель высшей власти на острове, мне не составило бы труда удовлетворить вашу просьбу, тем паче что подобные просьбы я безо всяких колебаний выполнял все прошедшие дни. Кому как не вам известно, скольким из уважаемых жителей Хориниса я позволил беспрепятственно уйти! Думаете, я против вас удержал бы эту ничтожную милость? Или сейм, над головой которого вы безраздельно властвуете уже десять лет, посмел бы отказать вам в прощении? Напротив, вам — человеку преклонных лет, отслужившему короне верой и правдой, вам бы все удовольствием сделали одолжение и, буде на то ваша воля, отослали бы с острова наиболеестрейшим, удобнейшим кораблем. Но вы не стали просить. Почему-же? И казну, кстати, почему взяли? У вас вроде нет проблем с золотом. А коли есть — ну хотя-бы и меня попросили! Клянусь честью — я бы от своего обеспечения оторвал, от себя даже лично, из собственного жалования дал бы вам денег, провизии, одежды, оружия, провожатых, всего чего пожелаете и лично благословил бы вас и ваше семейство плыть до Миртаны, до Архолоса, или до любой другой тихой гавани на ваш личный выбор. Но нет, очевидно такие мелочи как просьбы вам чужды — ваша милость привыкла не просить, а молча брать. Ну и вот — как распоследний висельник, вы молча-же решили ограбить корону, молча обесчестить город позорнейшим бегством, молча бросить тень наконец-то и на меня — наместника королевской власти. Хорош, значит, наместничек — средь бела дня казну проворонил, вора королевских денег отпустил! Думаете лорд Хаген, вернувшись из Миненталья с войском, меня за это похвалит? Так что простите, Ваша светлость, но до зарезу хочется услышать именно из ваших уст — почему. Почему вы так поступили?

Бывший губернатор Лариус долго мялся и, казалось, не мог найти ответа.

— Дети, Ваше превосходительство, — промямлил он наконец, — Видит Бог — не ради себя, старика, грех на душу взял и замарал себя изменой, но ради детей, сынков моих

горемычных! Им ведь жить да жить, девок под венец вести, внучат плодить и радоваться долгой жизни в утешение моей старости. А они, меж тем, под присягой как под топором палаческим ходят! Вы на войну велите идти, на войну — а значит на погибель! Ужели не видно и не ведомо вам, милостивый рыцарь, что Хоринису не устоять, что война проиграна, король мертв, а царство разодрано в клочья, что нет теперь никакой короны, нет никаких присяг, никакой власти кроме той, что скоро с огнем и мечем обрушится на этот остров, которую нельзя остановить и с которой нельзя воевать! Так зачем-же умирать, умирать-то зачем? На кой ляд гибнуть! Кому сильно надо — тот нехай, пусть под орочьи ятаганы и лезет, голову свою кладет пустую под топор коли дураком родился, но губить-то моих детей — зачем?

— А моих рыцарей зачем губить? — спокойно заметил лорд Андре, — Или может, по-вашему, они изволят свои шеи под топоры самовольно, от глупости подставлять, потому что дураками уродились? Нет, Ваша светлость, никак нет. Мои рыцари, что бы вы о них не думали и какими бы прозвищами не жаловали, на самом деле живые люди и ничто человеческое им не чуждо: им тоже хочется жить, жениться, плодиться, детей нянчить и родителей в седое чело целовать. Да и я, право дело, не отказался бы от спокойного дома с яблочным садом где-нибудь на берегу тихой речки — рядышком лес, птички поют, соловьи звонкой трелью разливаются, да! Правда есть одно обстоятельство, что на подобные розовые мечтания налагает решительный запрет: ваши, как вы извольте называть «сынки» — кстати, посмотрите на этих здоровых детин! Никак сами на плечах своих саженных сундук с казной волокни — не старика-же отца запрягать, право дело! Так вот, ваши детишки, как и все без исключения благородные персоны, являются подданными короля и клятвенно дали присягу служить короне. Клятву дали, слово чести перед Богом и отечеством, слово — от которого нет отступления, которое не терпит заднего, позорного хода. Разве вы этого не понимаете, ваша светлость, разве не осознаете? Вы же благородный человек, ученый, титулованный, да и службу несли среди королевских хоругвей! Вам-ли этого не знать?

— Да, я благородный, я воевал, у меня и титул есть, и земли, но... — забормотал Лариус, ломая шапку в руках. Лорд Андре его тотчас перебил.

— Но? Вы говорите «но»? То есть ваш титул, ваши воинские звания и подвиги терпят двоемыслие! Да-да, терпят двоемыслие коль скоро вы предупреждаете себя этим скользким, гнусным, препирающим словечком. Вы вообще понимаете, Ваша милость, в чем заключается благородство вельможного мужа?

— Да как вы смеете! — взвизгнул Лариус, — Я, я воевал!

— Очевидно не понимаете, старый дуралей, — продолжил лорд Андре, словно не расслышав кипучее возражение. — Впрочем я не удивлен, ибо от схожего непонимания страдают многие титулованные люди Миртаны. Поэтому, считаю нужным разъяснить: титул — это привилегия, и в то же время — большая ответственность. Благодаря титулу наше сословие богато: в нераздельном владении нашем состоят земли, замки и богатые города. Хлеба насущного ради нам не надобно вставать до восхода солнца, выходить на пашню и, борясь с твердой землей, в поте лица добывать пропитание. За нас добычей пропитания заняты низшие сословия: крестьяне и хлеборобы, охотники и свинопасы, рыбаки, ухари, щукари, чабаны и другой простой люд, имен которого не счесть. С одних наше сословие имеет живые припасы — вино, сыры, фрукты, оленину; с других-же изымает налог золотом, серебром, или медью. Великолепно устроено, разве не так? Как молвят отцы церковные, Иннос — господин наш на небесах, распорядился упорядочить мир таким образом, чтобы

вертикаль божественных сословий отражалась в вертикали сословий земных. Господь, согласно церкви, восседает во главе стола царства небесного и есть сторож и пастырь всея человечества. А мы — господа земные, восседаем во главе стола царства земного и являемся сторожами и пастырями подчинённых нам людей. Поэтому, в отличии от низших, подопечных сословий, нам даровано право — нет, впрочем, не право, а жесткое обязательство носить оружие, учиться им владеть, и умением ратным охранять мир и покой королевства, равно как Господь наш Иннос огненным мечом своим и щитом сторожит твердь земную. Отсюда и клятвы, отсюда и честь, и бесконечная ответственность перед отчизной — так измыслил устроить наш мир небесный владыка, и только лишь в этом лежит корень наших мирских, сословных привилегий. Мы — рука боронящая и меч карающий, мы — добрые пастыри и грозные защитники королевства, мы — и никто кроме нас! Это чернь безыменная может со страха бежать перед кровавым ятаганом орка, падать ниц, ползать на брюхе, и пощад у врага трусливо вымаливать. Это купцы-толстосумы вправе менять знамена на своих кораблях сообразно тому, какая из морских держав заплатит им больше. У нас-же — господ, такого права нет. И если мы, господин Лариус, черни уподобившись начнем трусить, воровать, и на животе пресмыкаться перед врагом — то плохи-же наши дела! Не заслужили мы значит ни привилегий, ни титулов, ни замков и земель, а лишь только кару Божью и позор несмыаемый. Ну и какой-же вы, Ваша светлость, после содеянного, человек чести? А такой вот — воевавший, титулованный, по форме благородный, а по содержанию — чернь, и даже хуже черни безродной себя поведший: ведь воруя и труся, простолюдин своего цеха не предаёт, а вы — воровством и подлостью, собственный цех предали и на всех остальных тоже бросили грязную тень. Этим самым вы и себя погубили, и детей ваших недостойных, и весь ваш род лжеблагородный с гербами, чинами, и уходящими в века фамилиями. Бог вам за это судья.

Слова лорда Андре звучали на редкость негневно, словно рассуждал не молодой рыцарь-паладин, представитель довольно строгого и гневливого церковного ордена, а умудренный годами мировой судья, зачитывающий приговор очередной партии порядком надоевших дорожных грабителей. До того безбурным было лицо лорда Андре, до того беззлобно смотрел он на провинившегося, что Лариус, сыскав в себе крупицу духа, решил немного поспорить.

— Ваше превосходительство, — начал он горделиво подбоченившись, — С учёным описанием рыцарской и вельможеской благодетели я спорить не стану, тем паче что разумение ваше подкрепляет власть церкви Инноса, доблестным паладином которой вы являетесь днесь. Да и так оно есть, что волею Господней надлежит родовитой знати, ради всеобщего блага отчизны, быть для низших сословий — сырых и неразумных, стражем мира и пастырем мудрым. Привилегия эта неоспорима. Но что-же делать мудрому пастырю, когда вверенное ему стадо суть потерянно и предназначено на погибель? Когда защищать нижайших вне наших, пусть и благороднейших сил? Ужели господа мудрые пастыри должны гибнуть вместе с пропащим стадом своих слуг? И разве не долг слуги — телом защитить господина и, коли на то есть воля Божия, смиренно принять за господина смерть? Быть может я и согрешил пытаясь уйти из города без разрешения, но разве и вы не грешите, оставаясь в обреченном городе, не командуя войску немедля отступать и, тем самым, избежать бессмысленной крови. Не обессудьте, достопочтенный рыцарь, но коли я, по-вашему, против закона — вы, по-моему, против здравого смысла!

— Для начала замечу, — сухо ответил лорд Андре, — Что Ваша милость изволила уйти

из города не просто так, а прихватив с собою казну. Кстати, вы задумывались о последствиях именно этого шага?

— Я... разумеется! — немного замаявшись крикнул Лариус. — Я поэтому и забрал казну что задумывался, и не раз, не раз об этом думал. Ну, то есть не о казне думал, упаси Господь, а о последствиях вашего неблагоразумия. Город неминуемо падет и казна либо оркам достанется, либо её разграбит восставшая в порту чернь. Я... я взял королевские деньги лишь только ради того, чтобы сберечь их, чтобы защитить их от врага, чтобы не дать им попасть в нечистые руки грабителей, куда они непременно теперь попадут из-за вашей беспечности!

— А, значит похищая королевскую казну вы защищали королевство! — заметил лорд Андре с едва слышимой насмешкой, — Правда, конечно, особо не думая что прямым защитникам королевства — солдатам, стражникам, и знаменосцам, без казны платить будет нечем. Но зачем тратить деньги на людей которые, по-вашему, обречены на неминуемую гибель. Так пусть гибнут голодными — ибо без денег земледержец Онар не поставит еды, пусть-же гибнут нагими и босыми — ремесленники не пошьют мундиров без оплаты так как им, ремесленникам, тоже надо на что-то да жить. Пусть откроются гноем покрытые раны и скрутит солдат лихорадкой — ведь лекари не варят бесплатных эликсиров, да и ведь, по-вашему, Хоринис вместе с его жителями и защитниками неминуемо падет. Ну, а «падающего да подтолкни» — именно так Ваша милость очевидно воображает рыцарское достоинство и дворянскую доблесть! Но вместе с этим вы рассудили мудро: что долг слуги — грудью защитить своего господина, поэтому я и возьму вашу мудрость за истину, и этой-же истиной выведу вам честный приговор. Вы — благородный человек, а значит и верный слуга короны, преданный челядин родного отечества. Ну и где-же ваша голая грудь? Вы сами сказали, что слуга, буде он добрым слугой, должен смиренно принять гибель за благодетеля — ну и где-же ваша смиренность? Где безропотное принятие гибели? Где, наконец, хотя-бы простое служение? Нет, вы не добрый слуга, господин Лариус. Вы — неблагодарный холуй, паразит, кровопийца вдоволь налилавшийся соков отчизны, иссушив её до обморока, до бледной смерти, толкнув к самому краю гибели, а теперь бегущий прочь от картины собственного злодеяния, от картины вами намазанной! Любопытно что попытавшись ограбить казну — то есть, по сути, ограбить меня — наместника короны и её высочайшей власти, вы пытаетесь мне-же вину на шею и повесить, а так может поступить только лишенный чести подлец. Почему-же я не приказываю рыцарям отступить, а войску — бросить оружие разбежаться по горам? Потому-что, во-первых, я не подлец, да и действую сообразно вами-же высказанной мудрости, грудью прикрывая безоружных жителей Хориниса и саму землю эту невинную, что по праву является уделом короны и частью отчизны, которой клялся я служить и защищать. Вы-же, гнусным предательством, корыстью, и беспечным малодушием, решили вверенных в опеку людей под вражеский меч подставить и, обокрав, тотчас обречь на голодную смерть. Бог вам судья, я-же милостью Божьей, препровожу вас к этому суду.

Лорд Андре умолк, над собравшимися в его покоях повисла зловещая тишина. Не нашедши ответных слов Лариус молча стоял, опустив на грудь покрытую позором голову. Его дети, крепкие широкогрудые молодцы, тоже молчали, лишь изредка нарушая тишину боязливymi всхлипами и тонким стенанием. Лорд Андре меж тем наострил перо и, расстелив перед собой пергамент, принялся за письмо — да с таким невозмутимым, поделовому прохладным видом, будто составлял он не приговор высочайшему вельможе Хориниса а какой-то совершенно пустяковый, прохожий документ. Время шло, перо скользило по бумаге с режущим слух скрипом, тишина в комнате густела и становилась все

более и более нетерпимой.

— Что-же наконец будет с нами! — внезапно выпалил Лариус и, бросившись к сыновьям, с рыданиями повис на их шеях.

— Погодите немного, я почти закончил, — пробормотал лорд Андре, проставляя на документе печать. — Вот приговор. Вульфгар, немедленно неси его в сейм.

Старый солдат молча принял документ и, заглянув в него, с некоторым стеснением возразил:

— Ваше превосходительство, может прежде зачитать его... эм... осужденным, дабы они по букве закона перед сеймом могли подать жалобу?

— Пожалуй, что да, — заметил лорд Андре, — Спасибо за напоминание, а то я, право, сильно устал... ну, да в общем, читай.

Вульфгар было начал читать, но его прервал истошный вопль Лариуса, который услышав слова про «осужденных» наконец-то стал осознавать всю пропащую глубину происходящего.

— На погибель меня значит! — заревел опозоренный вельможа, — На погибель из-за того, что посмел чернь немытую презреть, смердов поганых и остров этот проклятый, пропади оно все пропадом! Холопы, потроха свиные, охвостья собачьи, чтобы Белиар ваши печенки драл, кровью нечистой умылся! Я детей своих люблю — сынков ненаглядных, и живота ихнего защищать буду, себя-то наконец, старика седовласого, тоже люблю и жалею, ужели в этом грех?! А их-то, насельников, выроdkов криворылых, солдатню, торгашню, портовых шлюх отродий и крестьянских баб — их и к оркам на пир не жалко, к рыбам на корм, к чертям на панихиду! Сынки, сынки родные, отца вашего на погибель ведут, отца родного на погибель, ради холопского блага!

— Пожалуй, что и так, — тихо молвил лорд Андре, — Ради холопского блага. Один холоп десяти таких «благородных» стоит. Холопа накорми, напои, одень да обуь — он не предаст, служить будет и добро наживать, эти-же ясновельможные черви, сколько их не потчуй, лишь изменой и ложью заплатят. Вульфгарг, — поднял голос лорд Андре, — Забирай этот преступный смрад и сразу-же труби сбор сейма, мое распоряжение! Приговор выносится по измене королю и отчизне, а тут мое слово — слово королевского наместника будет весить побольше сеймской трепотни. Но вельмож, меж тем, с делом ознакомь, свидетелей веди и сам свидетельствуй, чтобы знали господа-светлоликие какую гадюку выкормили и какие нынче выписывают для подобных змей казни. Не мешкай, беги, и возвращайся до полудня — благо дел у нас край непечатый, буря скоро и потоп!

Вульфгар молча салютовал и скомандовал страже заковать осужденных. Лязгнул металл, зашумели кандалы, взвыл опозоренный вельможа и завертелся волчком, беспомощно вырываясь из крепких рук стражи. С благим матом и кулаками дёрнулись дюжие «сынки», пытаясь допрыгнуть до лорда Андре и, смяв растерявшихся стражников, было даже дотянулись до края письменного стола, но получив Вульфгаровой булавой промеж лопаток, рухнули навзничь и по-бабьи заревели. Тут подоспели солдаты снаружи: зазвенели щедрые оплеухи, хищно шелкнули кандалы, и предателей — трясущихся, мокрых, визжащих, ничтожных от страха, без лишних слов выволокли и увели.

В тот день погода не исправилась, Хоринис продолжало охлестывать дождем, а лорда Андре — засыпать различными заботами. Собрался, порядком струхнув и переполошившись, городской сейм и единогласно осудил Лариуса вместе с семейством, без проволочек подтвердив справедливость паладинского приговора. Немногим за полдень приговор был

приведен в исполнение: над головной площадью, посреди дождя и хмари, заболталось трое повешенных. Уже к вечеру слухи о казни губернатора и его детей лихорадочно облетели весь город. Событие это, очевидным образом произведшее самое яркое впечатление на горожан, наплодило столько молвы, что даже портовая чернь прекратила бесчинства и, попрятав дреколье, стала тихонько стекаться на стихийно возникшие молвища. Поздним вечером, после захода солнца, в покои лорда Андре вновь постучался Вульфгар.

— Ваше превосходительство, доброго вечера! Извините что отвлекаю, но вот доклад есть.

— Заходи, старый солдат, присаживайся, — радушно поприветствовал лорд Андре Вульфгара. Не отдыхая со вчерашней ночи и не отрываясь ни на минуту от хозяйственных трудов, молодой паладин выглядел осунувшимся и бледным, но глаза его по-прежнему искрились бодростью и тем казалось-бы волшебным внутренним огнем, что блистал только в самых рьяных и истинно-верующих рыцарях этого недремлющего, древнего ордена.

— Так что у нас, Вульфгар? Орки не изволили пожаловать к трапезе?

— Какое там, Ваша светлость! Море будто взбесилось так и кипит, того и гляди город подтопит, ну а на таких волнах даже щепка не удержится, о тяжелых орочьих галерах и думать зазря! Авось смыло их, проклятых, рыбам на корм.

— Сомневаюсь, — рассудительно молвил лорд Андре, — Скорее всего притулились у какой-нибудь тихой бухты и выжидают, подлецы, своего часа. Ну да полно, есть еще доложить?

— Да, Ваша светлость, — закивал Вульфгар, — Тут такое дело изумительно сотворилось, ум за разум заходит! В общем, к ратуше прибыла... эмм... прибыла депутация давнишних смутьянов из портового квартала. Главари мятежа, так сказать, сами пожаловали, своими ногами пришли, и говорят что желают лично перед вами сложить оружие, милости испросить, и коли вы им позволите — принять присягу. Я было подумал, что сержант мой нализался за вечер наливок и со хмельных губ околесицу мелет, но вышел — и правда, все как положено. Депутация черни — эка невидаль! Так вот, что изволите с ними делать, с депутатами этими новотканным?

— Вот уж диво из див! — изумленно воскликнул лорд Андре, — Разное доводилось слыхивать, но такого даже в Варанте где каждый день чудеса пожалуй что и не придумают. А точно-ли оно как ты сказал, может колдун какой наваждение напустил? Хо! Ну да полно, право дело, пропускай эту депутацию ко мне, пусть сами выскажутся и если повторят что ты донес, то значит чудо свершилось и над Хоринисом трудится провидение Божье.

Через несколько минут у двери покоев лорда Андре появилось трое взъерошенных мужиков, сложения невысокого и кряжистого, в засаленных морских рубахах и грубых, сыромятных башмаках. Ломая шапчонки в руках они не решались переступить порога, но тем не менее, мучимые простодушным любопытством, пристально разглядывали лорда Андре пытаясь очевидно угадать его настроение.

— Что же вы, — радушно молвил лорд Андре, — Коли пришли, заходите. Час поздний на дворе, чего у порога подошвами шаркать!

Мужики тихонько меж собою зашептались и, окончив наскоро совет, пустили вперед своего главаря — самого коренастого, поджарого, и косматого мужичка. Переступивши порог и поклонившись по пояс, он заговорил:

— Ваше преблагородство, зовут меня Буссе, сын Борки. Я простой матрос, грамотам не обучен, поэтому скажу как есть по-человечески, как наш брат-моряк умеет. То что вы

Лариуса, собаку эту паршивую, вздернули — за это вам от всех жителей порта небесный да земной поклон! Уж сколько кровушки он у нас попивал, сколько жил и позвонков беднякам повывертывал! Так что поклон вам ото всех нас — от моряков, рыбаков, мыловаров, судомоев, и прочих добрых безыменников. Можется, конечно, вашему благородству поклон этот — плюнуть и растереть, тем паче смекаем мы что восстанием нашим забиячливым накузьмили мы лихо, супротив закона да — премного напакостили. Но, ваше благородство, бранились мы супротив старых обид, которые змей этот Лариус денно и ночью множил живота своего не щадя, и не ждали мы от вашего закона ни опеки, ни помочи. Вестимо-же: портовой квартал под портмистром стонет, портмистр за сеймскими головами угаживает, ну а сеймом Лариус, стервоядов король, знай верховодит и крутит себе как дышло в угодку. Но нынче ясно стало что на дворе новая година, а в городе новая метла, старый мусор вашей выметает. Засим, от имени всех портовых общин, просим милости вашей и прощения, ну а коли изволите простить — то и службу примите, умоляем нижайше. Народ мы черствый и неразумный, только перед грядущей невзгодицей скажется от нас прок, ежели изволите сей прок из рук наших черных принять.

— А если не изволю? — спросил лорд Андре, уперевшись острым взглядом в запыхавшегося от разговора мужика, — Ведь ты пусть и раскаивающиеся, но мятежник, а по закону военного времени за мятеж принято платить одной лишь монетой — ну той, которой я давеча расплатился с известным всем Лариусом. Что скажешь на это, Буссе сын Борки? Что будут твои люди делать если я вас не помилую вовсе, а прикажу и дальше, для пущего порядка и дисциплины, громить как бандитов?

— Казнить или миловать — то ваше право, — молвил мужик рассудительно, — Хоть сейчас берите мою шею да в веревку вдевайте. Что до общины нашей, то мы еще с этого вечера договорились об отставке мятежа и его дальнейшем непродолжении, и бунтовать более не будем даже если ваше благородие решит нас наказать. Главное ведь — издох проклятый Лариус, а это значит, что в город справедливость вернулась, и коли злой дух нового Лариуса из-за моря не принесет, и коли от города орка отвадим, то волею Господа — распрямится судьбина бедняцкая! Твоя-же рука, милостивый государь, есть рука избавителя. Мы, даром что простые, супротив избавляющей руки оружия не подыдем, ибо есть у нас своя, мужицкая честь. Увидели мы что дорога земля родная вашему благородству, что дорог вам город, что не хотите вы отдавать его врагу на покусание, что будете его защищать собственной жизни не щадя, а стервоядов покусившихся будете бить невзирая на чин и сословие. Любили вас раньше рыцари да полчане, теперь-же вот, за дела ваши, и простой народ полюбил. Народ все видит! Так позвольте служить под вашим началом, даруйте эту непростую милость — а мы уж постараемся.

С этими словами матрос было захотел преклонить колено, но лорд Андре, резко встав из-за стола, подхватил его под руку.

— Тебе-ли кланяться, Буссе сын Борки! — растрогавшись воскликнул молодой паладин и сам удивился собственным чувствам, ибо к волнениям был обычно не склонен. — Тебе-ли кланяться... А ведь и суток не прошло как говаривал я на этом самом месте с одним титулованным вельможей, с человеком благороднейшей крови, с особой экзальтированной, королевской милостью обласканной, и что-же? Болтается нынче этот родовитый вельможа на веревке, так как честью своей поступился, продал её, и предав отчизну в ничтожество безвозвратное пал. Видимо так распорядился небесный наш владыка в бесконечной мудрости своей, что в лихую эту годину, когда над нашей юдолью разверзается буря,

маленький матрос Буссе, Боркулов сын ведаёт о благородстве, долге, и чести больше, чем весь титулованный свет! Ты, Буссе, соль земли, а народ твой — хребет её и надежда. И если, милостью Божьей, сломим мы меч над главами нашими занесенный, то народ твой унаследует спасенную им землю и ты, Буссе, станешь пастырем и сторожем его. Забирай-же прощение и считай себя впредь на королевской службе. Но помни, непростую ношу взвалил ты себе на плечи, и пути назад у тебя больше нет.

Моряк Буссе глубоко поклонился и, очевидно тоже растрогавшись, утер влажные глаза краешком шапки:

— Благодарю вас искренне, ваше благородство! Ну а ношу как-нибудь вынесем, бо плечам не привыкать от рассвета до заката тюки морские да грузы таскавши. Считайте, ваша светлость, что в портовом квартале у есть теперь свое ополчение, и орков — коли те свои рыла высунут, мы через порт просто так не пропустим!

— Вот это другое дело, — с улыбкой молвил лорд Андре, — Прибыло нашему полку! Но действовать, меж тем, надлежит сообща. Слушай-же теперь, моряк Буссе: поспеши обратно в порт и веди сюда самых толковых своих людей, сотников да ловкачей, которыми ты бунт свой распоряжал. К полуночи начнется совет, там авось и придумаем как едиными силами орчьи полчища заарканить и город, тем самым, на поругание не отдать. Так что лети теперь, исполняй приказание служивый!

Раскланявшись по пояс и челом прильнув к деснице лорда Андре, моряк Буссе ушел выполнять первый свой воинский приказ. Сопровождение, собранное к полуночи, выдалось долгим и затянулось до самого утра: обсуждали построение войсковой обороны и хитрости портового квартала, который стараниями бывших бунтовщиков обещал стать для орков могилой. Порядком притомившись к рассвету, собравшиеся решили ненадолго откланяться дабы набраться сил для дневных забот, да и вечно неутомимый лорд Андре внезапно почувствовал навалившуюся тяжелым грузом усталость и, по привычке наказав стражникам немедля себя будить при малейшей необходимости, камнем ухнул на ложе.

Солнце, меж тем, выкатилось из-за горизонта и, умывшись в утихающих морских волнах, заступало на свою ежедневную дугу. Дождь больше не лил, улеглись колючие ветры, разошлись свинцовые тучи и угомонили бесчинствующую досель морскую пучину. Над голубой высью Хориниса заискрился яркий рассвет. К полудню совсем распогодилось, и лежащая на склонах холмов городская плешина, будто оправившись от тяжелого недуга, расцвела зелеными кронами деревьев и яркими платьями горожан. На горизонте, меж тем, еле зримо замаячили черные точки, издали походившие на ватаги перелетных птах.

Лорд Андре проснулся и, очертя голову, вылетел на балкон своих покоев. Над городом разлетался гулкий перезвон набата. Сощурился глаза и заслонив лицо от солнца, молодой рыцарь вперился острым взором в раскрывающуюся с вершины ратуши даль: чёрной лентой окаймив горизонт и вспенивая море веслами, на город надвигалась орчья армада. Завертевшись над сизой пучиной ветром приносило утробное ворчание барабанов и лихой визг погонщицких плетей, галеры шли плотным строем и было их никак не меньше сорока, что свидетельствовало о полных тридцати когортах отборного орчьего воинства. «Вот она лавина!» — подумал лорд Андре, «Боже милостивый, потоп!»

Бездоспешный, но с верным двуручным мечом в руках, молодой паладин вырвался из покоев и очутился на плацу перед цитаделью, где уже строились знамена и гремели приказами сотники. Завидев лорда Андре солдаты ободрились, сомкнули порядки, подняли ввысь знамена и по-молодецки вытянувшись приветствовали командира. Чеканя шаг, лорд

Андре прошел вдоль шеренг и, резко развернувшись, приготовился говорить с войском.

— Ваше превосходительство! — рядом ним раздался гулкий, но порядком запыхавшийся голос Вульфгара, — Десять минут назад заметили орка. Идут быстро, словно сам Белиар их под хвост подгоняет, через час подойдут на расстояние выстрела. Ох, кабы у нас было больше людей!

— Что-же это, солдат мой Вульфгар! — громко молвил лорд Андре, в глазах его заиграл охочий до сражения пламень. Пожилому начальнику стражи показалось что молодой командир будто бы вырос, возвышаясь в лучах яркого солнца точно осененный благословением Инноса исполин, ниспосланный укрепить души ратующих его именем воинов.

— Нет, — продолжил лорд Андре чеканя каждое слово, дабы каждый стоящий на плацу солдат мог его расслышать. — Нет, коль уготована нам смерть, то смерти нашей — ни больше и не меньше, а в самый раз хватает дабы оплакала отчизна. А коли будем жить — чем меньше нас, тем больше славы! Иннос свидетель — не алчен я до злата, мне безразлично кто живет за рыцарский мой счет, что так что эдак до благ мирских и светских тряпок мне дела больше нет. Но, если в чем и грешен — так это в жажде славы, вот в этом я греховней любой мирской души! Поэтому отриньте мысли о подспорье, ибо делиться славой вовек не мой удел. Подай доспех, оруженосец! Где мой дубовый щит, где меч, которому о ножнах вспомнить не судьба? Вот он! — клинок лорда Андре молнией сверкнул над головами воинов. — Вот меч, вот замысел Господень, вот Божье провидение, и будет тот бессмертен кто встанет за него. Но, памятуя битву, так возведу солдатам: всяк кто отчаялся сражаться без всякого упрека имеет право, времени не тратя, покинуть этот строй. Получит он и пропуск, тугой кошель вдогонку — ибо погибнуть с тем, кому горька и мысль об упокое братском — того я не желаю и видеть не хочу! Сегодня бой наш, пир наш — за землю, за отчизну! Кто сдюжит и, покрыв чело бессмертной славой, воротится домой — того с порога возвышенья ждет, лишь только упомянет отвагу того дня. Кто, битву пережив, до старых лет дотянет — тот каждый год, в поминовенье, соседа мёдом угостит, и угощая непременно скажет — «то, братцы, была битва!». Там на пиру, рукава платья закатав, он раны обнажит добытые в бою за отчий край. То правда, забывчив старый люд! Но всё будет забыто, прежде чем престарелый воин запомнит ратный подвиг свой: сей бранный день, сей бранный час, и имена товарищей что намертво врасут и в мысли, и в поступки, и в слова веков. Под кубков звон и до скончания лет не выветрится память о славном этом дне; от доброго отца к послушному отроку из уст в уста полетит длинный сказ: о нас — счастливой горсти, о нашем крепком братстве, о тех кто кровь со мною не струхнувши пролил! Со мною претерпевший любой мне станет братом, каким-бы ни был низким его сословный чин. А те ясновельможные, что нынче спят в кроватях, и царство покоряют подушек и перин — судьбу еще проклянут, чванливые дворяне: что не было их с нами, что не сражались браво, что подвиг не свершили в сей славный, бранный день!»

Глава Девятая — Развилка

Тем временем за стенами ветхой Часовни молодой Бард, старина Сид, и маг огня Исгарот готовились к пути. Идти предполагалось налегке так как большая часть дороги пролегла через нехоженую глухомань, где среди лесов и непроходимых оврагов петляли разве что звериные тропы и попадались-бывало редкие просеки, оставшиеся от лесорубов. Согласно составленной Исгаротом карте, сперва полагалось добраться до моста ведущего в Монастырь Огня, но не вступая на мост тотчас свернуть и, следуя тайной тропой через скалы, спустится в низину, где от большого монастырского пруда тонкой петлей уходила река. Как обещал Исгарот, неподалеку от устья реки, в камышах, была припрятана плоскодонная рыбацкая лодка — суденышко довольно ветхое и с недавних пор заброшенное, но в целом пригодное для речного пути, тем паче что, сплавившись вниз путники выиграли бы целые сутки времени.

Семь часов от полудня надлежало идти по воде, сходить-же на берег не раньше захода солнца, да и только после того, как река повернет на юг: дальше по течению начинались крутые пороги для плоскодонного судна непроходимые, искомые-же Маги Воды жили на северо-востоке, так что южное направление лежало не по пути. Таким образом, сойдя у речной пристани сразу после поворота, путникам надлежало пройти с полверсты назад, а затем вскарабкаться на плато, предваряющее открытые Магами Воды древние руины. Конец этого плато обрамлялся с виду непроходимыми горами, но знакомые с тамошними местами охотники говаривали что чуть севернее от гор, вгрызаясь в скалы, пролегла маленькая, почти незаметная ложбинка, выводящая путника аккуратно к развалинам, где и обретались служители Аданоса, Маги Воды.

Но одно дело — составить путь в уме, а другое дело — встать на него собственными ногами. Молодой Бард отнесся к задаче с особой тщательностью и, запершись в библиотеке, до позднего часа корпел над старыми схемами, чертежами, и картами. Старина Сид по бывалой солдатской привычке основное внимание уделил сбору провизии, напутственно приговаривая что сытое брюхо — к лишениям глухо, а на пустой желудок даже самому опытному ходоку одна миля покажется тремя. Пожилой отец Исгарот в свою очередь не отставал, и обшарив сверху донизу обширные кладовые часовни, сумел раздобыть три очень пригожие пары дорожных плащей с капюшонами, предназначавшейся для паломников старых времен. Чудесным образом не истлев за долгие годы в почерневших от старости сундуках, плотные шерстяные плащи обещали уберечь путников от погоды, что с приближением осени все чаще и чаще обрушивалась на Хоринис ненастьем — то проливным дождем, а то и нагоняемой с моря холодной хмарью. Но особенно обрадовались путники найденным в кладовке кожаным башмакам с прилагающимися к ним набашмачниками: прочная деревянная подбивка и железный обод защитили-бы любого ходока от липучей Хоринисской грязи.

Таким образом, потратив на скорые сборы один лишь только день, Бард, Сид, и отец Исгарот выступили из часовни к следующему утру, рассвета не дожидаясь. Скрепя сердце, пожилой Маг Огня затворил двери и, спрятав пожелтевший от старости ключ в походной суме, произнес краткую напутную молитву. Тяжело ему было покидать ставшую родным домом обитель, камнем на сердце лежала тревога, и словно само провидение шепнуло

Исгароту на ухо что смотрит он на часовню последний раз в жизни и никогда больше к ней не вернется, а запертые двери так и останутся неразомкнутыми.

— Поспешим-же теперь, с Божьей помощью! — молвил Маг, окончив молитву, — Хоть и нет за нами погони а тракт по утрам обыкновенно пуст, но до Монастырского моста нам надлежит добраться не позднее полудня, а там уж, не мешкая, спуститься к реке, прежде конечно следы запутав как следует, чтобы если кто и идет за нами — подумал что перешли мы мост и за Монастырскими стенами себя укрыли. В путь, друзья мои, в путь!

Взошло солнце, прогревая размокший и ослизлый за ночь тракт, небо застелило серой дымкой, а из окрестных лесов потянуло запахом прелой листвы. Наступающий день обещал быть жарким, спешащие путники уже успели порядком взопреть под дорожными плащами. Впереди, склонивши голову и опираясь на коряжистый посох, широким шагом шествовал отец Исгарот, лишь изредка останавливаясь у обочины и, пропуская спутников вперед, вслушивался в остающуюся позади тишину. За ним рука об руку шли Сид и Бард, с любопытством осматривая чужую для них округу и тихонько перешептываясь.

— Спешим, — заметил, запыхавшись Сид, — Будто взаправду кто за нами гонится! А ведь не слышно ничегошеньки, только птахи щелкают да цикада по кустам скребет.

— Тихо, да», — ответил Бард, поправляя сползшую на лоб шляпу, — Очень надеюсь, что ни с кем не придется по пути повстречаться, если даже и с монастырскими. Болтовней своей задержат пустопорожней, расспросами, а эдакой прытью мы до моста через час-полтора доберемся, я по карте помню, тут близко!

— А кто тебя обучил карты читать? — спросил Сид, — Я вот, даром что в походы хаживал, а грамоты этой не разумею.

— В Коллегии Бардов, там ко всякой науке любопытство прививают. Ну и отец дома, в Венгарде, обучал бывало немножечко, готовил меня к офицерской службе. Думал, что по стопам его буду идти.

— И от чего-же ты не пошел? — удивленно спросил Сид, — Тем паче что батюшка твой, небось, сам при офицерском чине, ну а ежели из Венгардийских, королевских хоругвей, то тут по службе расти проще пареной репы! Считаю что потчуеть рядом с вельможеским сидением, да и с королевским двором почти как родной, дед на дед сродничаешь. Это тебе не у нас в Трелисе с гарнизоном стоять, прозябать посреди глухоманей — у нас в провинции повышений и чина можно хоть до старости ждать, да так и помрешь с пустыми руками.

— Хорошо у вас там в Трелисе значит, — с улыбкой молвил Бард, — По крайней мере было. А я ведь всегда мечтал о провинции: пожить бы где поспокойнее и люди получше, подобнее что-ль бывают, а не как в столице где все злые и холодные — шелк, камень, да парча. На службу не пошел от того, что не мое это вовсе: с детства не любил Венгарда, угрюмых его стен, мостовых железом кованных, и всего этого шумного цокота, лязга, напускной важности и вечной брани, особенно в последние годы. За стенами ведь гораздо лучше: там такой замечательный берег подле Венгарда, море прохладное, а над ним луга бескрайние и зеленые яры — хоть на век пропади, броди себе безымянно и сочиняй стихи, песни, траву ароматную нюхай, губами к ней припадай, землю целуй и живи человеком! Вечером же можно вниз от лугов, опять мимо стен спуститься, вброд через реку перемахнуть и айда к лесным опушкам, от которых охотничьи тропы к взгорьям Нордмара идут. Там если попотеть как следует и повыше взобраться, то даже летом с гор снегом запорошит, прохладой меж дубов вековых подует, рай на земле да и только! А там уж залезешь на

высокое какое-нибудь дерево и посмотришь откуда пришел: вот оно море — синее и искрится у горизонта, а у его колен город — раскинулся эдаким пятнистым лишайником: рыжеет кровельная черепица на солнце, сверкают золоченными куполами колокольни, расцветает флагами и войсковыми знаменами дворец! Хорош Венгард и красив по-своему, только издалече. Поэтому я с двенадцати лет и уходил из дома к бабушке в Фаринг, бродяжничал то с торговцами, а то и с королевскими волкогонами: они с едой и питьем — а я с песнями и стихами, развлекаю их подле костра, какая там служба! Отец гневался поначалу, крепких розог давал за ночные побеги, но потом смекнул что солдат из меня никакой, и скрипя сердцем в Коллегию Бардов отдал. Там-то меня, дурака, и сцапали.

— Экая ты шкода, милсдарь Бард! — усмехнулся старина Сид, «жил значит у короля за пазухой, да все не в коня корм. Впрочем — каждому свое, и нет над этим иной силы: кому на роду стихи писать писано, а кому — во челе королевской хоругви важно прохаживаться. Я вот всю жизнь об этом мечтал, о славе ратной, но кто-же нас, Сильденских, ко двору королевскому пустит? Как попали в опалу сто лет назад, так и сиди теперь где велено! Нечего, говорят, паршивой кобыле в одном стойле с царскими рысаками стоять. Но это ладно, ты лучше скажи мне кто тебя в Коллегии-то зацапал?

— Нет уж, — в свою очередь усмехнулся Бард, — Это ты прежде расскажи за что в опалу попал, воеводы Буркхарда верный оруженосец! В Трелисе с тобой чего приключилось, или после того злополучного похода Его Величество велели-с наказать?

— Да нет, то старая история, еще до моего рождения стряслось, — буркнул старина Сид, — Впрочем — от чего бы и не поведать? Так вот, в прежние времена родичи мои жили в Нордмаре, назывались ярлами Сиддредра, и служили при дворе конунгов Чернобородых из рода Снежного Волка. Конунг Рогвальд Чернобородый даровал ярлам Сиддредра обширные охотничьи угодия вокруг деревни Сильден, что лежит в низовье обок бурга Чернобородых. В ту пору зверья разного вдоль и поперек водилось с избытком, так что Нордмарские мои пращуры промышляли в Сильдене с доброй поживкой и нажитками — живи себе ходко, дуби шкуры да богатей! Но где уж там счастьем пройти, когда судьба — поперёк? Вспыхнула в Нордмаре свалка, на конунга Рогвальда пошел с войной могущественный конунг Клана Огня, Хробарг Пламенный — да, тот самый что впоследствии взял себе корону Миртаны и под знаменем Огня объединил королевство, провидением Божьим нареченный Робаром Первым, Святым. В общем, стряслась великая драка, которую Рогвальд, не смотря на отважный отпор, с треском продул. Бург его был сожжен, двор с челядью — побранен и разогнан на все четыре стороны. Бежали из Нордмара и мои пращуры, укрывшись в лесных чащобах Сильдена которые по старому праву им и принадлежали. Жили вроде как вольно, но страхом терзаемые, ибо воцарившийся на Миртанском претсоле Робар старых прав не признавал, а на Сильденскую «вольницу» взирал с большой немилостью и, согласно расхожим слухам, готовил карательный поход, дабы с «вольницей» этой раз и на всегда расквитаться. Велик был страх перед гневом короля и многие стали течь на запад, к подножьям необжитых лысых гор куда и днесь не ступает нога человеческая. Гиблые они, горы эти, гнездовьями свирепых огров и летающих ящеров известны среди народа, и всяк сторонится их. Но король, укрепившись на троне Миртаны, тем временем решил отступить от своего гнева и, вместо карателей, послал в Сильден знаменосцев, дабы с остатками вольного народа потолковать и богатый этот край окончательно под крыло королевской власти упрятать. Возликовали тогда люди, решив, что миновала их тяжелая чаша государева гнева, засим перед знаменосцами и вельможами Венгардскими согласидали на любые, даже самые уничижающие уступки —

лишь бы миру быть, а не войне и разбою. Так оно и вышло: старое право конунгов Чернобородых разорвали, Сильденскую «вольницу» и дом Сиддредра отменили, самих-же ярлов, лишив придворных привилегий и званий, довольствовались скромным франкелянством, сократив им прежде даже собственную фамилию — с «Сиддредра» до простого «Сид». Таким образом и началась опала супротив Сильденских Сидов, даром что Святого Робара уже почти век как нет на этом свете, а историю брани с конунгом Рогвальдом разве что старики доворде меня помнят, и то потому что мне об этом в отрочестве все уши прожужжали. Но, вышло что вышло, прошлого не изменить. Такие вот, сударь Бард, раньше пеклись пироги.

— Да уж, пироги королевские до того доведут что и хлеба мужицкого едоку не дадут! — с горькой усмешкой молвил Бард, выслушав историю Сидра. — Типичное Венгардийское паскудство, воздавать детям за прегрешения отцов. Я одного только не могу понять: от чего в тебе теперь такая тяга к службе? Корона-то ведь против твоего дома и рода эвон как накривила, а ты ей служить порываешься, кровь за неё лить хочешь, да и себя меж тем попрекаешь что так и не довелось всласть хоругви поносить и государя прославить. Тут, пожалуй, уместнее было бы с короной враждовать нежели служить, а если и служить — то так, без особого рвения, исполняя лишь то обязательство, которое от тебя требует закон. Отслужил — и айда, обратно в свой Сильден по лесам бегать, а королевское знамя — с глаз вон, да из души наружу!

— Молодой ты еще, — усмехнулся Сид по-отечески хлопнув Барда по плечу, — Не понимаешь. Да, корона нас, могучих ярлов Сиддредра, низкими франкелянами сделала, конунга старого да благодетельного в бою уморила — но на то она и корона чтобы над людом владычествовать и дела по вершить своему разумению. Думаешь вольница Сильденская лучше была? Как бы не так: люди со страха себе на погибель в горы бежали, на уметы и сёла шайки бандитские слетались как воронье убивая людей без разбора; порядка не было ни на деревне, ни при городках: каждый жил сам по себе, а какая-же это жизнь — волчья судьбина! Так мне отец говаривал, к горю своему те времена заставший. Потому-то и обрадовались люди королевское знамя завидев, понимали что за ним порядок и примирение на землю придет, ну а то что за порядок надобно чем-то пожертвовать — то так уж наш мир устроен, милсдарь Бард: всякому добру свой труд в уплату, а без труда только лихо бывает и черное зло по углам плодится.

— А почему ярлы эти Сиддредра, предки твои, порядок-то не навели? — спросил Бард, — Ведь сам же говорил, что Сильден их был по праву! Так взяли бы власть в свои руки и людей против короля выставили.

— Во-первых, далеко не весь Сильден а лишь только та его часть, которая к горам Нордмара и бургу конунгов примыкает, — рассудительно молвил Сид, — Земли-же вокруг да около принадлежали другим ярлам, ну и разумеется подданство дома Сиддредра они принимать не желали ни разу. Наоборот, после разгрома конунга Рогвальда, прочие ярлы хором объявили о самостоятельности, иные-же вовсе попрали старое право и, провозгласив себя наследниками дома Чернобородых — конунгами то бишь, попёрли с огнем на соседей. Какая из этого вышла скверная дрязга памятовал мой покойный дед, мир праху его! Сколько земли сожжено было, сколько люда безвинно погублено, сколько вольных охотников и крестьянских сынов в беженство обращено, сколько от голодного нищенства сгинуло — и не счесть. Дом Сиддредра от этих склок держался подальше, но как мне видится не из-за благородства а от слабости сил, попрали при разгроме Рогвальдова бурга. Так что если бы не король с его миром, то пропадай Сильден и кровь ярлов Сиддредра! Иссохнули-бы все на

попранных бранью лугах. Засим, пусть и умалили нас королевским указом, пусть и лишили древних прав с привилегиями, но даровали при этом мир и покой — а этот дар сверх всякой цены, дар за который каждый им вознагражденный обязан службу нести и службой дар этот пуще прежнего оберегать. Так оно заведено, сударь мой Бард. Ведь мы — сиречь часть единого целого, семья мировая под небосводом едиными узами связанная! Господь Бог — небесный наш отец и покровитель, король — отец земной, отчизна — мать, народ и люд — отрок послушный. И как во всякой доме, во всякой семье, на плечах каждого домочадца своя ответственность возлежит, без исполнения которой не бывать согласию. Мы отроки, и долг наш отроческий — верой и правдой служить отцу, слушать его, и глубоко почитать. Мать, родную отчизну — беречь, любить и лелеять пуще собственного живота, окружать всяческой лаской и нежно голубить седое её чело. Богу-же днесь хвалу возносить и на милость его уповая, от любой невзгоды в нем едином защиту искать, ибо нет Бога кроме Бога! От того-то я и желал встать под королевское знамя, милсдарь Бард, что завсегда ищу согласия внутри дома и личным своим примером, службой то бишь, пытаюсь этому согласию подсобить, укрепить его: ибо всякой дом разделившийся сам в себе не устоит, человек-же дом отринувший — погибнет.

Покачав головой Бард было призадумался, но мгновенье спустя поправил сползшую на лоб шляпу и учено возразил:

— Понятны мне чаяния твоего сердца, старина, но узреть в них истину увы — не могу. Почему-же, ты спросишь — а я тут-же отвечу: как человек прошедший через рабство, я превыше всего свободу люблю и ценю. А что такое свобода? Свобода — это ничто иное как отсутствие ограничений: вот, погляди на мои запястья! Видишь шрамы? А они ведь от ограничений — от железных кандалов которые мою свободу телесно сковывали, оковы твердые и жестокие избавиться от которых я только благодаря тебе и смог, любезный мой старый солдат, да и от угрозы которых нынче уж вместе бежим, убегаем, на добрую удачу уповая! Но в мире нашем оковы разные бывают: страшнее телесных оков — путы духовные, узы, сковывающие свободу безо всякого железа. Служба, о которой ты молвил, ровно таким узилищем и является, коль скоро разумный человек вышелушит из неё всю славословную трепотню об отчизне, об отцах и детях, о священном долге и всяком таком пустоцветном обмане. На самом-же деле король, которому ты служишь верой и правдой, использует эту службу для обеспечения лишь только своей личной свободы! Он ведь себя охраняет, о своей свободе печется, жестоко неволя при этом всех остальных, лишая людей наивысшего из всех благ — личной, частной свободы. В по-настоящему справедливом государстве личная свобода должна стоять впереди любой другой благодетели, а коли кто и скажет, что есть благодетель выше свободы — тот будет лжецом, так как не существует благодетели выше, а всякий кто порывается её ограничивает — есть злодей, громить которого надо а не слушать!

Ахнул старина Сид и, разинув рот, задумался было что на такую мудрую загогулину ответить, но тут в разговор вступил отец Исгарот:

— Ну-ка скажи мне, музыкант: у кого больше свободы — у тебя или у земляного червя?

— Разумеется у меня!» — выпалил Бард немного смутившийся, не ожидая что старый Маг услышал его с Сидом разговор.

— Взаправду, говоришь? А ведь как бы не так — вот и остался, значит, в дураках! — добродушно захохотал Исгарот. — Но чтобы ты не винил меня в насмешничестве, позволь рассудить сообразно твоей-же собственной мудрости: свобода — это отсутствие любых

ограничений, будь то телесных или душевных. Так ведь ты молвил?

— Так, — настороженно согласился Бард

— Ну вот поэтому я и говорю, что земляной червь — гораздо свободнее тебя. Свободнее он и телом, ибо может изогнуть тулово в любую мыслимую сторону и совершенно любым образом, ты-же меж тем ограничен подвижностью собственных жил и суставов, засим и согнуться можешь только лишь строго в определенных местах — и то, с оглядкой на ощущения в изгибаемых членах дабы кости из седловин ненароком не вывернуть и сухожилий тонких не порвать. Но ладно с телесной свободой, ведь и душевно выходит что червь земляной повольнее тебя: вестимо что червь следует куда желает следовать безо всякой оглядки на закон или границы, с червя никто не снимет дорожную пошлину, червь роет любую землю не раздумывая о правах и владениях, да и во век ему не отвечать перед обязательством, обычаем, или каким-нибудь другим, внутренним мороком. Нет у червя семьи, нет дома, общины, нет родины или сословья, да и забот таких нет которыми днесь тяжела доля людская, принужденная в известной мере от свободы отречься. Нет у червя и греха, также как нет добродетели, ибо всё в природе для него суть едино — как не стать ему святым, так и не заделаться проклятым всеми отступником. Оттоль-же и выходит, что если свобода — это воистину отсутствие любых ограничений, то получается, что ты как представитель рода людского, ниже жалкого червя земляного по грязи ползаешь, на брюхе пред ним униженный барахтаешься ибо и четверти его достоинства не имеешь! Ужели таковой ты видишь свободу, сударь мой млодый? Ужели желаешь жить в эдаком скверном царстве, в стране вывернутых наизнанку зеркал где венцом духа и тела, парагоном высшей свободы, идеалом благодти будет повсеместно провозглашен бедный земляной червь?

Выслушав ответ отца Исгарота, Бард задумался сисясь измыслить толковый ответ, но отец Исгарот отвлекшись продолжил:

— Мудреные-же мы нынче разговоры ведем, государи мои, только полно лясы точить — прибывать лучше-бы ходу! Скоро уж полдень, а до моста еще полные две мили разбитого тракта, поторапливаться надо и побыстрее с дороги к реке свернуть, а то чувствует мое сердце что погоня идет по нашим пятам и, неровен час, скоро нас нагонит!

Бард с Сидом испуганно переглянулись, вовсе забыв о споре.

— Добрый отец, — сказал Сид, утирая шапкой взмокшее лицо, — От чего думаешь что погоня за нами? Коли округу послухать — шума за нашими спинами нет, да и тракт пустует — прохожей живой души за версту не видать!

— А ты поверни свою пустую голову и глянь на восток, авось чего да и разглядишь! — недовольно проворчал Маг. Сид с Бардом мигом повернулись: трепетно дрожащей лентой из-за поросших густым сосняком холмов едва заметно тянулась тонкая струйка дыма, почти что сливаясь с посеревшим от дневной хмари небосводом.

— Охотники костер в горах развели? — предложил Бард. — А может углежоги лес палят?

— Да уж, углежоги! — передразнил его Исгарот, — Это враги проклятые мою Часовню подпалили! На дым смотри лучше, вот он уже и чернеть начал — небось библиотека задалась.

И взаправду, было блеклая дымная лента померкла и сделалась гуще, неся крупные хлопья сажи вперемешку с яркими угольками. Не проронив более ни слова, трое беглецов во всю припустили по тракту.

Миновало чуть за обедник, когда спешно шагающие по окрутевшей дороге путники,

поминутно утирая со лба жгучий пот и устало кряхти, наконец-то вышли к обрамленной высокими кряжами прогалине, от которой вел свое начало монастырский мост. Мост этот, вытесанный из окрестных скал в незапамятные времена, являлся единственным подступом к воротам монастыря. Узкой полосой пролегая над мрачной стремниной, на дне которой разливался заросший очеретом старый пруд, мост был сработан таким хитрым образом, что любому врагу замыслившему напасть на горную общину Магов Огня пришлось бы крайне несладко. Не шире четырех человек, полотнище моста замыкалось подвижным пролетом, при нужде убираемым посредством огромной лебедки за стенами, обрывая тем самым прямой подступ к воротам. Разбивать-же осадной лагерь на прогалине подле начала моста было крайне несподручно: с трех сторон нависали крутые и острые как бритва скалы, над темным обрывом вечно гулял промозглый северный ветер, да и по узкому, разбитому тракту снабжать войска регулярной провизией получалось не то чтобы с руки. Словом, то был не монастырь а неприступная твердыня, которую человеку ни обойти, ни окружить: либо дрогнуть всем войском на ветру до скончания веков, либо — испив до дна позорную чашу проигрыша, плестись назад тем-же путем, которым явился изначально. Сид и Бард внимательно осматривались, тщетясь разглядеть потайную тропу, которая по словам Исгарота вела через ребристые скалы, мимо пруда, вниз — к устью реки.

Исгарот тем временем притулился у широко пня подле моста и, отложив в сторону посох, немного перевел дыхание. Выудив из путевой сумки склянку с эликсиром, он жадно пригубил и, вытерев губы походным носовым платком, обратился к недоумевающим спутникам:

— Воистину великим было бы вольноперство Магов Огня и короткой их мудрость, если бы они не озаботились сокрыть ту тропу, что вы силитесь разглядеть. Для человека постороннего нет другой дороги кроме как на мост или обратно, через кремнеподобные скалы просочиться разве что несомый ветром бесплотный дух, но путь между тем существует! Только вот хранит его особый секрет, замыкают особые чары, которые я мигом для вас отомкну, только бы дух немного перевести, а то ведь... — пожилой Маг огляделся, как показалось любопытному Барду — с тревогой.

— Отдыхай, добрый отец, — сказал старина Сид присев рядом с Магом, — Благо день выдался очень погожий, да и погони вроде как не слышно. Замешкались небось черти часовню палить, окаянные лешие, а ведь хороша-же часовенка была, как невеста нарядная!

— Только что и была, — вздохнул Маг, — А теперь вовсе, совсем даже нет.

— Кабы этот камень волшебный можно было в пропасть выкинуть — с глаз долой, из души вон, да и дело с концом! — мечтательно пробормотал Бард, поглядывая из-за края обрыва на мутную гладь пруда.

Исгарот тем временем встал и, аккуратно высчитывая шаги, подобрался к лежащим по левую руку от моста скалам. Поросшие мхом и лишайником тверди ничем отличительным не выдавались, но тут Маг воздел свой посох и, припав к скале, властно по ней постучал. Сначала было тихо, но минутой спустя камни внезапно отозвались глубоким рокотом, словно что-то внутри них пробудилось от вековечного сна. Дрогнули и протяжно загудели островерхие кряжи, Исгарот вновь занес посох для удара, с его губ сорвалось властное заклинание:

— Мечом Инноса всеразящим приказываю — отворись! — воскликнул Маг и скала, пуще прежнего зароптав, стала медленно отступать, открывая для путников зияющий тьмой потаенный проход.

— Вот она, наша дорога, — молвил Исгарот вступая в разверзшийся грот, — Теперь быстро за мной и смотрите под ноги!

Сид и Бард изумленно переглянулись, но молча последовали за магом. Ежеминутно спотыкаясь, в крошечной темноте путники осторожной ощупью переступали вдоль каменистой стены, но вскоре грот круто вильнул налево и внезапно оборвавшись, вывел путников на залитый солнцем отвес, от которого узкой лентой тянулась тропа — тайна дорога к реке. Правда двигаться по ней надлежало с крайней осторожностью: порядком потрепанная ветром и нередкими камнепадами, тропа эта бежала по самому краю пропасти, местами и вовсе обрываясь иссини-черными провалами. Тогда путникам (не без помощи Мага, который с препятствиями справляясь на удивление ловко, буквально порхая с камня на камень) приходилось цепляться за языки выступающих камней и, ухватываясь за посох Исгарота, перекидывать себя через обрывы.

Миновал полный час тяжелого спуска, прежде чем тропа соизволила расшириться и подошла достаточно низко к пруду, чтобы путники перестали бояться и зашагали быстрее, через четверть часа достигнув заросшего камышами устья реки, где и была припрятана искомая лодка. Внимательно осмотрев суденышко на следы древесного жучка и пробоин, старина Сид одобрительно кивнул — сплавляться можно смело и без опасений, благо кроме самой лодки целыми оказались и весла, а также длинный, почти в человеческий рост, отпорный багор. Поплевав на руки, путники принялись загружать лодку походным скарбом: Сид аккуратно укладывал тюки под сиденья, а Бард невесть откуда прикатил порожний бочонок, удобный для хранения питьевой воды. Уперевшись подбородком на посох, отец Исгарот раскурил пеньковую трубку и, внимательно всмотревшись в сторону Монастыря, выпустил пару замысловатых колечек дыма.

— Вот мы и собрались, отче! — сказал Сид, уложив последнюю сумку с провизией и закупорив бочонок. Удобно устроившийся на носу лодки Бард аккуратно нырнул рукой в воду, нащупал тонкий стебель кувшинки, и бережно поднеся цветок к лицу мечтательно запел. Солнце тем временем стало клониться к закату, вытянулись тени деревьев, над водой вспыхнули и золотистыми стаями зароились тучи речной мошкары.

— Нет, видимо я все-же опоздал, — буркнул Маг, точно разговаривая сам с собой. Трубка его успела остыть. Вытряхнув пепел на землю и устало взглянув на монастырский мост, он повернулся к спутникам:

— Как не спеши, а от судьбы не уйдешь — на все воля Божия! Боюсь, что наши пути тут расходятся, дети мои, по крайней мере на время.

Уронивши от неожиданности челюсть, старина Сид изумленно вытаращился на мага, Бард-же минуту назад любовавшийся кувшинкой, подпрыгнул так резко что чуть было не угодил в воду.

— На время, всего лишь время! — ворчливо молвил Маг, но тут-же смягчившись продолжил:

— Поймите-же, без крайней нужды я не стал бы вас покидать, но нужда эта есть. К моему великому сожалению, нам не вышло уйти от погони, да и перед врагом следы запутать тоже не удалось. Преследователь и ныне дышит в затылок, поэтому я должен — я обязан воротиться и дать ему самый грозный отпор, задержать хотя бы и по-всякому — но задержать! Ведь ежели они настигнут вас и заполучат артефакт то сбудутся самые страшные мои опасения — тогда уж ни я, ни кто-либо иной на этом острове не поможет, вот поэтому и необходимо отбить им вкус на погоню. Чем скорее камень окажется у Магов Воды, тем

лучше будет для всех — а там уж как Господь рассудит, тому и бывать. Так что не мешкая сплавляйтесь вниз до старой пристани, там схороните лодку где-нибудь и заночуйте на берегу поукромнее, без костров и громкой трепотни, я-же удачу на мосту испытал к завтрашнему утру буду ждать вас у старого плотбища, у пристани то бишь. Но, если не явлюсь до полудня, то ступайте дальше сами не теряя минуты. Оттоль уж дорога полегче и покороче будет, к концу дня вестимо разыщите узкий подступ к обиталищу Магов. А теперь в путь, в путь, да сохранит Иннос ваши души!

Прощание с Исгаротом затянулось минут на десять, Сид с Бардом попеременно уговаривали Мага плыть вместе с ними не рискуя жизнью в открытой борьбе с коварным Варантийским чародеем, от которого по словам Барда можно было ожидать любого низкого паскудства. Исгарот было заколебался но все-же настоял на своем и, одарив обоих похвалой за дружескую заботу, отправился в обратный, одинокой путь вверх по тропе.

Печально взглянув на уходящего Мага Сид оттолкнул лодку от берега и, понуро сгорбившись, уселся подле вёсел. Маленькое суденышко бесшумно заскользило по водяной глади. Река оказалась тихоней только с виду, увлекая лодку довольно быстрым течением, грести-же оказалось вовсе необязательно — знай только вёслами подруливай и держи ухо в остро. Сполучаса шли молча, тревожно поглядывая в сторону уходящего берега и висящего над отвесными скалами монастырского моста, но вскоре река взяла направо и, змеей извернувшись вокруг выросших из-под воды валунов, спешно погнала лодку на восток. Берег и высокий мост скрылись за поворотом, солнце неумолимо двигалось к закату, в воздухе повисла мошка и сделалось по вечернему душно. На остров надвигалась ночь.

Глава Десятая — Буря над Мостом

Прошло около часа покуда старый маг Исгарот, одолев обратный путь по коварной тропе и выйдя к скалистой ложбине, смог наконец-то передохнуть. Замкнув за спиною потаенный проход Исгарот выступил на мост, но не одолев и десяти шагов без сил привалился к прохладным каменным перилам. Солнце все еще припекало, зудели крыльями лесные инсекты, из лежащей под мостом сырой пропасти выклюбилось облако докучливого гнуса. Отложив в сторону посох и жадно припав к баклаге с водой, старый Исгарот вроде как перевел дух и даже немного отдохнул, но тревога от сердца и не думала отступать. Вглядываясь в бегущую вниз дорогу, Маг с минуты на минуту ожидал появления врага: вот-вот вдали должны замаячить темные фигуры, хищно залязгать ятаганы головорезов и рассыпаться алыми сполохами заклятия Варантийского колдуна. Но враг всё не показывался, словно затаившийся где-то в тени и замышляя неизвестное коварство. Разбитый тракт пустовал, старый Маг все никак не находил себе покоя всей душой ощущая присутствие некой довлеющей скверны, будто бы на округу опустилось невидимое глазу мрачное облако, до краев исполненное злонамеренной власти. Помешкав немного и худо-бедно успокоив сердце, Исгарот поднялся на ноги и беспокойно зашагал вниз, обратно к разбитому тракту; по бокам от каменных перил у самого оконцовья моста возвышались почерневшие от времени статуи древних рыцарей-паладинов. Вытесанные из алого камня исполинские воины правой рукой опирались на длинные мечи, левую-же высокого воздевали над головами гордо удерживая некогда позолоченные кубки. — Первые паладины, Инноса всеблагото Чашники! — взмолился шепотом отец Исгарот, — Даруйте-же мне храбрости дабы вынести ниспосланные pytania, дайте-же сил дабы лиха избегнуть и ношу тяжкую лица не уронивши выносить!

— Молитесь небось, праведный отче? — из-за спины Исгарота раздался скрипучий, наполненный наглым пересмешием голос. Вздвогнув от неожиданности и ухватив посох обеими руками, пожилой Маг обернулся: вальяжно подбоченившись со стороны Монастыря к нему вразвалку подходила облаченная в черные хламиды фигура, не изболчить в которой чернокнижника Барадара мог только полный незнакомец.

— Вострепещут бледные Миртанийцы за Нордмарского идола своего, а жрецы, радовавшиеся в нем, будут рыдать о пропавшей славе! — молвил Барадар, бесстыдно уставившись на опешившего Мага Огня. — Ужели не ожидал повстречать меня тут, почтеннейший служитель вечного пламени?

— Напротив, — процедил отец Исгарот стиснув посох холодеющими пальцами, — Как раз таки ожидал, тебя тут и дожидался, только думал что придешь ты с другой стороны.

— Блажен всяк смиренный кто милостыни ждет у порога, — захохотал Барадар, — Только боюсь не к тому ты порогу пришел, *ас-сайед!* Вот и подумал от незнания, что я с другой стороны появлюсь!

— Нет, не так, — молвил Исгарот строго, — Не так написано в Законе! Блажен не ждущий, а подающий: ибо сказано, что милостыня избавляет от смерти и не попускает сойти во тьму, ждать-же следует не милостыни а милости Божией — только в ней есть сила переступить любой порог, с какой-бы стороны он не лежал. Оттоль напрасно ты, Закона не зная, ломишься в ворота монастыря. Тот, кто с чёрным сердцем к горе ступает, низвергнут будет с горы!

— Напротив, о ученейший среди ученых, — сказал Барадар и лицо его расплылось в елейной ухмылке, — Тот, кто извека для очей людских незаметный ступает в тени — перед тем и горы расступятся, и всяка откроется дверь! Да и к чему бы мне ломиться в ворота, коль скоро твои собратья — великомудрые, ученые слепцы сами отворили их для меня? Его Преподобие, досточтимый настоятель Серпентес учтиво пригласил меня отобедать, там-то мы с ним и обсудили некоторые очень важные вещи...

— Настоятель Серпентес? — гневно перебил Исгарот, — Не смей лгать! Преподобный отец Пирокар, да умножит Иннос годы его, он — единственный подлинный предводитель и настоятель обители Господней на этом острове. Что до Серпентеса, то перед ним стоит Магистр Ультар, рукоположенный самим Пирокаром на будущее верховодство. Так что ложь твоя коротка, тёмный странник, и не умалит благомыслия державных. Убойся-же их гнева и отступи!

— Пирокар мертв! — злобно прошипел Барадар, но сразу-же смерил себя наигранной милостью, — Но впрочем, негоже скромному монаху вроде тебя совать нос в заботы вышестоящих. Тем более что совсем скоро перед тобой появятся тяжелые заботы, от которых отвертеться будет не так уж и просто, хотя... — перебил сам себя Барадар, преисполнившись снисходительной важности, — Хотя сегодня я склонен чувствовать себя щедрым. Слушай-же, слабосильный кудесник: если по собственной воле послужишь мне и укажешь на вещь, которую ищущ, то соизволю так уж и быть даровать тебе свободу, добром помилую и отпущу — вот мое слово! Подумай, прежде чем неблагодарно лаять в ответ: время твое ушло, старый Маг! Ты немощен и сед, а твоя вера не стоит и того пустого ветра, что поднимают твои ссохшиеся от бесконечных молитв губы. А ведь нагл будет тот народ что не пощадит старца и не уважит седин его — так что, старец, поведай о вожделенном мною предмете, раскрой, где тот мерзкий вор что вместе с рабом моим порочным умыкнул мою вещь и будешь прощен, вознаграждён мерой золота, и на все четыре стороны отпущен — так я клянусь, а мое слово многого стоит!

— Как орёл налетит народ наглый, который не уважит старца и не пощадит юноши, — горько молвил отец Исгарот, — И будет он есть плод скота твоего и плод земли твоей, доколе не разорит тебя! И будет теснить тебя во всех жилищах твоих, доколе во всей земле не разрушит стен, на которые ты надеешься. Вот явился и ты — первый из многих посланников Белиара, и вкрался коварством как аспид в чертоги святой обители на которую досель не смела падать даже и тень зла. Но напрасно трудишься, напрасно ты напрягаешь члены свои и разум, ибо все твои труды иссохнут как только коснется их Длань Карающая, искомый-же предмет тебе не разыскать — он сокрыт, и останется сокрытым во веки веков, так что забудь о нем и убирайся прочь, обратно во тьму. Ты — служитель плутовского бога, покровителя воров и теней, лживого Белиара раболепный наперник — пошел прочь, убирайся, уходи в места пустынные и молись!

— Жалкий раб, отродье, охвостье собачье! — возопил взбесившийся Барадар и со всех ног бросился на старого Мага, — Рабом моим станешь, на веревке с ошейником тебя к Хозяину поташу!

— Убирайся! — взмахнув посохом Исгарот, с губ его сорвалось заклинание огня. Рассыпавшись искрами, навершие посоха воспламенилось и сошедший с него огненный шар с гулом полетел в сторону чернокнижника. По-змеиному спружинив, Барадар увернулся и в два длинных прыжка отпрянул назад, спешно подбирая опалённые края своих длинных хламид. Глаза его налились кровью и хищно сощурились. Одним ловким движением он

сбросил с правой руки замшевую перчатку и, ощерив зубы в свирепом оскале, выбросил перед собой оголенную руку. На указательном пальце его правой руки которая больше походила на длинную, когтистую лапу дикого зверя, виднелось неприметное колечко с оправой, сработанное из помутневшего от времени серебра. Но пытливый взгляд отца Исгарота мигом приковался к выступающему из-за оправы камню: то был совсем маленький кристалл, не больше половины мизинца, но иссини-черная его поверхность казалось пугающе бездонной, жадно поглощая каждый всполох заходящего солнца.

— Прочь, твои козни бессильны перед небесным пламенем, отродье Белиара! — воскликнул Исгарот и, вновь замахнувшись посохом, послал в сторону Барадара второй огненный шар. С гулким шуршанием и кипятя вокруг себя воздух, шар сверкнул над полотнищем моста и было разбился о тонкую фигуру чернокнижника, но тут из камня на его кольце выklubились длинные пряди чёрного дыма и, овившись вокруг шара, поглотили его без следа. Из глотки Барадара вырвался клокочущий смех победителя:

— Несчастный дурак, хуже смерти ждет тебя участь, — сказал он, воспаряя над мостом. — Не утруждай себя заклятиями против Бога теней, ибо магия Солнца бессильна перед моим подлинным владыкой! Из камня на кольце чародея поползли огромные клубы дыма, окутывая его завесой непроницаемой тьмы. Грозной тучей навис Барадар над ссутулившимся Исгаротом. Старый маг, в потрепанной временем мантии и с закомлистым посохом в руках, казался теперь ничтожно малым и померкшим, словно убоявшись чёрного облака.

— Иннос! — воскликнул Исгарот ударив по облаку сизой молнией, но только искры прыснули в разные стороны, тьма-же не отступилась. Сгущаясь пуще прежнего, чёрная хмарь окольцовывала Мага Огня, уже к его посоху потянулись первые змееподобные ленты дыма, из-за мрачной завесы гудел злорадный голос Барадара: — Несчастный, хуже смерти ждет тебя участь!

Припав на колени, Исгарот выставил посох перед собой упирая его конец в полотнище моста. — И свет во тьме светит, и тьма не объяла его! — повторял он словно скороговорку древнее заклинание огня. Содрогнувшись, суковатый посох ослепительно вспыхнул, мост под ним заходил будто разбитый внезапной судорогой, среди сгустившейся непроницаемо тьмы внезапно вспыхнул огромный светильник и, расширившись над Магом Огня, озарил округу всполохом яркого света. Гадко зашипели съезжившись дымные змеи, чёрное облако Барадара подернуло незнамо откуда налетевшим вихрем, оно стало расползаться на крупные, лохматые нити и задалось чешуйчатой рябью. Было проглянуло солнце и показалось, что вот-вот Барадаровы чары будут наконец сломлены, но чернокнижник не мешкая собрался с силами и, процедив сквозь зубы короткое проклятие, пуще прежнего искривился в хищном оскале. Вновь сгустилась чёрная туча и, навалившись на светильник Мага с утроенной силой, страшно побагровела. Опустив веки старый Исгарот стал нашептывать молитву, всеми силами удерживая норовящий выскользнуть из рук посох.

И так они боролись — столкнувшись над пропастью твердыни. Несколько раз ярился пожаром светильник, пронзая вспышками белых лучшей налетающую тьму, и столько-же раз багровела страшная туча, всползая змеистым дымом и наваливаясь на Исгарота с чудовищной силой. Тяжело приходилось старому магу: хоть он черпал силу в молитве и, раз за разом повторяя имя Господне, наливался благодатным могуществом, но тем не менее ощущал, что с каждым новым ударом тьмы облако крало сил все больше и больше, ровно как в тот раз в саду при Часовне, когда он вздумал тягаться с таинственным черным камнем.

— Помоги мне, Иннос! — отчаянно вскрикнул Маг, чувствуя что силы его покидают. Ярko вспыхнул светильник вновь разгоняя завесу, парящий в воздухе чернокнижник было пошатнулся и рухнул на мост, но тут не выдержал магический посох и, предательски выскользнув из слабеющих рук Искарота, мигом рассыпался на тысячу тлеющих щеп. Раскрывшийся комок белого света погас и на старого Мага лавиной обрушилась тьма.

— Несчастный, хуже смерти ждет тебя участь, — услышал он голос Барадара, теперь уж не гулкий как прежде, но гнетущий холодным спокойствием, триумфом укрепившегося победителя.

Искарот ничего не ответил. Он лишь беспомощно содрогнулся, ощутив как тьма сомкнулась над ним, по щекам покатались холодные слезы. Съежившись беспомощным комком на мерзлом полотнище моста, он в последний раз повторил живительные слова молитвы и умолк. Хищная тишина окутала округу. Под злонравный шелест дымных змей и угасающее дыхание Мага, воспаривший пуще прежнего чернокнижник ликовал: — Несчастный, — повторял он, — познай-же Бездну, щедрый дар Хозяина моего, где будут прозябать опоры души твоей, где будет ей суждено страдать до кончины века!

Но тут над Монастырским долом разнесся чей-то громopodobный голос:

— Так будет при кончине века: изыдут Вестники, и отделят злых из среды праведных, и свергнут их в печь огненную: там будет плач и скрежет зубов!

Вместе с появившимся из ниоткуда голосом на монастырский мост обрушился вихрь, свирепыми порывами вспарывая чёрную тучу. Отец Искарот зажмурился и в страхе припал к мосту. Он не знал что и думать, но к изумлению сердце его стало наполняться необъяснимой радостью и надеждой. — Слава тебе Иннос-владыка, слава тебе пресвятой Господи! — закричал старый Маг, воздевая распростертые руки к небесам. Вихрь-же все выл, грозно ярьась и разбиваясь об окрестные скалы, чёрное облако Барадара вконец изодрало на нити высоко закружив над монастырским разлогом, самого-же чернокнижника и вовсе не было видно: обратившись в мглистую летучую мышь, он прорвался сквозь ветер и устремился на север, оглушая лесные макушки и скалы трусливыми воплями.

Тем временем налетевшая незнамо откуда буря стала утихать. Отец Искарот почувствовал что на небосвод вновь вернулось солнце, воздух потеплел и наполнился чудесным благоуханием. Старый Маг все еще ничком лежал на мосту, на душе его было спокойно, но из благоговейного трепета перед свершившимся чудом он не решался поднимать лицо, лишь только повторяя про себя славу Господню.

— Ну-же, сын мой, вставай! Чего ты лежишь? — обратился к нему по-отечески мягкий, утешающий голос.

— Ужели это ты, отец Небесный, Иннос-Владыка? — с трепетом воскликнул Искарот, все еще не смея подняться.

— Нет, всего лишь скромный его слуга — последний из рабов Божьих, — весело ответил голос. Тогда Искарот приподнялся и, выпрямив взор, чуть было не расплакался от радости: в золотистой мгле и россыпях заходящего солнца перед ним стоял сам настоятель — великий магистр Пирокар.

— Отче, преподобный отче! — Искарот бросился целовать колени своего старого наставника, но тот мигом подхватил его под локти и, благословив, поднял на ноги.

— Учитель мой Пирокар, — сказал Искарот все еще приходя в себя от потрясения, — Так значит вы живы! А монастырь, тогда...

— Все живы, да и монастырь как и впрямь стоит на своем месте, — ответил с улыбкой

Пирокар, — Нашу древнюю твердыню не так-то уж просто потревожить. Но пойдём-же! Сражение с чернокнижником порядком тебя потрепало, мастер Неорас должен позаботиться о твоих ранах. А ведь медлить нам нисколько нельзя, каждая минута стоит дороже всех сокровищ Миртаны. Мы пока-что на шаг опережаем врага, но шаг этот короток и стоит нам немного замешкаться, завозиться под стать нашей старой привычке, как враг мигом нагонит нас и тогда... Тогда будет потеряным абсолютно все, и завеса тьмы опустится на мироздание. Но полно, — перебил сам себя Пирокар, — Прежде забот ты должен восстановить силы, идем! Битва выиграна, но впереди грядет война.

Глава Одиннадцатая — Братство Огня

Только переступив гостеприимный порог Монастыря, отец Исгарот ощутил себя полностью здоровым, словно вовсе не и случилось с ним опаснейшее состязание с чернокнижником на мосту. Древняя обитель Магов огня, путь и побитая неумолимым временем, все еще являлась последним утешающим домом на Хоринисе, куда всяк забредший мог найти себе пригожий угол. Сам Исгарот последние годы Монастыря несколько сторонился, ибо доносящиеся до него кривотолки о упадочности общинных порядков вселяли неуверенность в душу, теперь-же глядя на покойный и по-домашнему улежный быт братства, он и сам упокоился сердцем. Очевидно, все рассказы про падение монастыря являлись злым промыслом недругов. Исгарот укорил себя за маловерие и с тревогой подумал, верно-ли было отправлять таинственный артефакт к Магам Воды, в столь непростой и опасный путь. Потягивая живительную микстуру мастера Неораса, он взирал на разгорающиеся под небосводом звезды, стараясь мысленно разыскать своих давнишних спутников, но безуспешно. Время в Монастыре словно застыло, невзгоды грядущего и бурные беспокойства внешнего мира от живущих в общине братьев отгораживали высокие защитные стены.

Вдоль засаженной кипарисом аллеи закрипела телега, это многотруженные послушники катили летний урожай раннего винограда, из которого готовилось известное всем Монастырское вино. Где-то вдали, на высокогорных плато за Монастырем заблеяли овцы, послышался веселый пересвист спускающихся вниз чабанов; за пределами внутренних стен отделяющих обители ученых братьев и главный храм от бытовых построек, гудели и клубились кислыми парами огромные сыроварни. Тут, меж праведными трудами и молитвами, всяким овладевало светлое чувство уверенности, исчезал страх, уходили болезни, забывалась причиненная в миру несправедливость и невзгода. Денно и ночью трудились братья, в поте лица добывая свой хлеб, но труды эти только приносили радость, каждый день утешая сердце трудящихся, ибо были неотделимы от них и оставались с ними навсегда. Повечерию, выходя из молитвенного зала, братья свободно созерцали свой труд: все что стояло на земле, все что плодоносило и размножилось — и виноградники, и широкие огороды с садами, и заросшие сочной травой подолья гор где днесь паслись овцы, и стройные станы часовен, и кельи, и богатые убранством базилики, все это добро было неделимо общим. Согласно порядкам Монастырской общины, сам Верховный Магистр Пирокар не мог претендовать на большее чем скромный послушник, и ровно как послушник добывал преданность и любовь братства своим непокладаемым трудом. По крайней мере таков был Закон. Было вспоминая давно ушедшие годы послушничества, Исгарот не раз говаривал что в те времена Закон неукоснительно исполнялся.

Но как-же с этим сейчас? Что имел ввиду Пирокар, говоря о грядущей войне? Ужели за всей этой смутой лежит тяжелый рок провидения, или наоборот — вырвавшаяся из бездны темная сила, способная смертельно поразить даже привычный Монастырский уклад? Сердце Исгарота терзалось вопросами не смотря на сысканное среди Монастырских стен временное успокоение.

В часовне меж тем ударили в малые колокола, возвещая братьям о начале всенощной службы. Исгарот встал со скамьи и было направился в сторону молитвенных залов, но тут к нему засеменял молодой послушник и, учтиво поклонившись, тихо прошептал свой наказ:

Магистры и сам Преподобный ожидали Исгарота в Библиотеке. Поблагодарив послушника и благословив его ко всенощной, Исгарот заспешил и минутой спустя пересек порог главной залы величественного Монастырского книгохранилища. Вдоль длинного мраморного стола, который еще называли Совещательным, восседали представители Высшего Круга: великомудрый настоятель Пирокар во главе стола; магистр Серпентес слывший коварным о правую руку; восседал о левую руку магистр Ультар, праведный и добрый, водивший давнюю дружбу с Магами Воды; рядом с ним сидел магистр Таламон прозванный суровым: бывший Миртанийски воевода принявший постриг два с лишним десятка лет тому назад, но служивых привычек так и не утративший; кроме Магистров Высшего Круга в зале присутствовало двое Магов рангом пониже: мастера Каррас и Хиглас, известные глубочайшими познаниями в книжном деле и славные искусством начертания рун. Устроившись по краям стола и наостривши писчие перья, младшие братья изготовились вести запись совета.

Двери за отцом Исгаротом затворились сами собой. Подойдя к Совещательному столу, он глубоко поклонился и припав на одно колено, испросил благословения собравшихся. Со своего высокого сидения встал мудрый Пирокар и, взмахнув настоятельским скипетром, осенил Исгарота символом Инноса. Остальные магистры кивнули в знак согласия и, повторив молитвенные слова благословения, велели Исгароту занять свободное место напротив них.

— Братья мои во благе Господнем, м заговорил настоятель Пирокар, — Сё совещание, от года основания обители сто двадцать седьмое, властью своею от Бога дарованной и всеблагим доверием братства скрепленной, засим объявляю открытым! Говорить первым избираю смиренного брата нашего Исгарота, коли на то есть воля собравшихся. Молвите «да», коли так. — по залу эхом пронесся гулкой голос согласия.

— Почтенный всеобщим согласием брат наш Исгарот, — продолжил Пирокар, — Поведай-же нам что с тобою стряслось во греховном внешнем мире, какие постигли злоключения, какая нужда заставила покинуть придорожную Часовню и столкнуться с опасным недругом? Недруг тот — клевет-ли али министр надвигающегося на остров великого зла? Правдой поведай как было и помни: перед владыкой нашим Инносом всякая тайна становится явной, от брата-же истину утаивший не допущен будет в царство небесное!

— То и то сделает с тобою Бог, — громко вторили заклятие собравшиеся Маги, — И еще больше сделает, если ты утаишь от Меня что-либо из всего того, что сказано Тебе!

Клятвенно ответствуя поведать только лишь истину, отец Исгарот во всех важных деталях рассказал о таинственном чёрном артефакте, о колдуне Барадаре, о двоих беглецах что приютил давеча в Часовне а потом отправил искать Магов Воды, как довел секретной тропой через скалы до и было поплыл с ними, но чувствуя сердцем беду воротился к мосту и, нарвавшись на чернокнижника, сошелся с ним в страшном поединке.

— Братья мои, — воскликнул Исгарот закончив свой рассказ, — Если бы не сошествие с небес благодати Господней, проводником которой явился Преподобнейший наш Настоятель, то не довелось бы мне стоять перед вами и растолковывать тревожные эти события. Но ужели чернокнижник меня сокрушивший, готовый ввергнуть мою бессмертную душу в неизвестную темную бездну, и вправду возвращался из нашего монастыря, досель тут бывавши?

— Благодаря стараниям магистра Серпентеса нам удалось немного приоткрыть планы врага, — ответил ему Пирокар. — Конечно, враг раскрыл нам далеко не все свои планы, но

даже малая толика знаний отодвинула тревожащую нас всех тьму неведения. Враг силен и коварство его нынче не знает предела, но уверившись в своих силах — а, точнее, уверившись в нашем общем слабосилии, врага обуяла гордыня! Напитавшись её дурманящих соков, враг на минуту потерял привычную бдительность и этим самым позволил нам украдкой взглянуть на хитросплетение его козней. Известно, что всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, а всякий город или дом, разделившийся сам в себе, во век не устоит. Магистр Серпентес смог уверить врага в том, что обитель наша раздроблена, что настоятель её и пастырь — безвременно усоп, что братья ощущают на себе ход неумолимых времен и, чувствуя наступление неминуемого рока, с радостью отступятся от древней твердыни своей, презреют законы Бога и, коли кто их попросит с властной но учливой настойчивостью, то тотчас присягнут тому на веру. Услышавши, что мы готовы безропотно отдаться новому повелителю враг счастливо взалкал и... Но впрочем, будет лучше если сам магистр Серпентес поведает о своей недавней аудиенции.

— Благодарю, Преподобнейший Мастер, — взял слово Серпентес. Голос его, в отличии глубокой и размеренной речи Пирокара, звучал высоко и прерывисто, оставляя за собой впечатление пораженного внутренним сомнением человека и от этого слабого, малодушного. Но горе тому, кто купившись на видимую колеблемость магистра Серпентеса, решил бы, сосчитав его по-настоящему слабым, им снисходительно пренебречь. Предпочитая действовать скрытно, умудренный годами Магистр жалил врагов не хуже пустынного скорпиона, будучи-же выходцем из восточных земель, людей Варанта он знал лучше прежних, засим и решил состязаться с хитроумным Барадаром в коварстве.

— По правде говоря, — продолжил меж тем Серпентес, — Слухи о том, что с общиной нашей творятся скверные дела я распускал исподволь давно, уповая на то, что враг рано или поздно на эти слухи польстившись, в итоге клюнет на них и — и как глупую рыбу, я его мигом из омута выну! Так оно и получилось, но — но право сказать, до того упорным и недоверчивым оказался сей скверный колдунишка, что каждое слово из него приходилось вытягивать чуть-ли не багром, как иные рыбаки тянут из речной ямы старого сома. Помог мне в этом деле непредвиденный, впрочем, случай: не озлись колдун на брата нашего Исгарота за то, что тот скрыл у себя беглецов с вожделенным ему артефактом, то злодей этот к нам бы и вовсе не нагрязнул. Но вот поди ж ты: подрубили гадючине хвост, так она и заёрзала! Таким образом я и выведал у колдуна целый ворох подробностей: полчище врага хлынет на наш остров совсем уже скоро, по расчётам чернокнижника орочий флот должен был поспевать следом, не позднее четырех дней, самое большое — недели. Армада эта воистину огромная, паладинам нашим не смотря на всю их отвагу, её никак — никак в одни руки не остановить. Орки ударят по городу и, взяв его приступом, тотчас выступят на Миненталь дабы там соединиться с осаждающими старую крепость сородичами, сомкнув-же силы бросятся поглощать те остатки Хориниса, что каким-нибудь чудом уберегутся от первой атаки. Под этим остатками я в первую очередь подразумеваю Онаровы пажити и гнездящихся там наемников опального генерала Ли. Чудовищно, да. И вдобавок очень-очень скверно — но вряд ли кто-либо из нас не подозревал, ну или хотя-бы не представлял себе неизбежную будущность этих картин. Так что на самом деле данные сведенья не так уж и для нас важны.

— Нашествие орков на остров — не важно?! — прогремел магистр Таламон, воинская кровь в его жилах вскипела.

— Напротив, напротив брат мой, — умиротворяюще проговорил Серпентес, — Я лишь

хотел добавить недостающую деталь — рассказ о том, что что есть и другие, на мой взгляд более тревожные вести!

— Ну?! — гневно отрезал магистр Таламон.

— У врага, с которым мне нынче довелось побеседовать, оказывается есть новый хозяин! — воскликнул Серпентес и, удостоверившись что собравшиеся маги все как один изумленно зароптали, вернулся к своему сидению с довольной улыбкой.

— Новый хозяин? — молвил магистр Ультар, «но разве чернокнижники Варанта не служат Белиару, своему старому и извечному повелителю?»

— Служат, как нет, — ответил Серпентес, — Всем известно что служат, но — но, очевидно, этот колдун предпочел служить другому. Увы, многого выведать не удалось, уж слишком скрытен оказался чернокнижник и скуп на самое малое слово, особенно когда речь заходила о его новом владыке. Лишь только вскользь он посмел помянуть хозяйское имя, когда клялся мне что сдавшихся подобру-поздорову Магов Огня подопечные ему орки трогать не станут, так как «извечные дрязги со служителями Инноса наконец-то забыты, ибо прислуживаем мы больше не Белиару — вечному врагу бога Солнца, а наоборот — состоим в великодушном услужении у нового Великого Владыки, у мудреца прозываемого среди нас Некромантом.

— Знакомо мне это прозвищ, — буркнул под нос преподобный Пирокар, — Знать-бы только тот-ли это Некромант, или кто другой решил наречь себя этим проклятым именем.

— Воистину, трудно угадать, — согласился Серпентес расслышав слова настоятеля, — Да и в моих изысканиях это имя встречалось не раз. Разрозненные сведения о таинственном Некроманте прибывали ко мне из совершенно разных, порознь лежащих уголков королевства — от Венгарда и престольных земель, до мрачных рудников проклятого Миненталя! Где это прозвище только не звучало... Порой мне даже казалось, что Некромант этот на самом деле не один, что персона его многолика и образует некую тайную организацию, секретный круг заговорщиков или какой-то тёмный орден. Иначе-же как одному человеку, пусть даже крайне могучему, вырвется сразу среди всех земель королевства? Но, на всеобщую нашу беду, следов организации я не нашел, да и последок самого Некроманта третьегодни спутался и вконец остыл, засим отбросил я данное изыскание и не вернулся бы к нему кабы не эта встреча с колдуном Барадаром. Вот уж теперь не приходится сомневаться, что Некромант этот вовсе не одинок, что обладает он весьма грозными силами коль скоро ему безропотно подчинились орки вместе с чернокнижниками Мора Сул. Значит все-же есть организация, все-же существует тайный круг, который мы всем нашим могучим орденом проворонили, а теперь и помыслить не можем с чего начинать поиски!

— Откуда мы знаем, что чернокнижник этот не лжет? — задумчиво спросил Ультар. — Разве трудно вообразить что сказ о Некроманте — очередная злоехидная выдумка призванная отвлечь наше внимание и разрознить наши и без того разрозненные силы? Вот бросимся мы очертя голову на поиски нового врага, на разоблачение его новых пут и тенет, а старый недруг меж тем, всем известный и оставшийся таким образом без надзора, хохоча развяжет себе руки и безо всякой борьбы переступит наш порог. Желая врага надурить сами себе голову надурим и в открытую западню как слепцы попадемся!

— Верно говорит брат Ультар, — нахмурившись вторил магистр Таламон. — Меня лично куда больше волнуют орки, нежели какой-то там Некромант. Да и отказываюсь верить что у наших извечных врагов появился некий новый хозяин! Вестимо же, что у церкви Инноса испокон веков существует один только враг: Белиар, повелитель теней, и орды его

чёрных приспешников. С ними-же и следует в первую очередь поквитаться. Некромант — разрази его грома, хороша-же выдумка! Небось какой-нибудь Варантийский проходимец, ярмарочный шарлатан и пригудник возомнивший себя очередным повелителем тьмы!

— А как-же таинственный артефакт? — недовольно возразил магистр Серпентес. — Ведь за ним рыщет колдун Барадар и из-за него же он и обрушился на брата Исгарота с досель неведомой нами чёрной магией! Возблагодарим-же Господа за то, что Преподобнейший Пирокар смог вмешаться за нашего брата в самую темную, обещающую стать последней секунду, но что будет когда схожая беда нависнет над всем островом? А ведь колдун проговорился что разыскивает некую «вещицу» — один малый, с его слов «незначительный дар», изготовленный самим Некромантом специально для жителей Хориниса! И заставил бы он принять людей этот «дар», не стрясись с ним сквернейшая задача: «дар» умыкнули «гнусные воры», а их приютил некий «придорожный расстрига, беглый инок Магов Огня» дерзко укрывающий грабителей в своей ставшей «бандитским притоном» часовне.

— Это так он изволил меня величать? — скривившись в невольной улыбке, спросил отец Исгарот.

— Пустынный аспид питает к тебе темнейшие чувства, — ответил магистр Серпентес с еле слышимой усмешкой, — И очень желает с тобой поквитаться, да вот неудача за неудачей! Впрочем, надеюсь что он и впредь будет оставлен в дураках, тем паче что аспид этот нынче пожелал-бы поквитаться и со мной.

— Я искренне сочувствую беде брата Исгарота, — молвит магистр Таламон, — Видит Господь, на его судьбу выпало нелегкое испытание, тягаться со столь опасным врагом. Но тем не менее брат Исгарот поступил неразумно, отправив артефакт вместе с двумя слабосильными незнакомцами к Магам Воды. Справятся-ли эти двое со столь вожделенной врагом ношей, преодолеют ли все опасности пути? Было бы лучше принести артефакт в Монастырь, особенно если он является оружием врага, тайного-ли или явного. Вот уж точно сыскался бы среди наших стен способ обратить оружие против хозяев!

— Наоборот, — возразил Ультар, — Я согласен с суждением нашего младшего брата. Нести такую страшную вещь в Монастырь — значит приковывать к нашей общине всё вражеское внимание, глаза всех его зримых и незримых слуг. Магам-же Воды я всецело доверяю: если и кто сможет проникнуть в суть этого тайного предмета, это они: закаленные долгими злоключениями в проклятой Долине Рудников, искушенные в древних знаниях неведомых нам затерянных земель и, будучи служителями Бога Равновесия, вовек не горячие до скорого суда.

Сразу-же после слов магистра Ультара вспыхнула и тотчас разгорелась бурная перепалка. Магистр Таламон грозно настаивал что артефакт необходимо вверить паладинам, что умеют управляться с магическим оружием; отринувший на время привычную неуверенность магистр Серпентес вторил мнению Таламона, но с его мыслью о рыцарях-паладинах не соглашался, считая что и у самих отцов монастыря хватит мудрости обуздать артефакт а при нужде направить его на военное дело; разгорячившийся Ультар клеймил обоих опрометчивостью, особенно ополчившись против Серпентеса: — не с Барадаром надобно было лясы точить и выслушивать пустые бредни про Некроманта а наоборот, держать врага подальше от монастырских стен а самому спешить к Магам Воды за советом!

Посреди рокочущего перебранного гвалта молчаливо восседал Верховный Магистр Пирокар, облокотив ладонями отяжелевшую от шума голову. Безотрадно склонилось и трое

младших Магов — обычно словоохотливые Искарот, Хиглас, и Каррас, лишь изредка поглядывая на ушедшего в раздумья Верховного Магистра. В своем безмолвном отстранении Пирокар казался совсем незначительным и слабым, словно являлся вовсе не предводителем общины, а изжившим свое время ветхим дигнитарем, которого к общему совету если и приглашали, то разве что из-за памяти о былых свершениях и заслугах. Отцу Исгароту хотелось вскочить из-за стола и угомонить галдящее собрание крепкой монастырской розгой. Словно угадав мысли пожилого Мага, магистр Пирокар грозно возвысился над спорщиками и, воздев над собой настоятельский скипетр, озарил мрачные чертоги книгохранилища ослепляющим всполохом света. По залу разнесся властный гул волшебного пламени, робко затрепетали и потухли языки медных светильников, следом-же воцарилась накатившаяся из ниоткуда гробовая тишина.

— Вот он — наш истинный лик! — запальчиво воскликнул Пирокар. — Дом, разделившийся сам в себе, не устоит! И, похоже, не такой уж и мнимой является наша раздробленность, не такой уж и нарочитой как давеча настаивал уважаемый брат Серпентес. Во что превратилась наша обитель?! Да и не только обитель, а церковь Инноса в целом! Ушедши в себя и затворившись от внешнего мира нас стали терзать постоянные споры, склоки, холерные распри, то и дело пожаром распалющиеся из тленных мелочей! Возвысившись над мирским, презрительно отвернувшись от земного, перепоручив дело духовного воспитания лже-пастырям и невежественным огорожим кутейникам мы покинули наше стадо, бросили родную паству, и оставили людей прозябать в безутешной заброшенности. Оставили их в воздухе висеть без надежды, а сами тут восседаем — жестокие привратники благодетели! А ведь раньше двери храма Господнего были отвернуты для каждого и ни один проклятый привратник не смел требовать мзды. Нынче-же монастырь торгует спасением, меняя человеческие души на овец и золото; горе-же такому спасению, братья мои! Есть во всем этом и моя тяжелая вина: как предводитель я должен был не только о мудрости тревожиться, но и не упускать из вида закона естественного. Кто из вас помнит этот закон? Боюсь что никто, раз уж даже я, ваш духовный отец, запомнил о нем. А меж тем закон этот гласит: всяк подорвавший в человеке веру, всяк доброго прихожанина от церкви отвернувший будет наречен убийцей! Ибо, мертвя веру в Бога тем-же самым мертвишь веру в бессмертие, а следом и живую силу — естественное человеческое желание продолжать жить. А ведь человеку, добрые мои братья, принадлежит юдоль земная, равно как ему-же и завещано Царствие Небесное! Вот тогда и восторжествует зло, тогда и справит пир наш извечный враг, когда человек вконец отринет церковь, отучится от благодетели и сам начнет плодить и множить грех, без чьей либо сторонней помощи. То будет царство врага, когда руками человека сделается все позволено! Так что полноте, хватит. Сегодня-же я покончу с этим срамным затворничеством нашей общины, с сегодняшнего дня церковь Инноса на Хоринисе воедино сплетается с судьбою людей и не покинет их покуда есть в ней Благодетель Божия. Слушайте-же меня и внемлите моему наказу!

Восседающие за столом магистры в благоговейном трепете склонили головы и, воздев руки к небесам, восславили Господа за мудрое наставничество Пирокара.

— Повелевай, милостивый пастырь, и наказание твое будет исполнено! — хором молвили Маги. Пирокар-же с доброй улыбкой простер над ними свой скипетр и осенил собрание благословляющим символом Инноса.

— Слушайте меня: как уже было сказано, мы опережаем врага всего на один только шаг и было бы крайне опрометчивым переоценивать ширину этого шага. Стоит нам только

оступиться, споткнуться по неосторожности, или ненароком свернуть не туда, то он тотчас нагонит нас и тогда победа зла станет неизбежной. Поэтому нам следует действовать дерзновенно, но вместе с тем не пренебрегать осторожностью, ни на минуту не упуская из вида путеводную мудрость Господа. На нашу долю выпадает разрешение двух главных бед: нашествия орков и секретных помыслов врага. Что до орков, то сказывается мне — час уже пробил! Оглядывая мысленным взором прибрежные воды, я слышу грохот черных парусов, плескание вёсел, крики погонщиков, и злой лязг вороненных ятаганов. Вторит-же этому скверному шуму бравый клич защитников города, а на горизонте разгораются первые страшные всполохи грядущей бури. Война вплотную подошла к Хоринису! Но одним рыцарям-паладинам и стражникам её не сдержать, неполные хоругви и слабые знамена ожидает неминуемая гибель. Засим, сейчас как ниогда настало время закопать старые дразги и слить силы ратных мужей воедино: добрый брат Таламон, ты — старый воевода и лучше прочих тебе открываются благородные души солдат! Отправляйся-же не мешкая к пажитям Онара где обретается некогда покрытый славой многоопытный генерал. Иди к нему и убеди его отвернуться от старых обид, из-за которых огромное наемниче войско до сих пор цепляется с королевскими знаменами, не желая соединять с ними силы. Укрепи его сердце верой в Инноса и растолкуй не таясь, что бездействие перед грядущей гибелью города губительно для него самого: число врага не поддается счету, пользуясь-же раздором среди людей он сначала задушит мнимого недруга наемников, а потом поспешит добивать их самих. Лучше тебя, брат Таламон, нет человека для этой задачи, и коли согласен ты принять её из рук своего предводителя, то прими с благословением и поспеши!

— Воля твоя будет исполнена, Преподобнейший мастер! — Таламон глубоко поклонился и припал к деснице Пирокара, тот осенил его символом Инноса и благословил.

— Младший брат Хиглас, приблизься, — скомандовал Пирокар, — Ибо для тебя тоже есть задача. Слушай и, буде на то твоя воля, прими её вместе с моим благословением.

— Преподобный отче, командуй! — сказал, припав на колени маг Хиглас.

— Как и отцу Таламону, тебе тоже надо спешить и боюсь, что попадешь ты в самое сердце пожара: бьющемся с орками городу необходима помощь мудрых! Возьми с собой тех магов и послушников, что возжелают присоединиться к столь опасному походу, и не мешкая ступай в Хоринис. Там разыщи молодого лорда-командующего по имени Андре, благослови его от моего имени, и передай следующее: королевское войско ни к в коем случае не должно, жертвуя всеобщим благом, запереть себя в западне и сгубить свои ряды в неравной битве. Коли город не удержать, то отступайте к пажитям Онара, соединяйтесь с генералом Ли и не страшитесь холодного приема наемников — церковь Инноса позаботится о том, чтобы её святым рыцарям и поборникам был оказан достойный братства людского прием. Вот, возьми мой перстень в качестве ручательства и вручи его лорду Андре, дабы почтенный паладин знал, что Церковь Инноса более не дремлет, а проснувшись вышла на войну!

Приняв благословение, отец Хиглас тотчас покинул Библиотеку дабы подготовиться к походу, настоятель Пирокар тем временем продолжил распределять задания: магистра Ультара он направил на поиски Магов Воды, велел скорейшим образом найти верховного мага Ватраса и, поведав ему все известное о таинственном артефакте и Варантийском чародее, всецело довериться мудрости служителей Аданоса: — Поступай сообразно их разумению, ибо детям Аданоса чаще всего раскрываются сокрытые от прочих тайны. Уповая на всеблагую рассудительность и равновесие своего бога они не спешат, поэтому и вникают в суть вещей лучше других искушенных: то, что для торопливого неотмыкаемо всегда

отомкнет спокойно обдумчивый! В помощники возьми брата Карраса, но достигнув устья реки отпусти его на поиск тех двоих беглецов, над которыми днесь сгущаются тучи погони. Брат Каррас — твое дело уследить за путём артефакта, не допустив его падения в темные руки: коль скоро разыщешь беглецов то спешно проводи их к Магам Воды, коли нет — продолжи осторожные поиски, не попадаясь соглядатаем врага на глаза. Истратив-же три недели ступай за магистром Ультаром — к тому времени ему будет ведомо что надлежит делать дальше.

— Преподобный отче! — воскликнул отец Исгарот, хотя к нему никто и не обращался, — Добрый наставник! Прости-же меня за то, что дерзаю перебить святое слово твое и не сочти нахальной мою скромную просьбу: отправь меня вместо брата Карраса искать тех беглецов! Ведь это я отправил их к Магам Воды, я убедил предпринять опасное путешествие и, буде моя воля, сопровождал бы их до самого конца — к добру или худу. Но увы, пришлось мне спутников бросить на время, а теперь я страшно терзаюсь о их судьбе — как они там, живы-ли, не идет-ли кто злонравный по их пятам, не дышит-ли враг им в затылок? Моя то была ответственность их опекать и негоже мне теперь отступаться, тем паче что от похода этого столько зависит!

— Слышу чаяния души твоей, сын мой, — мягко ответил Пирокар, — И люблю тебя за это! В любое другое время тебе бы дан был отпуск на исполнение наказанного обета, но дать отпуска не могу. С ношей твоей должен справиться брат Каррас, и да поможет ему в этом Иннос! Но ты — добрый отец Исгарот, младший Маг ото зла претерпевший, для тебя существует иное задание: ты будешь сопровождать меня.

— Сопровождать куда, Преподобнейший? — молвил Исгарот с изумлением, — И, коль скоро ты отлучаешься, то кто-же заступится за Монастырь?

— За общиной нашей в мое отсутствие последит брат Серпентес, — сказал Пирокар, поглядывая искоса на магистра, — В делах управления Монастырем он давно доказал свою полезность, да его талант зреть далеко и слышать остро не сходя при этом с насиженного места — это тоже нам только на руку. У брата Серпентеса много глаз и ушей: коль скоро нам понадобится помощь Монастырской общины, то будем уверены что брат Серпентес об этом услышит, возможно даже раньше нас самих! — усмехнулся старый настоятель. — Тебе-же, брат Исгарот, предстоит идти со мной в проклятую Долину Рудников. На нашу долю выпадает самое сложное, самое опасное из всех поручений: разыскать лордов Хагена и Гаронда не дав им безвременно сгинуть под ударами зла! Отправившись войском в Миненталь лорд Хаген рассудил храбро, но вместе с тем опрометчиво: гораздо верным было даровать наёмникам Ли помилование и, заручившись их поддержкой, совместными силами вызволить гарнизон лорда Гаронда. Благо многоопытные наемникам Ли успели излазить каждый уголок Миненталья, врагу было бы не так уж и просто застать их врасплох. Но прошлого не переменить, а позволить доблестным рыцарям-паладинам сгинуть без славы я не могу, особенно когда их отвага и ратное мастерство столь нужны для защиты всего острова. Кроме этого, есть у меня в Минентале еще одно малое дельце, но его мы обсудим в дороге.

— Воля твоя, Преподобный! — поклонившись молвил отец Исгарот, — Между долгом перед собственным словом и долгом перед тобой выбор очевиден. Старый настоятель осенил Исгарота символом Инноса и, благословив всех добрым напутствием, окончил собрание.

Было за полночь, когда отобранные настоятелем маги Огня покончили со сборами и, не

теряя ни одной лишней минуты, выступили в путь опережая рассвет. Лишь только отцу Исгароту велено было повременить. Путь в Долину Рудников обещал непредсказуемые сложности, мастер Пирокар удалился в потаенные глубины Монастыря дабы посоветоваться с хранящимися там древними фолиантами и запретными книгами, отцу-же Исгароту наказал наведаться к мастеру Гораксу — главному ключнику и эконому общины, дабы тот сыскал подходящего снаряжения для столь непростого пути. Услышав о новостях совещания, пузатый эконом изумленно застонал и, потешно всплеснув руками от расстройства чувств, убежал хлопотать по кладовым. Оставшийся один Исгарот немного покрутился по пыльной прихожей Гораксовой келарни, но утомившись ждать вернулся обратно в Монастырский двор. Время вплотную подступило к утрени, где-то далеко за горами завиднелись первые отблески солнца, над островом стелилась несомая с моря ночная прохлада, лишь месяц успел померкнуть, по-плутовски спрятавшись за ближайшие кряжи. Преисполненные вековечным спокойствием дремали монастырские стены, будто нечувственные к состоявшимся и грядущим в скорости переменам, на сердце Исгарота вновь опустилась неведомо откуда возникшая тень. Хоть он и согласился идти с Пирокаром, сочтя это задание высочайшей честью которой, по собственному признанию, он не был вполне достоин, все-же его душа продолжала терзаться думами о судьбе двух беглецов. А ведь это был он — он обещал, он направил, он должен был проводить! Справится-ли Каррас, хватит-ли ему мудрости разыскать этих неприметных двоих — пожилого трактирщика и пригудника-барда, двух заблудших путников среди дикой, местами и вовсе непроходимой глуши? Нет, мудрости Каррасу безусловно хватит — он был много старше Исгарота и значительно мудрее, но все-же... Вспомнилась стычка с Барадаром, напористая гордыня колдуна, веющий от его могучих чар замогильный холод.

— Доверься Инносу и не терзай впредь сердце свое! — среди ночной тиши послышался голос Пирокара.

— Отче! Я и не заметил, как Вы пришли, — молвил отец Исгарот оглянувшись, но Пирокара рядом не было, лишь только ветер шептал кипарисах. Внимательно осмотревшись и убедившись, что на дворе никого нет, пожилой Маг боязливо поежился, но дотоль докучавшее чувство тревоги больше над ним не довлело.

— Брат Исгарот, всё собранно и готово! — выглянул из двери кладовой ключник Горакс. — Ох уж хлопотная выходит затея, Господь помилуй нас всех!

Звонари на часовнях тем временем пробили утреню.

— Без хлопотности нынче увы, совсем никак, — задумчиво молвил отец Исгарот, — Не благодарю тебя за заботу, брат Горакс!

— Эликсиров уложил побольше, трав целебных, настоек пять склянок, ну и всякой нужной всячины — мало ли что в этой проклятой долине пригодится! Упаковал-бы и сверх того, да только вы идти налегке собрались. А взяли-бы меж тем, Бога ради, с собою пару тройку крепких послушников, поклажу нести — не Преподобному-же в конце-то концов под тюками и торбами горбатиться!

— Спешим мы, от того и налегке, — сказал Исгарот, — А чем больше помощников — тем медленнее поход. Да и в долине этой страшной всяко лучше малым числом справимся, да и настоятелю, право дело, виднее будет: раз решил обойтись без провожатых, значит на то есть свои причины.

— Ох дожили мы, до чего дожили-то, прости нас всех. Господи! — простонал круглолицый ключник, — Дожили что Преподобный, седых и преклонных лет

благороднейший старец, да освятит Иннос имя его, собственною персоной вынужден бросаться в опасные походы по проклятым местам! Никто бы такого и представить не нахрабрился да не посмел-бы вовсе в старые времена, не говоря уж о яви, ох-ох! Что-же будет, брат Исгарот? К чему-же это проклятое колесо судьбы в итоге прикатится?

— Кабы знал трубочист что с крыши покатится, то соломку-бы внизу подстелил! — молвил отец Исгарот с горькой ухмылкой, — Что будет никому не известно: боюсь, что и для самого Преподобного будущее покамест закрыто. Одно только могу сказать, добрый брат Горакс, одному лишь мудрому совету могу научить.

— Чему-же, добрый мой брат? — ключник любопытно наострил уши.

— А тому, что старый мир канул в пучину и по-прежнему больше ничего никогда не будет. Так что крепись: ибо, если преходящее славно, тем более славно пребывающее. Имея такую надежду, мы действуем с великим дерзновением!

Глава Двенадцатая — Пороги

— Как думаешь братец, — первым тишину нарушил Сид, — Сдюжит старина Исгарот против твоих бывшего душеправителей?

— Наверное, — молвил Бард несколько рассеяно, — Знаю только, что сложное это будет дело. Маги Огня — они-то конечно не лыком шиты и, стрясись чего, умеют за себя постоять, но и колдун этот проклятый тоже ведь не прост! Даже среди искушенных чернокнижников Мора Сул о могучем Барадаре хаживали страшные рассказы, да и камень этот ему видимо тоже неспроста подсудобили. Кстати, как поживает наш артефакт? Все еще при тебе?

— Куда уж окаянному деться, — буркнул старина Сид, боязливо ощупывая свой кошель. — Впрочем, лучше его не поминать — а то ведь и у реки, неровен час, могут оказаться острые уши! Ты мне лучше расскажи, как в лапы попал к этой мрази чернокнижной, коли не против о таком вспоминать.

— Да чего уж там рассказывать, — горько усмехнулся Бард, — То моя пустая голова, всем бедам начало! Впрочем, буду с тобой по порядку, благо время есть и плыть нам еще аж до самих сумерек. Так вот-же, слушай теперь: было мне всего пятнадцать лет когда отец, окончательно разуверившись в моей воинской карьере, решил отправить меня в известную всем Коллегию Бардов. Училище это мне сразу пришлось по душе: под высокими его сводами дышалось на редкость свободно — рачительная разница с той постной, удушливой мутью от которой меня воротило всякий раз когда ходили с отцом ко двору или к рыцарям-паладинам в обитель. В Коллегии не вели бесконечных разговоров о «долге», не чеканили типичную для царедворцев трепотню о «службе и чести» на которую им, царедворцам, на самом деле начхать. Наоборот — мудрые учителя Коллегии давали школярам побольше свободы, баловали всяческой вольностью дабы каждый из нас мог разыскать свой — обособленный и неповторимый путь к высоте искусства. Многие занятия проходили вовсе не в зданиях, а наоборот — под открытым небом, около моих любимых гор и лугов! Ну так вот, хаживало в те времена среди самых толковых и утонченных школяров одно любопытнейшее ученье, распространялось оно правда подпольно так как благосклонности учителей и магистров, не смотря на всю их открытость, не сыскало. Передавали мы его друг-другу на переписанных наспех листках, порою даже угольком чертили на табличках и так разносили сокровенное знание! Школяры восхищались этим учением, пытливым умом его автора, яркими мыслями, сетуя только что подлинного своего имени он открывать не желал, подписывая каждую эпистола довольно глуповатым прозвищем — «Некромант».

— И о чем-же рассказывал этот ваш секретный Некромант? — спросил Сид, почесывая затылок в некотором изумлении.

— Да уж, о разном, — отмахнулся Бард, — Писал правда очень пронзительно, как настоящий пророк — читаешь иногда, а душа и в пятки уходит! Ну так вот... — Бард было продолжил свой рассказ, но тут Сид перебил его.

— Погоди-погоди, не спеши ехать — поспеши лучше кормить! Расскажи о проповедях этого Некроманта поболее, а то ведь любопытно чем это там умы днесь тревожатся, от чего у школяров душа промеж ляжек течёт.

— Да какая разница, я-ж не об этом хочу рассказывать, а о себе! — возроптал Бард.

— Твоя правда, я тебя сам попросил о себе рассказать, — кивнул Сид, — Но потом

непременно поведай об этом твоём Некроманте.

— Так уж и быть, — кивнул Бард, — но тогда слушай внимательно! В общем читали мы эти секретные наставления всем школярским скопом, зачитывались, бывало, до самого утра, и все больше хотелось узнать к чему этот мудрец клонит, какую философскую фигуру выводит из своих рассуждений о мире, о жизни, и о Богах. Но о бдениях наших суемудрых прознали магистры и, покумекав немного, решили не с нами воевать, а как следует ударить по книгоношам, которые Некромантову «опасную ересь» больше всех распространяли. В общем, настолько крепко прижали магистры книгонош, что всего через неделю секретные эпистолы Некроманта как воду канули. Загрустил наш школярский брат, но погоревав с неделю вскорости о чтениях позабыл: такой уж народ школяры — ветренный страшно, вестимо от изобилия знаний! Прошел месяц, а может и больше — не упомянуть уже, только знаю, что было самое начало лета. Отгремели последние занятия, а учащиеся разбрелись: кто по домам и, а кто и вовсе к вельможному двору получив наконец заветную лицензию. Ну а мне, так как отчий дом в Венгарде, уходить было некуда, только и просиживать все лето за стенами я тоже не собирался, поэтому решил загостить в небольшой промысловой деревушке: деревня Ардея, если слыхивал о такой, она между столицей и крайними рубежами Южного Залива, где засушливый город Кап Дун. Красоты вокруг Ардеи этой внеземные: на тебе и леса, и поля, и пляжи золотистые, и народ пуще прежнего приветливый — рыбаки, охотники, пахари, до стихов и музыкой всегда охочие. Обосновался я в этой деревне и не знал бы беды, кабы не один Варантийский торговец: звали его Гамаль и в Ардею он наведывался часто, с небольшим впрочем караваном, но будучи до хандельства страх как охочий, останавливался бывало неделями. У него я и повадился покупать всяческие музыкальные безделицы, Гамаль-же этот, заприметив мой интерес, принялся всячески ему потворствовать: то свирель свезет из какого-то редкого дерева, то музыкальные свитки Варантийских менестрелей, то еще какую-нибудь увлекательную вещицу — попробуй тут устоять! Думаю понятно что я у этого торгашки уже к середине лета крепко сидел в должниках. Он-же и вида подавать не думал, из моей-же безудержной болтовни разведав о папеньке моем, о доме в столице, о Коллегии Бардов и всяком таком что, как мне казалось, укрепило его веру в мою непреклонную платежеспособность. Ну так вот, время меж тем к концу лета подошло, долг мой пуще губки распух и разросся, вот я и решил съездить в Венгард, там уж как-нибудь нужной суммой мчтобы с Гамалем этим вконец рассчитаться. Собрал значит котомки, выхожу из трагтории — а тут и Гамаль к подоспел, кланяется мне и ухмыляется во все зубы по своему торгашескому обычаю: мол иди-подходи, глянь чего в этот раз тебе привез! Я ему толку что в Венгард за деньгами собрался, а чтобы тот спокоен был — оставил запечатанную гарантию у сельского старосты, по которой в случае чего с меня при любом суде сумму можно истребовать. Но Гамаль ничего слушать не стал: мол какие долги-раздолги, заплатит всегда успеешь, идем лучше скорее товары смотреть! Я отнекиваюсь, но шельмец этот глядит на меня эдак из-под чалмы своей фиолетовой и говорит: милостивый сайеб Менестрель, у меня для вашей милости такая редкая вещица припасена, пальчики как сахарные откусите! Что-за вещица, спрашиваю, сам-же думаю как от этого прилипальщика уйти. А такая вещица, отвечает Гамаль, полный фолиант писем мудрого Некроманта! Схватил я тогда торговца за плечи, трясую его значит и говорю: где фолиант негодяй, показывай немедля, любую цену готов заплатить! Торговец тем часом пуще прежнего заухмылялся и, взяв меня под руку, тихонечко зашептал: мол-де такую опасную вещь как фолиант Некроманта он в деревню заносить не рискнет, мало-ли

кто Магам Огня донесет или, хуже того, в орден рыцарей-паладинов нашепчет. Засим, специально для меня, вещица эта припрятана в ларце на торговой лодке, что стоит на якоре в небольшой бухте подле Ардеи, и можем этой-же ночью тихонько из деревни уйти и, вдали от чужих глаз, фолиант подобрать. Расцеловал я тогда прохиндея, говорю: будет тебе достойная награда, завтра-же утром привезу из Венгарда такой кошель с золотом, что боюсь треснет твоя торговая посуда под его тяжестью, ну а сегодня-же ночью быстро поспешим за фолиантом! На том и порешили, я еле ночи дождался и впереди собственной тени за Гамалем бежал. До бухты добрались очень скоро — но вот поди ж ты, никаких фолиантов Некроманта там меня не ждало. Помнится, покуда я закованный в кандалы безвольно валялся и выл в трюму этой самой лодки, Гамаль стоял надо мной и гадко насмешничал: попалась, говорит, рыбка на широкую улыбку! Уж ты-то у меня попляшешь, уж твою-то бездельничью шкурку я как следует выдублю, на ремни пушу и подкладки коли папаша твой выкупа платить не изволит! Рабом моим станешь, говорит, ясырем до скончания веков, на брюхе передо мной ползать будешь, с собственного горба слуг на ясляков сажать, ну и тому подобное в таком-же премерзком духе. В плену у Гамалья я пробыл без малого год. Мучитель мой не единожды посылал гонцов в Венгард дабы денег с моего отца посшибать, посылал — да все без толку! Как я позже узнал, к тому времени разгорелась новая война с орками и отец мой, вместе с королевскими знаменами, убыл из столицы в некий дальний поход, из которого, наверное, уже не вернулся. В любом случае, гонцы Гамалья возвращались ни солоно хлебавши, докладывая, что никаких Панкратиев-Курцев в Венгарде не видели, да и дороги для иноземцев становятся слишком опасны для частых визитов. Каждый пустопорожний поход гонцов оборачивался для моей спины очередным свиданием с девятихвостой плетью Гамалевских живорезов, как я от неё не помер — не знаю до сих пор. Так и не дождавшись выкупа, Гамаль отвез меня на невольничий рынок в Бакараше и с месячишко торговался перед самыми разношерстными покупателями: один раз чуть не продал меня орку, капитану орчьей галеры, которому позарез понадобились гребцы. Но тут пригнали ватагу свежих ясырей с Нордмара — здоровенных мужей, первых пленников войны, и орчий капитан с радостным гиканьем поспешил их покупать. Второй раз хотел меня приобрести некий алхимик, ветхий дед с лежащим на губе крючковатым носом и бельмами вместо глаз. Шамкал, значит, что нужен ему «помощник» для «экспериментов», и я было молитвы стал читать с белым светом прощаясь, но дед оказался упорнее каменного голема и не сторговался с Гамалем на счет шести золотых. Ну а в третий раз на рынок заявили расшитые шелком посыльные из чернокнижных палат Мора Сул и безо всякого торга купили меня за две сотни чистого золота. Вот так я и попал под пяту колдуна Барадара, от которой теперь уж вместе бежим!

— Однако! — вздохнул Сид, утирая взмокший лоб платком. — Вот тебе бабушка и клюква да в погожий день!»

Некоторое время молчали. Бард, притулившись на носу лодки, стал глядеть в реку будто бы пытаясь что-то высмотреть под её глянцевою гладью. Солнце уходило за окрестные взгорья, заливая макушки дубрав и сосновых чащоб прощальным переблеском розоватых лучей. Из лежащих меж лесами лугов и темных ущелий стал подниматься, лениво клубясь, тяжелый серый туман. Лодка меж тем бесшумно скользила по воде, но судя по убыстряющемуся течению до порогов оставалось уже совсем немного.

— Я только одного разумею не могу, — пробормотал Бард, первым нарушив тишину. — Даром что долго раздумывал, особенно в неволе, но все равно неясно: от чего этот жуткий

торговец так со мной поступил?

— Ну какое тут неясно, — ответил Сид, — Тут как раз таки все ясней внешнего дня: золота ради грех на душу взял, только где душа у этой Варантийской собаки?

— Нет, это понятно, — задумчиво молвил Бард, — Меня тем временем несколько иное интересует: каким образом этот торговец пришел к разумению что ради денег, ради личного обогащения то бишь, дозволительно чужих людей похищать, неволить, и торговать ими как неживым товаром. Да и это ведь не только он один — торговец Гамаль из Варанта, а многие другие для себя похожее вывели: что дескать можно ради наживы посягать на тело другого человека и обращать его в своевыгодный предмет. И ведь посягни кто на тела посягателей, то они первыми возропшут! Знать бы, где лежит краеугольный камень всей этой конструкции, чтобы вырвать его и стоящее на нем здание мгновенно разрушить.

— Думаю со временем оно сам развалится, — сказал Сид, бережно поруливая вёслами, — Рано или поздно мир станет добрее, не вечно-же злу именины справлять! Да и как говаривал отец Исгарот, на всё воля Божия!

— Мудрый он, этот твой отец Исгарот, — ответил Бард с ухмылкой, — Да только через чур на Бога надеется. Нам-же, простым людям, надо самим нос по ветру держать. Очень часто Божие провидение против человека поворачивается, да и вообще, если рассудить по справедливости, слишком уж они от нас отличаются, величавые эти Боги. Их могущество несоразмерно с нашим, от этого и помыслы выходят несоразмерные: они судят и рдят как им в голову взбредет — то свару меж собой затеют, то на людей по их разумению грешных войной ополчатся, нам-же на земле от этих вседержательных дрызг только горше и горше становится, с каждым-же днем! Борются друг с другом Боги, жгут землю, горы сворачивают и целые острова под воду пускают, мы-же — что муравьи у них под ногами! То один впопыхах не заметив растопчет, то другой в наказание гнездовья лишит, где уж тут справедливость?

— Нешто сам до такого богоборчества додумался, или Некроманта мне своего пересказываешь? — молвил Сид немного насупившись, но внешне виду не подал.

— А ты прозорливый! — усмехнулся Бард, — Да, это из писаний Некроманта. По его разумению во всех бедах людских повинны Боги и коль скоро люди желают обрести покой и, что важнее, стать хозяевами собственных судеб, то Богов надлежит изгнать из нашего мира и власть их полностью разрушить. Свободному человеку не нужен другой поводырь кроме себя самого, насильное-же управление Богов является ничем иным как самовластием, несправедливым гнетом душ человеческих!

— Кошка бросила котят — это Иннос виноват! — захохотал Сид, — Ох любопытно, слышал бы нас старина Исгарот... Но ладно, чего уж тут насмешничать, дело серьезное. Ты мне лучше скажи, Некромант этот как предлагает Богов прогонять? Ведь нелегкое это дело: тут иной раз в трактир пьянчуга залезет — вроде тщедушная-же мелюзга, никчемушина дрожащая, плюнуть и растереть! А порой и так выходит, что семеро молодцев за дверь не выпрут, настолько упертый окажется и норовистый этот мелкий жихарчик. А уж на Богов-то сколько молодцев надо — Некромант часом не сообразил?

— Тут уж ничего не могу сказать, — ответил Бард немного нахмурившись, — Из-за известных тебе злоключений так и не раздобыл всех трудов Некроманта чтобы прочесть. Единственное помню: в иных посланиях говорилось что-то об артефактах — о великих скрепах господних. Буде на то воля человеческая, скрепы эти надлежит немедленно порушить, разорвав тем самым Божью власть над землей. Но дело ведь не в этом! С

артефактами, пожалуй, что и какой-нибудь искатель приключений управится, благо отбоя в них нет — дай только срок. Тут в чем загвоздка: как наш мир после изгнания Богов обустроить? А вот на этот Некромант дает вполне рассудительный ответ!

— Ну и как-же нам обустроить Миртану? — язвительно спросил Сид.

— Обустроить? — переспросил Бард, не почувствовав Сидовской иронии. — Да, пожалуй что и так — обустроить. Так вот, обустройство начнется с ответа на извечный вопрос: что есть человек, что это за существо такое? Человек, согласно разумному мнению, есть существо, сочиненное из двух частей — тела, и духа. Как писал Некромант, из-за тирании Богов нынешний человек полностью лишён собственности над этими двумя частями: посредством магической силы духом всецело владеют Боги, ну а телом распоряжаются как мирские, так и церковные порядки, все теми-же Богами сотворенные. Сбросив-же Богов освободится дух человеческий: пропадет магия позволяющая людям творить немыслимое, над освобожденным от сверхъестественного миром тотчас восторжествуют законы природы, те самые законы которые днесь попирают всяческие колдуны, маги, алхимики, и прочие прихвостни Божественного промысла! С исчезновением власти Богов весь живой мир окажется в естественном состоянии, которое пусть и не всегда равномерно, но тем не менее довольно уютно для последовательного познания человеком. Этим и будет заниматься свободный дух — познавать мир и благоразумно его обустраивать! Освободившись от Богов каждый человек получает сам себя в неразлучную частную собственность, из этого-же возникает всеобщее равенство.

— Всеобщее равенство? — изумился Сид, — Это как так?

— А вот так! — триумфально бросил Бард, — Это, к слову, сейчас Маг Огня выше меня потому что стоит ближе к Инносу и от Инноса-же черпает свою волшебную силу, посредством которой может мною повелевать. Ну или король, вельможи его, и рыцари-паладины — тоже выше меня лишь только потому, что являются помазанниками Инноса, ходят под Его высочайшим покровительством и засим имеют право меня тиранить. Но вот исчезли Боги и каждый, буде то королем или свинопасом, получил над собой безраздельную собственность! Тут-то и возникает равенство, равенство между этими собственностями: ты — король, сам себе владыка, но и я — свинопас, ничуть не меньший владыка самого себя. Сообразно этому равенству и надлежит обустраивать новые порядки!

— Любопытно девки пляшут, — заметил Сид, почесывая бороду, — Но о порядках-то новых Некромант твой что говорит? Или это должно как-нибудь само растряситься, как мой старый воевода Буркхард говаривал.

— Ну-у, — задумчиво потянул Бард, — О новых порядках у Некроманта сказано мало, поэтому могу только самое яркое поведать из того что припомнить могу. Так вот, в мире освободившихся людей будет существовать лишь только один вид отношений — единственный вид, определяющий все остальные порядки. Вид этот Некромант называет «отношением равноценного обмена».

— Довроде купеческого расчета, что ли? — спросил, нахмутив лоб Сид.

— Вроде того, но не совсем, — ответил Бард, — Сейчас объясню! Вот — вот, к слову, давай вспомним твоего давнишнего воеводу Буркхарда и рассудим согласно новому разумению: солдаты ведь служить к Буркхарду шли не по собственной воле, а потому что обязаны. Обязывает их Буркхардово сословие — его вельможеская привилегия, передающаяся от отца к сыну: Буркхард — воевода и земледержец, отец его был воеводой и земледержцем, и дед его тоже был воеводой и земледержцем, и дед его деда тем-же самым

был. Почему? Потому что роду Буркхардов титул достался от самого Робара Святого, избранника Инноса, а значит Буркхардово право есть прямое проявление воли Божией. Но вот не стало Богов, исчезла воля Божья, низведены и Его помазанники вместе с титулом и привилегией, и Буркхард теперь ничем не выше солдата а, засим, к службе принудить больше не может, вот и конец принуждению!

— Да неужели? — изумился Сид, — Ая-то думал, что принуждение не только от Бога бывает.

— Дальше слушай, прежде чем возражать, — недовольно отмахнулся Бард, — Принуждения нет, к службе-же привлечь можно только через равноценный обмен. — Послужи-ка мне, солдатик хороший, — скажет Буркхард, — Хорошо, — ответит солдат, — От чего бы и не послужить? Послужу, но только если и ты мне как-нибудь послужишь! Вот коли договорятся солдатик и Буркхард о справедливых условиях службы, будь то в деньгах или каких-нибудь других одолжениях, то выйдет служба. А ежели напротив — не договорятся, значит нет равноценного обмена, и службы тоже нет. Ну, а если Буркхард по старому обычаю решит на своем настоять и попробует солдата против воли принудить, то солдат безо всяких затей Буркхарда к чертям пошлет и ничего ему за это не будет, ибо он не нарушил закон равноценного обмена — главный закон нового мира, а Буркхард — нарушил! Так что неволители будут наказаны, оттоль и свобода со всеобщим равенством.

Тут Сид, уперевши руки в бока, задался таким громким приступом смеха что чуть было не слетел со скамьи в реку. Бард было помрачнел и даже подумал уязвить спутника каким-нибудь едким словцом, но смех Сида вышел настолько заразительным что, немного покривившись, он и сам невольно рассмеялся.

— Воеводу к чертям собачим послать, — пробормотал Сид утирая слезы и тяжело дыша, — Это ты конечно дал зевуна! Зевуна дашь — так год и не справишься, старого Буркхарда к лешему на санях катая!

— Ну а с чего-бы в самом деле его к лешему и не прокатить? — молвил Бард с легким ехидством. — Сам посуди, что такое этот твой Буркхард если у него отобрать вельможество, родовую привилегию, и всякую прочую Божью дребедень? Что — да ничто! Простой человек, такой-же как мы, одинаковым хлебом в теле душу держим, одинаковой водой жажду в глотке сушим, иначе-же и быть не может.

— Это ты говоришь от того, что воеводу Буркхарда ни разу живьем не видывал! А коли увидал-бы, то и помолчал в тряпочку от греха подальше.

— Еще чего! — возразил обиженно Бард.

— А вот чего: воевода Буркхард — это мужик, в котором только роста — три аршина с вершками, плечи — что тебе горные кряжи Нордмара, руки как у тролля здоровые и кулаки — по два пуда каждый! Я сам, своими глазами видел, как воевода наш на Трелисской ярмарке удали ради на плечи годовалого бычка закинул и знай себе через площадь прохаживается, туда-сюда, сюда-туда, играючи так, словно не огромную животину, а хворостину легкую тащит. Фермер, чья была эта скотина, аж запричитал от страсти: вот уж сила богатырская, говорит, я с пятерыми сыновьями с быком этим еле справляюсь, а вот поди ж ты как воевода-то умеет! А ведь ему, Буркхарду-то, в ту годину за сорок зим перевалило, седой уж как лунь — ан трех речных буйволов здоровее. Умом и характером Буркхард оскудел лишь к глубокой старости, в молодые-же годы славнее него во всем Южном королевстве не сыскать было воеводы! С простыми солдатами по-отечески дружен, полковники-же и знаменосцы — то вовсе почитали Буркхарда как старшего, мудрого и

щедрого командира. Оттоль я тебе и скажу, милсдарюшка: чтобы над людьми царствовать старине Буркхарду не был нужен ни титул, ни Бог, ни опекающая королевская длань. Появись Буркхард среди дикого, чужого народа, которому не ведомы Боги и короли, то тотчас стал-бы среди них господарем: добрых молодцев очаровал-бы удалью своей и душой нараспашку, людей-же нравом позадиристее приручил-бы богатырской своей силой. От чего так? А от того, что с Богами или без, еще народятся в нашем мире телом сильные и напротив них слабые и тщедушные, народятся мудрецы и сельские дурачки, будут еще красивые и дурные бабы, люди станом высокие аки тис и низкие как кустарник. Ведь даже без Богов не угаснуть многообразию рода людского и творящейся оттоль правде и кривизне.

— Вестимо, что не угаснуть, — ответил Бард, аккуратно разжигая светильник. Солнце полностью скрылось за горами и незнакомые берега, бесшумно проплывая мимо лодки, стали отбрасывать на воду мрачные тени. — Вестимо, но в мире равноценного обмена, где за каждым силой закона закреплено право собою частно владеть, за справедливостью этого обмена будет следить великий Ночной Страж. Этот вечно бдительный, трезвый, и неподкупный поборник порядка будет неусыпно надзирать над народом и не допустит, чтобы сильный телом человек задавил телом слабого, чтобы хитроумный прозорливец обмишурил скудоумного простака, чтобы красивый своей красотой тиранил уродливого, чтобы зрячий воровал у слепого. Великий Ночной Страж — это новое государство, сотканное свободными гражданами через широкое согласие общин, к управлению-же которого допускаются лишь самые достойные и мудрые из людей. Засим разнообразие людское не пропадет, но творящуюся от него правду и кривизну обуздает новый порядок.

— Ох и мудрёно этот твой Некромант излагает, — вздохнул старина Сид немного пожившись от вечерней прохлады. — Был бы тут отец Исгарот, он бы подлинной мудростью возразил, а я вот только смекалкой простой выворачивать умею. Ты говоришь — государство будет следить за новым порядком, но ведь государство — это не воздух, а люди! Ну и каковыми, по-твоему, будут люди у руля государства? Как там его, народное вече свободных общин, кого подпустит к рулю: здоровяка-Буркхарда за которым народ гурьбой так и валит стоит ему только свиснуть, или какого-нибудь любомудрого но застенчивого книгоношу из Коллегии Бардов? Книгоноша-то даром что ума палата, только подле Буркхарда будет выглядеть ничтожнее бельевой вши. Да и если избранием управителей государства занято народное вече, то найдутся ведь особы — состоятельные особы, сильные особы, особы острого ума, ну и всяческие такие особы что смогут мнение вечевых заседальщиков в угодное лишь только им, особам, русло направить. Об этом твой Некромант не подумал? Да и хваленная эта частная собственность — ужели она как-нибудь умаляет или размыкает присущий роду человеческому извечный характер? Во что-же оборачивается это хваленное собственничество коли характер-то людской, пусть и безо всяких Богов, остается все-ж тот старый? Меня спроси — оно только и сделает что навредит, обострив всеобщие пороки!

— Почему-же? — изумился Бард, — От чего пороки обострит? Наоборот, сказано-же что права собственности порождают равенство меж людьми, а засим и свободу. Ну а равные, свободные люди, разве будут ввергать друг друга в порок? Наоборот, товарищество расцвести должно, всем порокам наперекор!

— Равенство, свобода, — буркнул Сид, подгребая вёслами, — Ведь тебе на это еще отец Исгарот указал, когда про земляного червяка рассказывал! Свободы и равенства просто так не бывает: все зависит от мира и бытующих в нем людских отношений. Вот в нашем

нынишнем подбожеском мире развернуто целое полотно самых различных отношений: буде то церковенские, королевские, рыцарские, франкелянские, торговые, лихварские, и всякия прочая. Самая главная и толстая нить этого полотна — нить служения: Господь наш Иннос есть Государь Небесный, король Робар — первейший подданный и слуга Его на Земли. Для вельмож Робаровых, для земледержцев и сановников, Робар — господин Господу равный, а они — поданные его и слуги, ну и так далее и тому подобное. Ежели полотно развернуть от верха до низа, то оно все похожим образом оборачивается: господа да слуги, господа да слуги, покамест до крестьян не дойдешь — до семени мужицкого которое слуг не имеет, засим и зашито в самом низу. Хорошо оно или плохо, что в миру нашем выпячены отношения подданства и господарства? Я тебе так скажу: и добра хватает, и худа, разумному-же мужу завсегда найдется, где добродетель помножить, а где и кривду исправить.

— Значит, по-твоему, мир наш совершенен и его вовсе не следует менять? — недовольно возразил Бард

— Напротив, — ответил Сид, — Я-же и заметил что нет совершенства, а для всякого доброго человека всегда найдется что исправить, кому где помочь да и кого из беды выручить. Так что мир меняется и будет людьми меняем, только уж не сообразно Некромантовым лекалам — упаси нас от этого Боже!

— Чем-же тебе не угодили его воззрения? — пожав плечами удивился Бард, — Вроде разумное дело предлагает!

— Разумное? Ну-ну, давай-ка рассудим: что-же все-таки делает провозглашенная Некромантом мысль, что-же такого меняет в мире — ну, окромя мутнословного колобродства о Богах. Вместо выпяченного нынче подданства и господарства, Некромантова пустомудрость выпячивает наверх отношение торговли. Неотлучное право частника и обязательство равноценно менять товары — это-же обычный ханделяж! Да и государство Некромантово, приснопамятный «Ночной Сторож» — он ведь для того только и нужен, чтобы за торговлей надзирать и жуликов ловких по рукам бить, хотя какая торговля без жульничества: не обманешь — не продашь! Но представим, что в этом наилучшим из миров всякая торговля честна, любой обмен равноценен и за каждый товар платится его подлинная цена. Чудеса в решете! Но, меж тем, разве из этого получится равенство? Разве торговля, пусть хотя бы и честная, может породить равенство между людьми? Ведь от торгового промысла какой-бы он ни был — мутный аль прозрачный, от торговли одни завсегда богатеют, другие-же теряю богатство и летят в голую бедность. Я вот, к слову, в целом аршинник недурной и своей выгоды в базарный день не упущу, но вёрткий ханделяжник из Бакареша или ухватистый Южняк с островов меня в три приема вокруг пальца обвертит, как липку обдерет, и по миру пустит в одних дырявых портках. Торговля — это ведь тоже разумение, дарование, талант наконец, а в талантах люди неравны. Равенство-же о котором вещает Некромант — это равенство вольной торговой площади: каждый право имеет в базарный день на площадь явиться и, коль на то есть средства, целый день ханделяжить — покупай, продавай, никто тебе слова поперек не скажет. Но ежели у богатого товар чтобы продать, и денюга в кошеле чтобы нового прикупить, то с бедняками-то как? С чем идти бедняку на базар, чем будет неимуший с рождения аль в ханделяже неудачливый торговать? Чем — а? Нешто не догадываешься?»

Уставившись перед собой, Бард опять незадачливо пожал плечами.

— Не понимаешь? Тогда я растолкую. Как говаривал твой мудрейший Некромант:

человек освободившийся от ига Богов получает в частную собственность свое тело и дух. Ну вот этим то как раз он и будет торговать! В мире которым правит торговля, где самое первое отношение — это отношение базарной площади, товаром становится без исключения всё. В первую-же очередь — человек. Ведь сам рассуди — все что вынесут на рынок, согласно правилу обмена, станет товаром: труд людской и плоды его — товар, ум людской и плоды его разума — товар, да и сам человек вместе со своим духом и телом — товар, бессловесный и безымянный товар, знающий про себя лишь цену в серебре, золоте, и меди. В дивном новом мире Некроманта каждый человек, будь то младенец, мужик, или баба, каждый окажется непременно взвешен! Взвешен, измерен, и оценен — и горе тому, кто будет найден легким!

Над лодкой повисло неуклюжее молчание, старина Сид продолжил аккуратно подруливать вёслами, Бард-же вывесил за нос лодки светильник и, немного пригорюнившись, присел на скамью.

— Как-же быть? — тихо спросил он, выждав неловкую паузу, — Ведь мир меняется, магия рун вот исчезла, война с орками скорее всего похоронила всё королевство, да и как бы то ни было — по-старому уж больше никогда не будет. Как быть?

— Стяжи дух мирен, и тысячи вокруг тебя спасутся, — ответил Сид. — Исправляй в себе изъяны, обращай заблудших, не молчи перед творящейся кривдой, не закрывай глаза на истязания слабого. Падающего — да подыми, отчаявшегося — да утешь, ответственность же как самую тяжкую носи до конца, на чужое плечо не надеясь, но сам ближнему своему плечо всегда подставляй! Прежде чем раздавать советы, посоветуй себе. Сора в чужой избе не ищи, свою-же каждый день прибирай и до блеска выскребывай. Будь для себя самого строжайшим судьей и зрителем зорким, соседу — соседом, приятелю — приятелем, родителю — сыном послушным и кротким, жене и отрокам — опорой общего вашего дома и крова; братолюбивым будь и вечно пекись о здравии братьев старших и меньших. Снеси тяготы, не отчаявшись в человеческой доле и будешь спасен, так сказано и будет так во веки веков! Такие вот есть слова в нашем мире, милсдарь мой Бард, а услышал я их в Нордмарском Монастыре многие зимы тому назад, когда паломничал к этой высочайшей святыне всея королевства. С той поры много еще слыхивал разносеянных слов, мудрых и глупых, но лучше этих, пожалуй, что так вовек и не услышал.

Сидя подле светильника, Бард нахмурил лоб и было приготовился отвечать, но тут лодка как-то неловко завилыла бортами и, накренившись, резко подпрыгнула, словно чья-то незримая рука, коварно протянувшись со дна реки, вцепилась в суденышко с чудовищной силой. Ухватившись за борта, Сид чудом удержал равновесие. Над макушкой Барда стрелой пронесся сорвавшийся с крепления багор и, пронзая тьму ржавым острием, с шумом ухнул в реку. Не успели спутники опомниться, как лодку вновь что-то ударило, пуще прежнего накренив хрупкое судно.

— Пороги, мы пороги проворонили! — заорал Сид, отчаянно выруливая веслами. И правда: река под лодкой начала гудеть, раздуваясь от бурных накатов и ускоряющегося с каждой минутой течения. Всем телом припав к носу суденышка, Бард все еще удерживал в левой руке медный фонарь стараясь хоть как-то высветить берег, но опустившаяся на путников непроглядная тьма словно поглотила округу. Тем временем лодка, в очередной раз опасно качнувшись и скорбно оскребясь о торчащие из реки скалы, стала набирать воду через раскрывшиеся в боках черные щели.

— Черпай, черпай! — скомандовал Сид, все не отпуская вёсел и бешено ими орудуя.

Бард было хватился черпать, но тут лодку бешено подбросило в воздух. Со страшным хрустом лопающейся древесины, тщедушное суденышко рухнуло на выдающийся из воды остроконечный булыжник и тотчас разомкнулось огромным проломом, через который мигом захлестала вода.

— Берегись! — закричал Сид бросая вёсла и кинулся было к Барду, но мгновение спустя оба очутились посреди бушующего потока. Бард чудом зацепился за выпрыгнувшую из лодки деревянную бочку, ну а Сид, вынырнув из пучины, судорожно ухватился за пояс Барда.

— Держись старина, — булькнул Бард сквозь застилающую рот воду, — Нельзя тонуть! Сид, кое как вскарабкавшись на бочку посиневшими от холода руками, послушно кивнул. Путников вертело озверевшим потоком, осклизлый от воды бочонок то и дело норовил по-змеиному извернуться и уйти из-под слабнущего хвата людей. Оба тихо молились о какой-нибудь спасительной коряге или хотя-бы о плоском валуне, на который река буде на то её воля могла бы их безопасно закинуть. Но поток только ускорялся, ярясь грозным рокотом падающей с высот воды и гулким воем мрачных крутовертей.

— Держишься? — спросил Бард.

— Угу, — молвил Сид, чувствуя меж тем, как из немеющих рук уходит сила.

— Держись, не пускай! — Бард ободряюще взглянул на Сида, тот тихо ухмыльнулся и кивнул. Аккуратно приподняв голову и выглянув из-за бунтующих волн, Бард осмотрелся: выкатившийся на небо месяц слабо осветил округу, ему вдруг показалось что где-то впереди замаячила пологая скала.

— Ну-ка, лево руля, — скомандовал Бард, — Ногами работаем! Скала впереди, авось зацепимся.

Оба мигом забили ногами, даром что Бард в существовании этой скалы уверен не был — мало ли что примерещится в ночи! Поток тем временем усилился и бочку понесло пуще прежнего, но теперь уже явственно замаячила впереди скала, чернея гладкими, скособоченными боками. Еще один миг — и бочку зацепило особо яростной волной, но поперек самых мрачных ожиданий не повлекло к бушующим впереди перекатам, а наоборот — как следует подбросив, со всей силы шваркнуло о краешек спасительной скалы. Протяжно скрипнув, деревянный бочонок разлетелся на мелкие щепы, спасенные-же путники вцепились в осклизлые от тины камни и, ощутив под собой твердую почву, поползли наверх, подальше от свирепой реки. Буквально через сажень скала окончательно выровнялась, обессилившие путники распластались на все еще теплой от летнего солнца каменистой поверхности и незрячими глазами уставились в тусклую от полумесяца ночь. Провалившись в полубеспамятстве с пяток минут, первым на ноги вскарабкался Бард и, все еще раскачиваясь от слабости, аккуратно побрел вдоль скалы. Идти, правда, далеко не пришлось: скала заканчивалась аккурат через десять шагов, обрываясь отвесной стремниной у подножья которой вращались белые от пены водоверти. Левый берег, впрочем, лежал недалеко — шагах в двадцати, но добраться до него со скалы было невозможно — подход сторожила коварно бурлящая река. Сложив ладони лодочкой и приложив их к губам, Бард протяжно крикнул:

— А-уу!

— У-у-у! — ревом отозвалась река.

— Эй! Кто там? — следом послышался чей-то незнакомый голос. Насторожившись, Бард наострил уши и стал вглядываться в темноту.

— А-уу! — вновь крикнул он, — Эй, кто там есть в темноте! Отзовитесь, на помощь!

— Человек! — вторил голос с берега, — Не вижу тебя! На воде ты или к скалам прибило?

— На скале! — ответил Бард, — Лодку перевернуло, спасай!

— Ты один?

— Двое!

— Держитесь! — ответил голос, — я за веревкой схожу!

Голос затих и Бард, постояв на краю скалы с минуту другую, спустился обратно к Сиду. Тот продолжал лежать на камнях, с виду не подавая признаков жизни, но слышав приближающиеся шаги аккуратно приподнял голову:

— Кто это? С кем ты там говорил?

— Почему знать, — ответил Бард, — Но только он обещал нас отсюда вытащить, а там уж посмотрим — друг или враг. Сам-то как, цел?

— Цел, — буркнул Сид, — Правда потрепало не слабо, до сих пор вода в горле комом стоит.

— Артефакт? — спросил Бард, принизивши голос.

— Тут он, проклятый! — простонал Сид, хлопнув ладонью по привязанному к поясу кошельку.

— Жаль его водой не сорвало, — молвил Бард с горькой ухмылкой, — Тогда бы с нас взятки гладки. Извинились бы перед стариком Исгаротом: так мол и так, беда, постаралась злая стихия, не обессудь-же теперь — да и отправились бы мигом к пиратам, чтобы подальше от этого острова увезли.

— Ты лучше думай кто это там на берегу караулит, — проворчал Сид, — Кабы не твои заморские приятели.

— Нет уж, — усмехнулся Бард, — Этих-бы я узнал, пусть даже и в темноте! Ну и следом в реку головой вперед бултыхнулся — уж лучше рыб кормить чем извергам этим прислуживать. Но — чу! Что там?

Со стороны левого берега послышался шорох и плеск. Стоящий подле берега незнакомец замаячил факелом и, приложив к губам свободную руку, окликнул путников:

— Эй там, на скале! Видишь меня?

— Вижу! — хором ответили путники.

— Хорошо! Идите тогда к самому краю, я до вас веревку доброшу. Есть её к чему привязать?

— Разыщем, мил человек! — крикнул Сид, — Ты покамест швыряй, а молодой вот поймает.

Аккуратно уложив на землю факел так чтобы тот не затух, незнакомец раскрутил над головой веревку и, как следует прицелившись, метнул её через реку. Серебряной лентой мелькнув над потоком, толстый конец веревки громко шлепнулся о кромку скалы, где был тотчас схвачен ловкими пальцами Барда.

— Поймал? — крикнул незнакомец.

— Поймал! — ответил Бард, — Сейчас найду к чему-бы приладить. Длины сколько?

— Саженой двадцать, не меньше!

— Сойдет, — сказал Бард и поволочив за собой веревку, стал осматривать скалу.

— Тут вроде есть выступ, на самом верху, — молвил Сид, указывая на выдающийся с противоположного края скалы камень.

— Да, но, если к нему приладить — высоко выйдет! По воздуху придется ползти, не

страшно?

— Страшно, но всяко лучше, чем по воде, — ежась ответил Сид, — Да и выбирать нам особо не из чего. Узлы умеешь вязать?

— Только для лютенных струн, — пожал плечами Бард.

— Хо! Давай-ка лучше я, а то неровен час обратно в реку сыграем, — ухмыльнулся Сид и, подмигнув Барду, двинулся к выступу. Через пять минут веревка была надежно прилажена и спутники, подойдя к краю скалы, окликнули стоящего на берегу незнакомца:

— У нас все готово, твоя очередь!

— Что-то веревка слишком поверху пошла, сейчас разыщу деревце с ветвями повыше! — ответил незнакомец и, подхватив свой моток, проследовал вглубь берега. Свет его факела померк, путники вновь очутились посреди угрюмой темноты и стали было воображать что незнакомец — вовсе не явь, а какой-нибудь речной дух или призрак разыгрывающий с ними злую шутку. Лишь только натягивающаяся над бурным потоком веревка свидетельствовала о подлинной телесности происходящего. Минут через пять веревка перестала шевелиться, из-за реки прозвучал торжествующий голос:

— Эй там! У меня все готово, можете ползти.

— Чур ты первый, а я за тобой! — сказал Бард.

— Ну уж дудки, — ответил Сид, — Ты молодой и ловкий, через реку перелетишь бодрым жаворонком! А я буду ползти долго, как жирная гусеница по капустному листу, и если поперёд тебя пойду — только заминка выйдет. Так что твоя очередь первая, а там уж я как-нибудь дотелёмкаюсь. Если и ухну топором в реку, то не жалко, значит на то и судьба состряпана.

— Но-но!» — Бард похлопал Сида по плечу, — Выше нос, и не вздумай купаться. Вода нынче студеная, да и во второй раз пожалуй не вытащу.

— Может и в первый раз не стоило вытаскивать, — добродушно усмехнулся Сид, — Ну-тес милсдарюшка, с Богом!

Переправились без особых приключений, даже страшась высоты Сид не замешкался и одолел канат почти-что с паучьим мастерством, спешившись чуть-ли не сразу после Барда. Стоя ногами на твердой земле, оба путника тотчас воспрянули духом и, поблагодарив незнакомца спасителя, принялись его с любопытством расспрашивать:

— Уж не думал я что в этой глухомани живую душу встретим, да тем паче в такое-то времечко! — молвил Сид, показывая пальцем на висящий под небосводом полумесяц.

— Я, право, тоже не думал, — живо ответил незнакомец, — Только слышу треск какой-то с реки идет, и вроде как с голосами человеческими вперемешку. Нешто, думаю, каких-то бедолажных к порогам принесло, экая проказа! Ну и подошел к речке, а там уж и расслушал как вы с кипака кричать начали. Как-же вас батюшки до сюда доволокло, ведь старая пристань в четырех верстах выше по течению.

— Припозднились мы, — ответил Бард, — А ночью в этих краях оказывается ни зги не видно: ущелье узкое и утесы как стена!

— Да-а, — кивнул незнакомец, — Но слава Богу, все ладом обернулось. Докудова путь держите, может вас обратно до пристани проводить?

— Будем очень благодарны, — поклонился Сид, — Но, пожалуй, утром пойдем, тем паче что спешки никакой нет, а я-то на ногах еле стою. А ты, выручитель наш добрый, не из углежогов-ли будешь? Слыхивал я что в тутошних краях делают угольный промысел.

— Нет, — ответил незнакомец, — Это раньше промышляли, но нынче в этих лесах

только я и бываю. Зовут меня Драгомир, я — вольный охотник, один из последних среди этого одичалого края.

Вежливо поклонившись, путники назвали свои имена и еще раз горячо отблагодарили охотника за помощь и спасение.

— Коли до пристани утром пойдем, нонче приглашу заночевать на моей охотничьей стоянке! — громко молвил охотник. — Удобства у меня, конечно, мало, чего уж душе греха таить! Но зато сухо, костер теплым огнем пышет, покушать-попить разной лесной всячины есть, да и речные зудни не докучают. Так что, коли скромным ночлегом не побрезгуете, господа мои трактирщик и бард, то добро пожаловать!

Скоро добрались до Драгомировой стоянки, от которой и вправду веяло простым, но домашнему пригожим уютom. Утомившиеся и порядком потрепанные путники мигom разомлели, покойно устроившись на длинных деревянных лавках подле костра. Вольный охотник потчевал их мясной похлебкой, подливая в деревянные кубки на редкость пряное вино которое, очевидно, сам настоял на ягодах лесной голубики. По окончанию трапезы всех сразу-же поволокло в сон. Пожелав новым знакомцам приятных сновидений, охотник удалился в свою палатку и, растянувшись на ложе из звериных шкур, по-богатырски захрапел. Сид с Бардом, укутавшись в шкуры, остались ночевать подле костра, прежде бережно развесив на ниспадающих ветках порядком вымокшую одежду и обувь.

— Ты это, — сквозь сон протянул Сид, — спасибо что выручил меня там, на реке. А то пошел бы ко дну не хуже топора и... *тово*. Ну, а коли выберемся из этой передрыги, то я тебе в подарок лютню справлю, самую лучшую на этом острове, из вишневого дерева! В городе закажем, в самом Хоринисе, у многоопытного мастера Торбена, а струны пусть лучник Боспер накрутит из кишок кротокрыса, чтобы тонкие были как девичьи ресницы, но прочнее паладинской стали. Так-то! Будешь музыку играть, как прежде в таверне, и добра наживешь немало — за твою музыку тебе мигom гору золота навалят и еще в долгу останутся, эх! Ты уж прости меня, если я с тобой слишком горячо полаялся об этом... как его... Некроманте, чтоб его леший сегодня-же задрал. Мы вот — смешные-же люди, мудро рядили как будущность мира обустроить, а сами пороги проворонили и, как последние ротозеи, чуть на дно не пошли. А вот коли пошли бы змеям речным на корм, то мир и не заметил бы вовсе! А мы о его судьбах не хуже старой судомойки трещали, эх.

— Кто старое помянет, тому и жабры вон! — тихонько засмеялся Бард, — Но от новой лютни я, пожалуй, не откажусь, тем более что старой лютни мне не видать, как ушей без зеркала. Ну а мир как-нибудь в следующий раз обустроим, может даже обойдемся без мудрых советов Некроманта. Мы теперь сами — сомы с усами! Доброй ночи старина, хлебнули-же мы лиха.

Под раскидистыми кронами деревьев, баюкаемые мерным потрескиванием костра и шелестом благоуханных лесных трав, уставшие путники спокойно заночевали.

Глава Тринадцатая — Дорога на Юг

Проснулся старина Сид после рассвета, отринувши от себя внезапно накатившую тревожную дрему: ему показалось что где-то за деревьями зазвучал голос отца Исгарота, взывающий то-ли о помощи, то-ли молящийся Богу, но самого Мага видно не было, а над округой будто бы разбушевался невесть откуда взявшийся шторм. Разомкнув глаза и резко подскочив на ноги, Сид вслушался в утреннюю тишину: роме гомонливого щебета утренних птах и отдаленного плеска реки ничего не было слышно.

— Доброго утречка, привиделось чего? — раздался бодрый голос Барда. Как следует выспавшись на свежем воздухе, молодой менестрель пребывал в великолепном расположении духа, уплетая зажаренную на углях яичницу. — Иди лучше сюда, угощайся: вкуснятина — пальчики оближешь!

— Доброго и тебе, — ответил Сид, — Яичницу-то где раздобыл? А ведь и правда, запах-то какой — вот бы тебя в мой трактир поваром, озолотились бы оба!

— Да тут вот, неподалеку, нашел гнездо горного кеклика. Жаль саму птицу заарканить не удалось, но и так сойдет для простого завтра — ты подсаживайся лучше, пока не остыло.

— Скорее уж пока не пропало, — усмехнулся старина Сид, — Эдакая ты у нас молотилка, милсдарь Бард! А благодетель-то наш, охотник Драгомир, нет его что ли?

— Отбыл, еще до рассвета, — буркнул Бард с полным ртом яичницы, — Силки проверить на зайцев. Сказал, что до полудня вернется... мм! Нет вкусней лесных даров угощенья, давно я так пригоже не завтракал!

Сид улыбнулся и молча кивнул головой, по правде говоря завтрак и ему пришелся весьма и весьма по вкусу. Поглядывая на выдающиеся из-за кроны деревьев кусочки синего неба, он рассудил что день выдастся погожий, даже чуточку жаркий, поэтому до полудня можно не спешить и как следует поднабраться сил.

— Жаль только нет ничего запить, — молвил Сид, по-солдатски утирая губы походным носовым платком.

— От чего-же нет, — возразил Бард, — Я с утра заварил бодрящего цветочного напитка, с ягодой! Не мёд конечно, но и не многим хуже.

— Цветочный напиток? — раздался из-за кустов голос неслышно подошедшего к лагерю охотника, — Вот уж где мастер на все руки! Будет чем дичь печёную запить. — Из охотничьей сумы Драгомира торчали мохнатые заячьи уши. Привстав с лавок, Сид с Бардом поприветствовали новоприбывшего.

— Удачно, я погляжу, поохотился! — заметил Сид, поглядывая на суму.

— Так себе, тощие попались побегайцы. В лесах на том берегу реки всяко пожирнее бывают, а тут им волк поганый продыху не дает: стекаются голодные стаи с южных отрожин и наводят шорох по всему лесу. Но грех браниться, голод — он и волчьему брюху не тётка, оттоль и бежит дикий зверь к сытым краям.

— А что, тутошние юга дичью разве не богаты? — поинтересовался Бард, — С чего-бы волкам голодать?

— Богаты-то богаты, да победнее заречья будут, — задумчиво молвил охотник, — Ведь лес этот только подле реки плотный, а стоит отойти версту-другую на юго-запад как сразу заметишь большущую разницу: земля там скудная от холодных ветров, из деревьев только падубок пробивается и чахлый грабняк местами, ну а с западных предгорий

спускается лютый зверь, которого волки пуше смерти страшатся, оттоль и бегут.

— Что-за звери такие? — спросил Бард, подавая охотнику кружку с теплым напитком.

— Остеры, глорхи, скалистые бритвозубы, чёрные варги и прочая страшная нечисть, прущая от горных границ с Миненталем. Далеко не каждая охотничья дружина сдюжит в тех гиблых местах, ну а одному туда соваться — значит смерти бесславной искать. Но раз мы заговорили о дороге, то уж так и быть спрошу — сами-то куда путь держите?

Бард было замялся, не желая раскрывать подлинную причину похода, но слово тотчас перехватил Сид.

— Велено нам Магов Воды разыскать, что обретаются на востоке, подле каких-то там древних развалин. Дело неотложное, а поручил его сам отец Исгарот — настоятель Часовни у монастырского тракта. Слыхивал о таком?

— Еще как слыхивал, — радостно молвил Драгомир, — Милостивый этот отец — лучший друг всей охотничьей братии! Уж и не счесть сколько раз он врачевал мои раны: помниться в прошлую зиму ужалила меня болотная муха, да так поганно ужалила что кабы не отец Исгарот — сгинули-бы мои косточки от лихорадки. Но добрый отче особым умением поврачевал и отвел недуг, будто я и не хворал вовсе, как сызнова родившись из Часовни вышел! Значиться, вы его посланники — благословенны будете за поручением такого доброго человека. Но путь до обиталища Магов Воды далекий, да и занесло вас совсем не в нужную сторону.

— Да уж, по глупости проворонили мы поворот и на пороги налетели, — молвил Сид, — Теперь вспять к пристани выбираться надо, ну а там через реку — и айда на восток!

— Обещал я вам до пристани довести и проводил-бы немедля, — сказал задумчиво охотник, — Но вот поди ж ты, довольно странная приключилась утром история! Пока вы тут спали, я еще до рассвета за дичью побрел и почти что к пристани подобрался, точнее — к небольшой дубраве над пристанью. У меня там тиски были расставлены — то бишь на зайцев, только зря старался: ушастых и след простыл, а что добыл — тех на обратном пути удачей присуропило. Ну так вот, осматриваю я значит ловушки свои непутевые, как вдруг чу — голоса! Схоронился я мигом что твой русак длинноухий, бо знамо — люди в нашу глухомань редко забредают и всегда с каким-нибудь эдаким почином, так что всяко лучше исподволь присмотреться а головы на чужой глаз лишний раз не казать. Голоса меж тем громкие, зычные, с пристани легким ветром несет: дай-ка думаю подойду поближе, полюбопытствую, благо тропинка неприметная к реке сбегает аккурат в камышняк, так что подойти можно хоронясь, а там уж и весь берег как на ладони.

— Ну и кого-же ты в итоге рассмотрел? — нетерпеливо перебил Бард.

— Шесть человек всего, — ответил охотник, — Впрочем четверых я мигом разобрал — бандиты, беглые каторжане из проклятой долины: ихнего брату по глушобам немало бродило в недавнюю пору. Но вот оставшиеся двое, спутники ихние — то говорю вам загадка, впредь никогда такого люда не видывал! Точнее, видывал — как не видывать на Хоринисе-то чужаков-южняков, только люди это обычно до торговли охочи, оттоль дальше городских стен не ходят, ну а тем более что в эдакую лихомань — какой тут может быть ханделяж?

— Дай угадаю, — угрюмо молвил Бард, — Значит двое, говоришь, из чудного ларца: низкорослые, кряжистые, в черных одежах с алыми кушаками, на поясе каждого — по здоровенному ятагану, говором — гортанны, да и в целом выглядят крайне недружелюбно, что лучше и близко не подходить. Ну как, угадал?

— Угадал! — изумленно воскликнул охотник, — Но... так значит, это знакомцы ваши?

— Леший бы побрал этих знакомцев! — сквозь зубы процедил Сид, — Вот уж кого, так этих лихоимцев на пристани не должно быть, но раз есть — то значит сплеховали наши дела, не удалось отцу Исгароту врага задержать, прошла тать как вода через сито! Тут уж, право дело, и нам впору пятки маслом смазывать пока голова на плечах стоит.

— Так я и знал, — Барда одернуло дрожью, — Странно только что с этими двумя нет и третьего, главного, сам знаешь кого.

— Видно решил, проклятый, что подручные и без него справятся!

— Значится угодили вы в немалый переплет, — выговорил охотник, — Ежели злодеи эти по ваши души. Но друзья отца Исгарота — они вестимо что и мои друзья, так что одних я вас тут не оставлю. Велено вам значит Магов Воды разыскать, так? Ну а раз велено то к ним и пойдём, правда о прямой дороге придется забыть. Но оно может так даже и к лучшему — кто торной дорогой пойдет, к тому сугонь быстрее подгребёт! Да мне, по правде говоря, не лишним было-бы у магов тех поврачеваться. Пошел бы конечно и к отцу Исгароту но видимо не разыскать его больше подле старой Часовни.

— Отец Исгарот с нами шел, — добавил Сид, — Только вот решил у моста покараулить против погони... эх! Освяти господь его душу, добрее него на острове не водилось человека!

— Чуется мне что рано ты отца нашего доброго хоронишь, — возразил охотник, — Но как-бы то не было, собираться надо сейчас. Я-то, конечно, прежде чем сюда воротился следы запутал как следует, сообразно следопытской науке, но эти ведь тоже — чай не лыком шиты, разыщут в итоге нашу стоянку, да и время поджигает: на ту сторону реки отсель никак не переправиться, поэтому сообразим крюк через южные откосы, а после сразу возьмем на восток — там уж и маги.

Быстро покончивши со сборами и наполнив баклаги прохладной водой из реки, путники спешно начали всход и уже к полудню оставили за спиной поросшие густым лесом приречные склоны. Быстро кончились богатые тенью и прохладой буковники, в лицо подуло колючим юго-западный ветром, весь день взбирались они по изрезанному оврагами косогору то и дело нарываясь на непроходимые осыпи и глухие обрывы, которые приходилось подолгу обходить, изыскивая кажущиеся невероятными тропы. Порядком притомившись, к вечерней поре путники притулились подле устья неприметной ложбины, которая словно проделанный человеком водоток врезалась в окрестные скалы, полого поднимаясь вверх и огибая огромные, поросшие рыжими мхами и лишайником валуны. Костров рассудили не жечь, поэтому подкрепились всухомятку. Иссушенные южным ветром глотки спасала лишь холодная речная вода, которую, впрочем, решено было строго экономить из-за очевидной сухости края. Солнце меж тем опустилось, скрывшись среди ребристых кряж, со стороны Миненталя потянуло морозным ветром. Скучившись и плотно закутавшись в припасенные охотником шкуры, путники попытались уснуть, но не смотря на усталость сон все никак не приходил. Казалось, будто бы на округу опустилась некая вередящая сердце тяжелая пасмурь.

— Скажи, Драгомир, — молвил Сид, постукивая от холода зубами, — Ты всегда охотой промышлял или была у тебя какая-другая, прежняя жизнь?»

— Охотником уродился, — кивнул Драгомир, — Но жизнь все-же была другой покудамест в городе работал, при мастере Эгоне — это который до мастера Боспера гильдией ловчих заведовал. То были добрые времена, еще до войны, а как началась валка — так я из города ушел, подальше от суеты. Но, если уж всю правду выкладывать, то из города

меня не сколько суета, сколько безработица выжила. Даром что мог-бы жить безо всяко промысла — благо наохотился я в свое время на тугую мошну с золотом, знай живи себе припеваючи, в ус не дуй, но только я такого не умею, вот и ушел.

— Безработица? — удивился Бард, — Вот уж не думал, что она и охотников косит — казалось бы вот он, бесконечный лесной промысел!

— Кого только не косит, — проворчал Сид, — Я третьеводни десять пар башмаков износил, с ног сбился да так и не нашел никакой работенки в этом распроклятом городе, чтоб его леший! Видимо все прахом пошло и дальше делается только хуже. Но, право дело, взаправду не мог подумать что и охотников нынче невзгода сваливает. Как это вышло что работы нет для вашего брата?

— А так оно вышло, — понутив голову молвил Драгомир, — Ведь прежде как было: в Хоринисе ловчим промыслом гильдия верховодила, мудро магистром Эгоном управляемая, гильдия-же и распорядилась всеми делами сообразно «Книге Охотника» которую в былые времена составил знаменитейший Кастор — главный егерь Робара Святого. Ну, покуда жили и промышляли по Книге то никакой беды не бывало — всяк знал, что ему делать: когда охотиться, на кого зверя, в ужоую-ли пору да за каким трофеем, ловушку где ставить, как тиски срабатывать, и прочая с прочими. Но, что, пожалуй, важнее, всякой охотник с семейством ощущал уверенность в завтрашнем дне: уверен был старый, отошедший от дел егерь что молодой его сын не помрет без прожитка, уверен и молодой, зная, что при гильдии его всегда ждет справная работа. Почему? Потому что гильдия! Она уж распорядится, каждому охотничьего дома отроку долю промысла отмерит, выделит справедливо чтобы нестряслось голода, лихой нужды, или ссоры между соседями. Ведь гильдия — это суть братство! Со своим правилом разумеется, с суровым и крепким законом, пошлины тоже обязательны с прибýtка, но основа всего — забота о благе всеобщем, всеобщая-же суть забота. В общем так оно у нас было заведено, покамест на остров не заявился проклятый губернатор Лариус и одним росчерком пера все это дело не похерил. Гильдию упразднили за якобы ненадобностью, охотничий-же промысел перепоручили разномастным хандельникам. Что-же тут началось! Хандели смекнули по-свойски, сообразно купецкому разумению, и измерив труд наш товарным мериллом перестали давать работу. Ведь так оно у торговцев в ихних законах прописано: «дабы купить работу задешево не спеши давать её люду, лучше-же отними — тогда она и подешевеет!» С той поры и стала нашего брата безработица грызть, иным-же сразу заявили, дескать, лишние вы руки: тот трофей, что вы тут добываете потратив червонец, охотник на Лондрам или Архолос добудет всего за медяк! Кому-же такого надобно? «Нет в вашенском труде торговой отдачи, оттоль нет прибýtка, посему и катитесь, охотнички, вниз с горы да на голой заднице!» Только проклятый Лариус с торговцами спевшийся со всего этого дела наживничал: они ему мешок золота через заднюю калитку, он им — нужный указ с подписью на стол. Вот и ушел я из города, от мерзости этой подальше, от греха препаскуднейшего!

— Что-же деецца с миром! — вздохнул старина Сид, — Словно откуда ни возьмись выплодилась напасть и, что твое облако саранчи, знай лютует над каждым полем и домом. Откуда оно только берется, все это злодейство!

— Вестимо откуда, — буркнул Драгомир, — То ведь ясно от чего наши беды. Хватит прошлого вспомнить, а там уж и колода трухлявая докумекает — от чего!»

— От чего-же, по-твоему? — полюбопытствовал Бард, растирая замерзшие ноги.

— Все вам, городским жителям, растолковывать надо! — усмехнулся охотник, — А ведь

говорят городской люд мудрее сельского, только на поверку оно всегда изнанкой выходит. Я тебе так скажу: много на свете бед, а сколько у бед корней — то даже самому первому мудрецу не сосчитать. У оной беды, о которой толкуем, главный корень из расхлябанности вытягивается: миром пресытившись стали люди не твёрже хлебного мякиша, уповая лишь на неведомые высшие силы, меж тем особливо не задумываясь как оно будет, коли силы эти кто беспорядком раздавит. После кончины Робара Святого, на Миртанский престол вскарабкалась гладкобокая праздность. И ведь так оно обычно бывает, каждый раз когда царство людей из горнила войны, из под знамен ратной дисциплины, перетекает в сложерую, сытную пору беспечного мира. Сытость порождает разноголосицу, разноголосица — несогласие, несогласие-же — новую войну, к которой праздный мир оказывается неготовым.

— Правда твоя, охотник! — негромко молвил Сид, — Я ведь прекрасно помню как в Миртане, даже и в моей-то Сильденской глуши, расплодилось невесть откуда взявшихся всяческих говорунов, хвостников и шептальщиков. Ходят от села к селу и шипят, злые кривотолки разносят, ну а простому мужику разве другого надобно? Развесит мужик уши лопухом, слушает выставив жадно язык — вот она значит, страшная правда, вот оно что от люда простого власти скрывают! Слушает мужик колобродам на радость, впитывает своим коротким умишком каждую крупичу кривды, а потом и сам начинает как попугай её повторять, изначально-же вранье сторицей приукрасив. Ну а что-же в это время делает наш сельский староста? А вот что: либо ворон за околицей считает, либо хмеля нализавшись дрыхнет на сеновале! Нет чтобы мигом к бурмистру с докладом, дабы тот повелел шептунов этих разом выловить и языки их поганые горячей кочергой поприжигать, но нет же: чуть что стрясись — ответственных нету! Чья хата — с угла, а чья — с краю, о порядке знать ничего не хотят, да и слыхивать тоже. Вот и развелось всяческих болтунов-Некромантов, от них и всё зло.

— Некромант? — сонно молвил охотник, — Где-то я это имя уже слышал. Вроде какие-то люди заморские бывали в Хоринисе... ох, всего и не упомнишь! Но отдыхать нам надо, а не лясы точить, завтра дай Бог если двадцать вёрст прошагаем и свернем под конец на восток, подальше от тутошной пустоши.

— Погоди-погоди, — оживился Бард, — Что там было говоришь с Некромантом? Я можно сказать, о нем смолоду сильно наслышан и силюсь каждую весточку собрать. В Венгарде Некромант известен — точнее не повсюду в Венгарде а только среди ученых людей. Сиду вот уже рассказывал про его знаменитые записки.

— Может больше не надо? — тихо простонал Сид, — А то ведь в прошлый раз, когда об этой гадине речи тянули, чуть было на дно речное не ушли! Ох не к добру это все.

— Да ладно тебе, — отмахнулся Бард, — Лучше пусть охотник опять свое расскажет.

— Я мало что помню, — потянулся угревшийся в шкурах охотник, — Давно это было, еще в моем отрочестве. Приплыла значит в Хоринис заморских скоморохов ватага со своим балаганчиком, расставили на торговой площади большие шатры с красными полосами, ударили резво в медные тулумбасы, заныли смычками по скрипкам — в общем, балаган на выезде да и только! Ясно дело весь город сразу на уши встал слетевшись смотреть, ну и я вместе с остальными, было мне лет тринадцать, не больше. Вечерело, факиры фокус казали с огнём и факелами, колесом ходили разукрашенные гистрионы, была даже какая-то округлая баба с южняцким попугаем который вроде гадать умел, да ничего путёвого не выгадывал. Но тут зазвенели струнами лиры, на сооруженный из яблочных ящиков помост пёстрой гурьбой

выкатились глумы, из палатки за помостом выскочил похожий на кузнечика человечек и визгливым голосом возвестил: сейчас будут показывать театр, разыгрывать пьесу написанную «самим великим Некромантом»! Вот тогда я это имя впервые услышал да больше ни разу не слыхивал.

— А пьеса-то о чем была, это хоть помнишь? — нетерпеливо спросил Бард.

— Дурь какая-то, — буркнул охотник, — Людям быстро наскучило и, поплевавшись, кто постарше ушли в тратторию старого пивовара Бальдура, которая теперь за молодым Корагоном. Только детвора вроде меня и осталась, правда мы ничего из этой пьесы не разумели. Но коли желаешь, могу её тебе по памяти пересказать.

Бард жадно закивал приготовившись слушать, старина Сид только вздохнул и, укутавшись шкурой до самой макушки, прикинулся спящим.

— Значит так, — молвил охотник, — Начиналось действие с того, что некий молодой солдатик отставший от королевского войска забрел в неизвестный городишко, вроде как приморский. Солдатика, кстати, изображал какой-то маслянистый, пучеглазый хлыщ — вовсе на человека военного не похожий. Ну так вот, бредет солдатик по городу, видит — церковь стоит, Инноса храм, из-за стен служба доносится. Дай-ка думаю загляну, заодно и с горожанами почеломкаюсь. Заходит значит, а там уж идет богослужба, граждане чинные восседают — кто познатнее а кто победнее, подле кафедры — почтенный Маг Огня, а за кафедрой — проповедник молебен чтёт. Но вот поди ж ты: проповедник сам — нагий, стоит над приходом в чем мать родила, чреслами голыми потрясывает, но меж тем никому до этого дела нет, будто оно так и положено! Подбегает солдатик к Магу Огня, говорит: — как это так, почему чтец ваш голый? Почтенный Маг лениво поднимает глаза, смотрит на кафедру: — Да, — говорит, — и правда голый. Ну и как ни в чем не бывало продолжает чётки перебирать. — Значит так оно у вас тут заведено, будьте вы все прокляты! — страшно кричит солдат и выбегает из храма. Думает он из проклятого этого города смыться, да только пить очень хочет, поэтому и залазит в корчму, а корчма тоже по-своему чудная: под потолком с визгом летают вроде как гарпии — уж и не разобрать что эти дураки из тряпок и палок понавыкручивали; ну а корчмарь на кривых ходулях подскакивает к солдату, разливает пиво, и вместо закуски подает его, солдата, голову под королевским знаменем! Опять крик, опять какие-то скаженные пляски, солдат в исступлении выхватывает деревянный меч и было порубает корчмаря, но тот ловко уворачивается и, просовывая голову в петлю, сам-же себя вешает и корчась подыхает. Тут кто-то выпустил на помост поросёнка и театр было прервался, но животину вскоре изловили а игру, значит, продолжили: из корчмы солдатик каким-то бельмесом оказывается в пещере, где его встречает тот самый Маг Огня из храма и тащит смотреть диковинки из которых-де составляются хроники Миртанийского королевства: на помост заносят вроде как статуи Инноса, но с приставленными срамным образом цицерями и круглыми задами, следом заходит какой-то расплывшийся от сала пригудник называя себя Робаром Святым, а вокруг него голые девки пляшут с пряничными куклами в руках. Куклы эти изображают невинных Миртанийских младенцев, которых названный Робаром проходимец тотчас выхватывает из рук пляшущих баб, заталкивает пригоршнями в слюнявую пасть, и с жадным чавканьем пожирает. Под бамканье тамбуров и визгливый лай лир замаранного липким крошечком толстяка спроваживают со сцены, на его место восходит трое слепых стариков. Облаченные в цветные хламиды — одна черная, другая красная, третья-же синяя, они изображают трех Богов: тут кстати кто-то метнул на помост прокисшую репу, от воня которой сделалась короткая свалка. Ну да в общем: со

страшным воем вертятся старики, вокруг них бегают все те-же бесстыдные бабы и вытряхивают из мешков бараньи кости, а старики знай резвятся, хохочут, по костям дикими козлами отплясывают. Заканчивается эта скотоволока тем, что солдатика ловят приставы и волоком тащат в город, дабы судить за вымышленное убийство корчмаря. Солдат воем не хуже тех стариков, но вооруженные дрекольем горожане привязывают его к огромному белому дубу, с раскидистых ветвей которого свисают королевские знамена и хоругви. Идет суд, наряженный в мантию мирового судьи горбоносый карлик что-то гнусаво лопочет, из-за занавеса вылетает худая корова и, громыхая мослами, начинает бодать деревом. — Вали дерево, это дерево виновато! — верещит судья, горожане очертя голову кидаются на несчастный дуб и, круша ветви, чуть-ли зубами его не грызут. Со страшным треском дерево падает, освободившийся солдат встает на ноги, но тут невесть откуда слетаются все те-же тряпичные гарпии и увлакивают солдата в огненную бездну, на том и конец.

— Однако, — зацокал языком Бард, — Довольно храброе представление!

— И слушать гадко, — проворчал из-под шкур старина Сид.

— Я тогда мало что разобрал, — задумчиво молвил охотник, — Только бесстыжие девицы приглянулись, уж больно хорошие были! Оно-то конечно понятно что крамола, только какой с неё толк? Так, гусей подразнить. Но все-ж напрасно остался смотреть: хоть молодой и глупый — а ведь сказано не ходить на собрания нечестивых и ротозействовать праздно. Скоморохи эти потом вскорости исчезли, но говорят прежде дали пару закрытых представлений в верхнем квартале, для вельмож. Небось там-то уж изгадились до самой макушки, полымя из ноздрей и дым коромыслом!

— Да-а, — мечтательно протянул Бард, впервые за всю прошедшую неделю ему позарез захотелось раскурить хашиша. Разумеется, он понимал, что от описанного охотником балагана за версту разило какой-то мутной дьявольщиной, но тем не менее подобные действия казались ему проявлением невиданной дотоль храбрости — лихой, сумасбродной бравады, способно на которую только богатое творческой мыслью меньшинство, сознательно бросающее вызов затхлым народничьим устоям. Подумать только: голые бабы подле Мага Огня, положенный на престол рыхлый пьянчуга, трухлявые старики в божественном сане, разлихой шум, цвяканье кимбалов, козлиные кости и дикое бляенье! То ведь не вымысел даже, а отблески нового, дивного мира, за полной картиной которого высился незыблемый авторитет Некроманта. Голова Барда кружилась от соперничающих мыслей: с одной стороны его душило необъяснимым восторгом, с другой-же донимал трезвый голос осторожности, подсказывающий что за всеми этими делами должна прятаться какая-то хитрая подтасовка, некая кривизна нарочито притворяющаяся игривой личиной. Бард недовольтно поежился, вновь возвращаясь к мутным образам восторга от которых на сердце всегда становилось приятно. Укутавшись потеплее и целиком уйдя в тешащие душу мысли, он вовсе перестал замечать что ночует среди негостеприимных земель Хоринисского крайнего юга где, за пологими хребтами и истрепанными ветром скалами, средоточием немого ужаса возлежала страшная Долина Рудников.

Глава Четырнадцатая — Разброд

К утру над неуютным укрытием путников забрезжил слабый, серовато-белый восход. Ветер приутих, но за ночь из-за южных склонов надуло целый ворох влажных облаков. Угрюмо повиснув над округой, они с первыми лучами рассвета стали выпадать промозглой моросью, заволакивая пологие низовья и балки непроглядными клубами туманом. Продрогнув до костей, старина Сид нехотя повернулся на бок и закричал: сильно ныла спина, уставшие за прошлый день ноги вместо отдыха будто налило свинцом. Всю ночь он вертелся на каменистом ложе попеременно теряя сон, а если и забываясь — то ненадолго, да и с какой-то мутной тревогой на душе, которая ни на минуту не отпускала. Пуще прежнего тревожил его загадочный черный камень: лежащий мертвым грузом в подпоясном кошельке артефакт будто бы просился на волю. «Он очень голоден» — вспоминал Сид слова отца Исгарота и его последующую тяжелую болезнь, которая наступила сразу после той памятной магической схватки. От этих воспоминаний тревога давила только сильнее.

Бард между тем чувствовал себя привычно бодро, с невзгодами дороги и непогодой помогала справляться закаленная молодость. Проснувшись раньше Сида и заметив, что охотник опять отлучился, он выполз из-под одеяльных шкур и принялся хлопотать над завтраком, раздумывая чего-бы состряпать из имеющегося скудного провианта, да и к тому же без очага. Покумекав, он растёр в деревянной кружке пряные травы, аккуратно разбил два припасенных еще с реки яйца кекликов и перемешал все вместе сухарным крошевом, приправив получившуюся густую болтуню небольшой щепоткой соли.

— Ох, кабы можно было все это дело изжарить! — подумал Бард, с сожалением поглядывая на торчащий из расселин сухостой, но огня разводить все-же не стал. Заслышав крикание Сида, он подвинулся ближе и протянул ему полную кружку:

— Доброго утречка, старина! Вот, я снова отличился — смастерил вполне пригожий завтрак. Бьюсь о заклад, ты такого не пробовал.

— Доброго и тебе, милсдарюшка! — протянул Сид, любопытно заглядывая в кружку, — А что это там у тебя плещется? Пряно пахнет, вкусно небось!

— Это изысканное Венгардийское лакомство, — важно заявил Бард, — Называется гогель-могель! Правда его принято делать сладким, с обязательным добавлением мёда и крепкого двухгодичного рома, но что уж поделать — чем богаты, тем и потчуем!

Приняв кружку, Сид аккуратно отхлебнул и, немного почмокав губами, одобрительно закивал головой.

— Про этот вашенский когель-ногель я не слыхал, но у нас в Сильдене похожий напиток называют яичным пивом. Оно к нам из Нордмара пришло: по тамошнему рецепту тоже полагается делать напиток сладким, правда к мёду примешивают побольше густых сливок, или-же заливают доверху жирнящим коровьим молоком.

— Ищ ты, — довольно крикнул Бард, — Вот бы отведать! Но все-же мой гогель-могель звучит, по-моему, лучше.

— А у нас, на Хоринисе, этот напиток гагер-нагером кличут, — раздался голос воротившегося охотника, — И делают его из яиц падальщика, смешивая желтки с виноградным сиропом и растёртым в крошево листом серафиса. Очень сильно помогает от зимних хворей и детских желёзок, до сих пор лесная бабка Саггита сельских пострелят этим снадобьем лечит. Впрочем, завтракайте быстрее, боюсь что новости у меня не самые

лучшие.

— Что там? — буркнул Сид, вымачивая остатки напитка краюхой чёрного хлеба. На душе у него итак беспокойно скреблось, поэтому к дурным новостям он отнесся чуть-ли не с полным равнодушием. Бард-же наоборот, мигом отложил еду и наострив уши изготовился слушать.

— Ну, во-первых погода сильно испортилась, — молвил охотник, — Полторы-две версты вверх по склонам мы еще как-нибудь преодолеем, а дальше облака лежат на верховьях и не видно ни зги, поэтому ход придется замедлить. Всяческие же промедления нам сильно не на руку, ведь погоня от нас если и отстала, то не так чтоб уж шибко: в трех верстах книзу есть один холм, старые ловчие его еще «наблюдательным» кличут, с него в погожий день весь край как на ладони раскрывается до самой низины. Погода-то, конечно, нынче дрянь предрянная, но костерок около нижних опушек я все-ж смог разглядеть. Как пить дать, погоня наша лагерь разбила подле прилесных холмовий, ну и как только туманы от реки отойдут, то выступят за нами наверх. Оттоль до нас — вёрст эдак пятнадцать, не больше, а справные мужики хоть-бы и тутошних дорог не зная такое расстояние преодолеют до полудня, особо при этом не запотев. Ну а ежели мы сами до полудня проберемся через тутошные косогоры и свернем наконец на восток, то может от погони наконец отделаемся: восточное плато для быстрого хода крайне пригоже — оторвемся верст на двадцать, а там уж и Маги Воды подсобят.

Наскоро упаковав поклажу и собравшись с духом, путники покинули уже казавшуюся почти родной лощину, выступив обратно на горную дорогу. От непрекращающейся холодной мороси разбитая тропа порядком осклизла, поэтому идти приходилось медленно, пристально следя за каждым шагом. Шли молча; Сид — тяжело припадая на короткий походный посох, Бард — легкой, но в то же время неуверенной поступью, и охотник Драгомир — впереди всех, зорким глазом осматривая округу дабы выискать то и дело теряющуюся меж рытвинами тропу. Пополудню вышли на крутое, поросшее сухим репейником угорье, сизо-серые облака прилегли путникам почти почти-что на макушки. Охотник объявил короткий привал, сам-же отлучился обратно, проведать как там поживает погоня, воротившись-же сообщил что вроде-бы никого видно не было, но из-за выклубившихся книзу туманов округа проглядывалась от силы на полторы версты. Скучно попотчевав двинулись дальше, покатый склон медленно выровнялся и тропа, обогнув небольшую россыпь заросших терновником валунов, повела в сторону глубокого оврага.

— Уже скоро возьмем на восток, — бодро отчеканил охотник, — Горный перевал аккурат за этой балкой, а там уж... — он оборвался на полуслове и, остановившись как вкопанный, тяжело вздохнул. — Вот тебе на! — узкую горловину оврага преграждал возвышающийся до небес обвал.

— Леший меня раздери! — брякнул с досады Сид, устало облокотившись на посох.

— А что, точно не перелезем? — с надеждой в голосе сказал Бард, но поймав почерневший взгляд охотника, тотчас умолк.

— Увы, — хрипло молвил охотник, — Через такой обвал разве что горный козел перескачет, и то не с первого раза. Эх, кабы оно на пол версты дальше осыпалось, может быть и перебрались бы: там овраг ширше становится, там уж как-нибудь краем, а тут... прямо наваждение какое-то, бесовщина!

— С самого начала бесовщина, — задумчиво молвил Сид, — Знать-бы чем она окончится. На мгновение ему показалось что из подпоясного кошелья раздался еле

слышимый смех.

— Да что уже там, выкрутимся как-нибудь! — попытался приободрить путников охотник, но голос его предательский дрогнул. — Ох, трясцы его матери! — выругался он тогда, — Значит так: воротимся обратно на склон, а оттуда возьмем еще южнее и пройдем вдоль горных ключей. Не хотел я идти той дорогой, но так оно видимо у нас на роду написано.

— А что с ней не так, с той дорогой? — боязливо молвил Бард.

— Все с ней так, — горько усмехнулся охотник, — Ежели чего, она пожалуй что и поживописней этой скалистой тропы будет! Горные ключи — довольно известная охотничья делянка, в прежние времена там водилось порядком разного зверья, нынче говорят стало поменьше, но все равно тревожно. Ведь если рассудить по-хорошему, нам с тамошней живностью тягаться очень опасно, даже я бы сказал — смертельно опасно. Не к добру молвлено будет, но ты когда-нибудь видел что может с человеком сделать стая голодных глорхов?

— Нет, но подозреваю что ничего хорошего, — сказал Бард страшно побледнев.

— Очень верно подозреваешь, музыкант, очень-очень верно, — угрюмо кивнул охотник, — Но увы, нам или обратно идти, или вперед по новой дороге: на обратном пути нас точно подкараулят те скверные молодчики с пристани, ну а на дороге через ключи могут ожидать голодные глорхи. Что выбираем?

— Глорхов! — твердо ответил Бард, с содроганием вспомнив о свирепых прислужниках колдуна.

— Угу, и я тоже, — кивнул Сид, — Лучше уж дикого зверя желудок, чем диких людей кандалы!

— Вот и порешили, — ухмыльнулся охотник, — А теперь в путь.

Быстро вынырнув из оврага и обогнув отвесные кручи, путники вышли на южную тропу, по правую руку которой тянулся поросший карликовым кустарником склон, слева-же шумел первый из многих горных источников, резво спрыгивая с острых языков скал. От первого источника тропа взяла круто вверх и, извернувшись замысловатым зигзагом, повела вдоль второго ручья, гораздо более широкого и бурного. С каждой пройденной верстой русло расширялось, наконец-то унялась холодная морось, сгладились покрытые горным разнотравьем крутые бережки, а над проплешинами окрестных холмов, проглядывая через ключья хмари, забрезжило яркое солнце. Путники приободрились, как следует обсохнув и согревшись. Шагающий впереди охотник задумался — не сделать-ли привал, но все-же решил обождать с отдыхом. Сил покамест хватало, да и к тому-же хотелось пройти этот край как можно быстрее.

Миновало как следует за полдень, когда порядком подуставшие путники прошли наконец-то мимо второго ключа и, обогнув крохотную равнину от которой отходил третий ключ, свернули наконец в сторону востока, вступив на проторенный через скалы узкий карниз. Ущелье третьего ключа смыкалось перед ними горными кряжами, южнее от карниза замаячили пики пограничных с Миненталем хребтов, с вершин которых торчали сложенные из сланцевого камня башни — черные, словно кто-то вымарал их сажей, приземистые, и на удивление широкие.

— Чьи это башни? — удивленно похлопывая глазами спросил Бард.

— Это дозорные башни орков, — ответил охотник, — Стоят тут испокон веков, мало кто из людей на них забирался.

— Орков? — с испугом переспросил Бард, — Неужели тут кроме глорхов и орки водятся?

— До сотворения Барьера над Долиной Рудников точно водились, — сообщил охотник, — В те времена эти земли считались далеким пограничьем страны Минентальских орков. Дикий этот народ в ту пору часто спускался с гор, бывало доходя аж до самой реки, но людям нисколько не докучал благо крупных селений в этих местах как нынче нет так и впредь не бывало. С орками тутошнюю глушь делить приходилось разве что охотникам, но как говаривал мой покойный дед: в прежние времена вольные ловчие Хориниса и лесные орки Миненталья умели находить меж собой общий язык.

— Люди и орки ладили? — изумился Бард.

— Говорят ладили, только давно это было, — вздохнул охотник, — Разве разберешь сейчас что было, а что небыль? Но дед рассказывал о промышляющих в приграничных с Долиной землях охотниках, которые исстари носили на себе какой-то особенный знак что для орков являлась символом дружбы. Завидев человека с этим знаком, орк не затевал драки а шел мимо с миром, иногда даже вежливо раскланявшись и пожелав удачи в охоте. По крайней мере такую историю любили рассказывать старые охотники, а как оно подлинно — то уж никто не ведает.

— В Миртане я о таком не слыхал, — молвил Сид, — Чтобы люди и орки мирились, вот уж диво из див!

— Те орки, которые у вас нынче в Миртане города жгут — они совершенно другие, — ответил охотник, — С тутошним лесным народом материковые орки схожи разве что именем, ну и внешним обликом, да и то не совсем. Видел-бы ты этих Минентальских увальней! Вроде и орк, а так поглядишь — чистый медведь: кряжистый такой, с головы до пят мохнатый, на задних лапах до сих пор стоит неловко, будто бы выпрямившись ходить научился вчера. Тутошные орки словно напрямую из старых сказаний вылезли, из легенды про то, как человек убил зверя и низверг его в царство Белиара. Материковые-же орки вовсе на зверей не похожи.

— Что уж говорить, какие там звери! — согласился Сид, — Тот народ что валит на нас из-за ледников Нордмара от рода человеческого пожалуй ничем не отличается, а кое где и вовсе опережает его: взять хотя-бы их богатырскую силищу и воинскую смекалку.

— А с чего они на вас валят-то, эти странные орки? — заинтересовался охотник.

— Один Белиар знает, да леший бы их душегубов подальше побрал! Ведь никакой обиды мы этому неизвестному народу не делали, старая война Робара Святого их никак не касалась. Великий этот король, да святится его имя во веки веков, в древнюю пору бивал орков из Неизведанных Земель что повадились разорять Миртану, то и дело высылая разгульными ватагами из-за мглистых западных гор. Сам-то я их не видывал — бо, то были времена моих дедов и прадедов, но из сохранившихся преданий известно что ражьи орки запада больше походили как раз таки на тутошний лесной народ, нежели на привалившего из Нордмара грозного сородича. Оттоль и стих старой проповеди — «и Человек убил Зверя, и низверг его в царство Белиара», такие дела.

— Да уж, дела чернее сажи, — заметил охотник, — А меж тем мы уж без малого десять верст отмахали, может даже так выйдет что к концу дня доберемся до подъема на плато, только вот тебе диво — за всю дорогу я не приметил ни одного звериного следа!

— И слава Богу, — облегченно вздохнул Бард, — Не очень-то хотелось иметь дело с тутошной живностью.

— То да, — буркнул охотник, — Но все-ж непорядок — ни зверей, ни следов. Но полно, чем скорее пройдем, тем меньше похлопочем!

Дальше шли молча, впереди по-прежнему шел охотник Драгомир то и дело припадая к земле и осторожно вслушиваясь в округу, за ним настороженной походкой шествовал Бард, ставший за это время прытким и чутким как лань. Немного поодаль, замыкая шествие ковылял старина Сид, согнувшийся в три погибели и тяжело опираясь на посох то-ли от усталости, то-ли от лежащего на душе беспокойства. День померк, на белесых верховьях заиграли отблески заходящего солнца, вконец измотанные путники как могли прибавили ходу, но ущелье третьего ключа и узкий карниз вдоль которого бежала тропа все никак не заканчивались. Получасом потягавшись с крутеющим подъемом и окончательно растратив остатки сил, они свернули с тропинки, пересекли холодный ручей и, вскарабкавшись на небольшую каменистую осыпь, решили заночевать. Укрытием послужила раскрывшаяся прямо за осыпью глубокая расселина, со всех сторон поросшая чахлым кустарником и жесткой как щетина травой. Костров решили не жечь и на этот раз, подкрепившись вяленным кротокрьсым мясом с остатками найденных Бардом кекликовых яиц. Расшнуровав сумку с путевым скарбом, охотник Драгомир принялся выуживать ночлежные шкуры, но вдруг разом бросив затею настороженно вскочил на ноги.

— Чу! Слышите?

— А? Что там? — встрепенулся Бард.

— Тс-с-с, слушай!

Мигом отложив еду путники поднялись и, усиленно напрягая слух, стали вслушиваться наступающую ночь. Поначалу до них донеслись привычные шумы горного края: над верховьями тихонько завывал ветер, изредка потрескивали жухлые ветви кустарника, в лежащей под ними ложбине весело прыгая с камня на камень журчал и куражился холодный ручей. Но минуто спустя к привычным шумам стал примешиваться какой-то посторонний рокот, гулкий и мерный, походящий на ритмический стук, словно кто-то меж горных верховий вздумал колотить в барабаны. Перестук этот нёсся попеременно — то нарастая, то умолкая, но с каждым новым началом становясь все отчетливей и громче. Минуто спустя сереющие в ночной мгле склоны озарились всполохами багряного пламени, пуще прежнего загремел дробный перестук, над узким ущельем ключа пронеслись первые зычные раскаты ратного горна.

— Не уж-то ли орки? — сдавленным голосом просипел Сид.

— Похоже на то, — мрачно молвил охотник, — А их ведь тут быть не должно, эти земли давно покинуты!

— Очевидно старые хозяева решили вернуться, — сказал Сид, нащупывая рукоять короткого кинжала.

— Что-же делать-то будем? — спросил Бард, испуганно озираясь на вспыхивающие среди гор зловещие зарева.

— Авось они сюда не свернут, — ответил охотник, — Ведь если их много — то нерезонно брести вдоль карниза, где пройти можно разве что гуськом. Скорее всего они идут старой торной дорогой, которая спускается от сторожевых башен к устью второго ключа — вовремя-же мы оттудова смылись! Но вы покамест укройтесь тут: даже если кто и пройдет по тропе, то в прогалине этой, за кустарником, вас уж точно никто не заметит, а я меж тем пойду-поразведая что там да как. Сидите и носа без меня никуда не кажите!

Прежде чем Сид с Бардом успели что-либо возразить, охотник Драгомир тенью

выскользнул из-за кустарника и, в два прыжка обогнув сыпучий склон, еле видимой тенью перемахнул через ручей. Пол минуты спустя его серый силуэт исчез в ночной мгле и путники остались одни. На минуту показалось что барабанная дробь поутихла и отошла в сторону, но тут сверху разнесся леденящий кровь верезг орчьего горна. Замерев за кустарником, путники увидели, как освещающая округу желтыми языками факельного пламени на тропе показалась первая вереница Минентальских орков. Они шли, чеканя по-военному шаг и громыхая вороненным доспехом, за их спинами гремели, выбивая ритм, походные тамбуры. Возглавлял цепочку дюжий беломордый орк-шаман, с ног до головы обвешанный замысловатыми амулетами и яркими драгоценными камнями. Всем своим могучим станом опираясь на здоровенный посох, больше походивший на неструганую дубовую жердь, орчий шаман вел свое воинство горделиво задрав мохнатую голову. Сработанное из волшебной руды навершие посоха мерцало перед шаманом угрюмо-сизым свечением — путеводным для его подслеповатых глаз, привыкших заглядывать в незримый для обычного ока мир магических потоков и теней. Мало кто знал, но пользуясь подобными светильниками шаманы орков умели предошущать рунную магию паладинов, этим самым выискивая и угадывая засады людей короля. А цепь орков все тянулась и тянулась вдоль карниза, хрипели натруженные дыханием орчьи глотки, казалось что шествию воинства не будет конца.

— Где-же охотник? — тихонько пискнул вжавшийся стены ложбины Бард

— Не вижу, — процедил сквозь зубы Сид, осторожно выглядывая из-за кустов. Тут сверху ущелья покатилося злое рыканье, жестоко щелкнули плети, вниз по скалистой тропе понеслись грубые когтистые лапы — это орчьи погонщики гнали своих свирепых ищек.

— Леший-бы их в качель! Вот если вынюхают нас, то хана. — отпрянув от кустов молвил Сид.

Подгоняемые жестоким погонщиком вдоль тропы пролетели первые псы, отвечая на каждый взмах плети недовольным поскуливанием. Пролетели — и скрылись за поворотом. Следом за ними, важно вскинувши хвост и выбросив из клыкастой пасти огромный слюнявый язык, трусцой бежал огромный вожак гончих — наводящая страх злонравная псина с широким плоским носом и зыркающими из-под мешковатых век воспаленными глазами. Было бегущий пёс внезапно остановился, настороженно повел по воздуху носом и, вскинув бугристую голову, протяжно завыл. Орчье воинство встало как вкопанное миглом ощерившись черными ятаганами. Занеся над собой посох, беломордый шаман стал настороженно вышагивать вдоль шеренги, злая орчья ищейка тем временем еще раз обнюхала воздух и, сиганув с каменистого карниза в ущелье, деловито зашлепала по ручью. К ужасу путников, собака двигалась в сторону не приметной осыпи, над которой и лежала сокрывающая их ложбина. Бард закрыл лицо руками, пуше прежнего вжавшись в скалу. Пригнулся и Сид, судорожно ухватившись за толстую рукоять кинжала.

— Ну-ка поди сюда, грязная тварь! — изо тьмы грянул громкий голос охотника. Серебряным звоном отозвалась тетива его ловчего лука, метко пущенная сквозь ночь стрела с шипением вонзилась в толстую шею ищейки. Рухнув на брюхо с протяжным воем, свирепый зверь пал и тотчас издох. С тропы наверху лавиной сошел грозный рёв, заворчали трещотками орчьи арбалеты.

— Драгомир! Где ты? — подскочив на ноги крикнул Сид и, в два прыжка преодолев ложбину, очертя голову бросился вниз по осыпи.

— Сид! Стой! — вскрикнул Бард, пытаясь ухватить удаляющегося спутника, но тот

словно растворился в ночи.

— Сид! Драгомир! — закричал еще раз Бард. В ответ послышался лай взбесившихся орков, под неровным светом факелов Бард успел разглядеть их мрачные фигуры, спешно карабкающиеся с карниза к ручью.

— Сид, Драгомир, бегите! Они внизу! — пуще прежнего заорал Бард, но тут его что-то больно ужалило в лоб: то-ли метко пущенный камень, то-ли отскочивший от скал орочий болт. Брызнула кровь, застелило глаза, Бард пошатнулся и, зацепившись за ветви кустарника, беспомощно рухнул на каменное дно ложбины. Последним что он успел увидеть был яркий проблеск белого света, в уме его смешавшийся с отчаянным ревом орков, огнями факелов, и еще каким-то чужим, совершенно неизвестным шумом.

— Сид... — прошептал Бард немеющими губами и, потеряв сознание, впал в глубокое беспамятство.

Шесть часов спустя узкое ущелье третьего ключа озарило выкатившееся из-за верховий яркое солнце. Лучи его, отражаясь от голубеющих вдали вершин, высветили поросшую кустарником ложину, на холодном дне которой так и лежал беспамятный Бард. Миновало за полдень, когда солнце вышло в зенит и начало как следует припекать. Протирая глаза сквозь спекшуюся коркой кровь, Бард медленно приходил в себя. Приподнявшись с локтей на колени, он боязливо выглянул за кустистую изгородь: тянувшаяся вдоль каменистого карниза тропа была совершенно пуста, внизу беззаботно бежал и весело булькал горный ручей.

— Сид? Драгомир? Где вы? — неровным голосом кликнул Бард, все еще побаиваясь что незнамо откуда могут нагрянуть орки, но окрестные скалы ответили лишь слабым отражением его собственного голоса.

— Сид! Драгомир! Куда-же вы делись? — кликнул Бард погромче, но опять в ответ раздалось лишь эхо. Окончательно уверившись в собственном одиночестве, молодой менестрель разворошил оставшиеся за спутниками торбы и, немного подкрепившись, решил обследовать округу.

Аккуратно спустившись с насыпи, он сперва проследовал к ручью, не рискуя покамест лезть на открытый карниз. Зеленеющий мхами и приземистой травкой бережок был истрепан кованными сапожищами орков, около небольшого уступа виднелось почерневшее от солнца пятно, где очевидно издохла сраженная стрелой охотника ищейка. К удивлению Барда, сама падаль не отыскалась: на примятых стеблях чертополоха висели лохмотья окровавленной песьей шерсти.

— Вот бы узнать кому взбрело утаскивать дохлого пса! — подумал Бард, в смятении почесывая затылок. Умыв лицо студеной ключевой водой и немного освежившись, он переступил через поток и, вскарабкавшись по отлогому склону, осторожно вылез на тропу. Усеянная мелкой галькой каменистая поверхность была сплошь и рядом изрыта следами тяжелой орочьей обуви, кое где поблескивали обломанные наверху чёрных арбалетных болтов, валялись лоскуты то-ли подранного доспеха, то-ли орочьей шерсти, но крови и трупов не было.

— Неужели орки их пленили и погнали за собой? — тихо ужаснулся Бард. Тщетно старался он высмотреть отпечатки человеческих подошв: каждая пядь тропинки была перепахана тысячей спешащих вниз углублений — огромные и размашистые вытиски орочьих лап, словно кто-то подхлестывал их убраться с этого места. Извернувшись на северо-запад, тропа вильнула за каменистый отвес, Бард двинулся следом, оглядывая каждую

пядь, но, к его изумлению, орчьи следы оборвались сразу за поворотом. Дальше тропа протягивалась совершенно гладко, ни единая былинка не была потревожена чьим-либо приметным отпечатком.

— Вот уж диво из див! — молвил про себя Бард, — Неужели Минентальские орки умеют летать?

Потоптавшись на месте и осмотрев чуть-ли не каждую травинку, он было засобирался назад к стоянке, но тут его взор привлек какой-то странный блеск: подле вклинившегося в скалистый отвес валуна что-то явно переливалось под игривыми лучами солнца. Осторожно обойдя камень, Бард прищурился высматривая источник вспышек, но наконец разглядев озаренный солнцем предмет ошарашенно ахнул, будто ему крепко дали под дых. Колени Барда подкосились, теряя чувства он грузно присел на дорогу.

Чуть поодаль от валуна, игриво искрясь на залитой солнцем гальке, лежал загадочный черный камень.

Конец Первого Тома

Больше книг на сайте - Knigoed.net